Александр Кравчук

ГАЛЕРЕЯ РИМСКИХ ИМПЕРАТРИЦ

История Рима в женских лицах

Знаменитые жены и любовницы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перевод с польского Е.В. Смирновой

Книга крупнейшего польского ученого, знатока античности и писателя Александра Кравчука является продолжением знаменитой «Галереи римских императоров». Яркие образы и судьбы жен и возлюбленных римских императоров от Августа до Феодосия позволяют по-новому взглянуть на историю Рима, приоткрыть завесу тайн и интриг, царивших при императорском дворе. (Историческая библиотека).

- Александр Кравчук
  - Предисловие
  - Клавдия
  - Скрибония
  - Ливия
  - Випсания Агриппина
  - Юлия
  - Клавдилла
  - Орестина (или Орестилла)
  - Лоллия Павлина
  - Цезония
  - Ургуланилла
  - Элия Петина
  - Мессалина
  - Агриппина
  - Октавия
  - Поппея Сабина
  - Статилия Мессалина
  - Эмилия Лепида
  - Петрония
  - Галерия
  - Домицилла
  - Аррецина Тертулла
  - Марция Фурнилла
  - Домиция Лонгина
  - Плотина
  - Сабина
  - Фаустина Старшая
  - Фаустина Младшая
  - Луцилла
  - Криспина
  - Марция

- Тициана
- Скантилла
- Юлия Домна
- Плавцилла
- Нония
- Юлия Павла (или Корнелия Павла)
- Аквилия Севера
- Анния Фаустина
- Орбиана
- Павлина
- Орестилла
- Транквиллина
- Отацилия
- Эрения Этрусцилла
- Афиния
- Корнелия Супера
- Мариниана
- Салонина
- Ульпия Северина
- Урбика
- Приска
- Валерия
- Эвтропия
- Теодора
- Максимилла
- Елена
- Фауста
- Констанция
- Олимпиада
- Евсевия
- Фаустина
- Елена Младшая
- Харито
- Марина Севера
- Юстина
- Домника
- Констанция
- Лета
- Флацилла
- Галла
- Комментарии

Александр Кравчук

Галерея римских императриц

Предисловие

Данная книга является дополнением «Галереи римских императоров». В ней представлены судьбы всех жен римских императоров от Августа до Феодосия Великого включительно, то есть от создания империи как новой формы общественного устройства до 395 г., когда эта империя распалась на две части – западную и восточную. При таком подходе первой императрицей является Ливия, а последней – Галла. Однако для полноты картины в галерее представлены жены, с которыми будущие правители сочетались браком до своего вступления на трон – то есть тогда, когда многие из них даже не помышляли о пурпурной тоге императора. Именно по этой причине «Галерея римских императриц» начинается не с Ливии, формально первой императрицы в истории Рима, а значит, и всей Европы, а с почти забытой еще в древние времена Клавдии, которая была женой Октавиана, будущего императора Августа, в самом начале его политической карьеры. В виде исключения отражены в «Галерее» и судьбы женщин, которые, по всей вероятности, были лишь любовницами властителей, но связь с ними имела продолжительный характер и оказала влияние на исторические события – таковы, к примеру, Марция – любовница императора Коммода, или Елена – тоже, по-видимому, лишь любовница императора Константина I. Приведенные в «Галерее» сведения о жизни императриц почерпнуты из трудов древних историков, писателей, поэтов – словом, из всей сохранившейся до наших дней литературы. Был также использован эпиграфический материал – то есть различные надписи – и нумизматический материал – монеты. Список основных источников эпохи и более поздних произведений приводится отдельно.

В названии каждого раздела дано имя императрицы (в форме, принятой в русской языковой традиции). В краткой заметке, помещенной под названием, дается полное имя императрицы в латинском написании, а также имя и годы правления императора, женой которого (и которой по счету) она являлась, приблизительные даты свадьбы и развода (если таковой имел место), годы жизни, количество детей, а также информация о том, имела ли она официальный титул августы.

Для правильного понимания как этих данных, так и иных фактов и понятий, о которых идет речь в повествовании, необходимы некоторые пояснения в трех основных областях – это римская система имен и фамилий, римское понимание института брака, сущность и форма самой римской империи. Все они

отличны от ставших привычных нам норм и традиций.

Типичное римское полное мужское имя состояло из трех элементов: личного имени (praenomen), родового имени (gentilicium) и семейного прозвища (cognomen). То есть Гай – имя, Юлий – название рода, Цезарь – прозвище данного семейства. Идентичным образом строятся и имена Публий Корнелий Сципион, Марк Туллий Цицерон, Публий Овидий Назон. Появлялись также дополнительные прозвища – к примеру, Азиатский или Африканский, связанные с тем, что их обладатели одерживали победы в этих местах. Бывало и так, что в одном имени объединялись прозвища разных семейств и разных людей. Но также встречаются и имена из двух элементов – такие как Марк Антоний. Римские семейные прозвища изначально были кличками, как это часто бывает в деревнях, и это не удивительно – ведь римское общество первоначально было сельским. Например, Назон – Носач, Брут – Тупица. Если же говорить об именах, то их набор был ограничен, и в семьях они традиционно повторялись. Чаще всего встречались имена Авл, Гай, Гней, Луций, Марк, Публий, Квинт, Секст, Тиберий, Тит. Из женских имен в пример можно привести такие как Гая, Фауста, Луция, Публия, а также порядковые – Прима, Секунда, Терция, Кварта, Квинта, которые, кстати, вовсе не означали порядка рождения – они, так же как и прозвища, чаще всего наследовались от матери или бабки. Однако в конце республики и в период существования империи, то есть в тот период, который описывается в «Галерее», женские имена практически вышли из употребления – по крайней мере, в высших сферах. При этом функцию личных имен стали выполнять родовые имена. К примеру, дочь Гая Юлия Цезаря звали Юлией, дочь Марка Антония – Антонией, а Тиберия Клавдия – Клавдией. Если в семье было несколько девочек, к имени старшей прибавляли Major (Старшая), а младшей – Minor (Младшая). Использовались также прозвища, заимствованные от предков, как по мужской линии, так и по женской. Так, дочь Тита Оллия должна была бы зваться по отцу Оллией, но она взяла родовое имя и прозвище матери, Поппеи Сабины, чей род был куда более знатным. И поэтому в историю жена Нерона вошла не как Оллия, а как Поппея Сабина.

В течение длительного времени царила также мода на расширение женских имен путем обогащения их именами и прозвищами предшествующих поколений, бабок и прабабок. Анния Аврелия Галерия Луцилла звучит еще вполне терпимо, но бывали имена и значительно длиннее. Разумеется, на практике в повседневной жизни пользовались лишь одним именем, так что в приведенном выше случае женщину называли Луциллой.

Следует также напомнить, что со времен победы христианства и до наших дней старые римские родовые имена повсеместно функционируют как мужские и женские имена. Отсюда Юлий и Юлия, Эмиль и Эмилия, Клавдий и Клавдия, Антоний и Антония.

Очень важно и показательно то, что, в отличие от наших традиций и обычаев, римлянка, выходя замуж, не меняла ни своего личного имени, ни родового. Иногда в виде пояснения следовало дополнение к имени: Ливия Августа – то есть Ливия, жена Августа, или Плотина Траяни – Плотина, жена Траяна.

Тот факт, что замужняя римлянка продолжала носить свое родовое имя, во многом символичен. Женщина, выходя замуж, хотя формально и переходила из-под власти отца под власть мужа, и до, и после замужества имела значительную самостоятельность. Это следовало из самой сущности римского брака, который представлял собой добровольный союз двоих (самих молодых или их родителей, если молодые оставались под их властью), соответствующих определенным условиям (возраст, гражданство, принадлежность к определенному сословию, не слишком близкая степень родства) и по обоюдной договоренности принявших решение о постоянном совместном проживании: Consensus facit nuptias – для заключения брака необходимо обоюдное согласие. Брачный союз нигде не регистрировался и не заверялся – ни чиновниками, ни жрецами в храмах. Римский брак был институтом частно-общественным, а не бюрократическим. Конечно, проводились традиционные свадебные церемонии, приносились жертвы богам, были гости и свидетели, торжественно соединялись правые руки, произносилась красивая традиционная формула Ubi tu Gaius, ibi ego Gaia, невесту с песнопениями провожали к дому жениха, который торжественно переносил ее через порог на руках, а самое главное – заключали имущественное соглашение. Но все это имело второстепенное значение. Необходимым и достаточным для брака было лишь обоюдное желание сторон состоять в нем, то есть affectio maritalis. Есть желание – есть брак. Если же желание сохранять брак хотя бы у одной из сторон исчезает, семья разрушается и наступает развод. И тут тоже, как и при заключении брака, не требовалось никакого судебного процесса или расторжения в храме, не надо было обращаться ни в какие инстанции. Достаточно было устного или письменного заявления, причем причина расторжения брака значения не имела, хотя достаточно часто таковой объявлялось бесплодие, несходство характеров, тяжелый характер супруга или супруги, подозрения в измене. Принцип полной свободы в этой сфере наиболее кратко и

ясно сформулирован в конституции императора Александра Севера от 223 г.: Libera matrimonia esse antiquitus placuit – с давних времен супружество признается свободным союзом. И даже особенно торжественная старинная свадебная церемония, именуемая farreato, при разводе отменялась объявлением disfarreato.

Чтобы не оставалось никаких недопониманий, стоит добавить, что знаменитые законы о браке, принятые императором Августом (вполне возможно, под влиянием его жены Ливии), совершенно не изменили ни принципов, ни сущности, ни характера данного института. В них прежде всего оговаривалось, кто может вступать в брачные союзы. Законы эти давали определенные привилегии супругам, и прежде всего тем, у кого были дети, накладывая, в свою очередь, определенные финансовые и юридические ограничения на тех, кто пребывал в безбрачии и детей не имел. Эти же законы регулировали вопрос о том, что следует делать при обнаружении супружеской измены и каковы могут быть наказания за это. Говоря современным языком, эти законы носили просемейный характер, но самого института брака не затрагивали. Как и иные благие намерения, эти, стремящиеся слишком глубоко проникнуть в личную жизнь гражданина, законы почти не имели практического значения.

Первый известный нам развод (о нем сохранились письменные упоминания в хрониках) состоялся в Риме в 231 г. до н.э. Конечно, первым вообще он наверняка не был. Затем, особенно в период заката республики и в первые десятилетия существования империи, мы часто слышим о расторжении брака. Следует однако иметь в виду, что имеющиеся в нашем распоряжении источники информации об этом историческом периоде касаются в основном верхушки общества – людей, связанных с большой политикой и имевших огромные состояния. С другой стороны, многое свидетельствует о том, что, несмотря на подобную легкость разводов, они вовсе не приветствовались, и отношение к ним было скорее отрицательное, поэтому среди представителей низших слоев расторжение брака случалось нечасто. Возможно, именно тот факт, что любая из сторон могла так легко разорвать брачные узы в связи с тем, что любовь угасла, заставлял супругов заботиться о том, чтобы этого не случилось. Кто знает, не был ли это самый верный способ поддержания прочности брака – куда более результативный, чем все юридические и религиозные запреты. Нам, воспитанным в убеждении, что брак – это союз, разорвать который невозможно, а если уж доходит до разрыва, то только в самом крайнем случае, по причинам совершенно исключительным, которые должны быть

исследованы и доказаны в процессе крайне неприятного судебного разбирательства, подход римлян к этим вопросам может показаться весьма странным. Но как были бы удивлены римляне тому, что можно заставить кого-то жить с человеком, который его не устраивает и с которым он жить просто не хочет! Ведь подобное принуждение – насилие над естественным правом, над самой его сутью. Точно так же, как невозможно заставить кого-то продолжать любить, когда любовь ушла. Ведь страсть посылают нам боги, и они же могут забрать ее обратно, а потому посторонним до этого не должно быть никакого дела.

Конечно, тут сразу же возникает вопрос: а что тогда делать с детьми и с имуществом? С детьми все было совершенно ясно – в соответствии с законом и традициями дети всегда оставались под опекой отца, и он нес за них ответственность. Имущественные же проблемы регулировались соответствующими договорами уже при заключении брака.

На практике решающую роль при заключении брака играла воля родителей. Именно отец и мать решали, на ком должен жениться сын и за кого следует выдать дочь, они же провозглашали, что между женихом и невестой имеет место супружеское влечение. Девушку признавали годной к замужеству (nubilis) не ранее 12-13 лет, но обычно и не позднее 15. Жених обычно был старше невесты, и порой значительно – это соответствовало бытовавшему в древности мнению, что биологические часы мужчин и женщин идут по-разному.

Девушки рано выходили замуж, рано становились матерями и умирали тоже рано. Статистические данные ужасают, и, похоже, картина была одинакова во всех слоях общества. Об этом свидетельствуют тысячи надгробий – как женщин из обычных семей, так и тех, что вошли в «Галерею римских императриц». Чаще всего молодые матери умирали из-за осложнений при родах. В наше время мы привыкли к тому, что почти во всех странах средняя продолжительность жизни женщины выше, чем мужчины, и что чем старше возрастная группа, тем больше в ней количественное преимущество женщин. Однако в римском обществе все обстояло с точностью до наоборот: высокая ранняя смертность среди женщин приводила к так называемой маскулинизации старших возрастных групп – мужчин в них было значительно больше, чем женщин. И такие примеры, как прожившая 86 лет императрица Ливия и умершие в почти столь же преклонном возрасте Эутропия и Елена, являются исключением из общего правила.

Читатель наверняка обратит внимание на то, что в краткой информации даты рождения и смерти императриц, так же как и

даты заключения брака, чаще всего даются приблизительно. Точных данных в дошедших до нас материалах просто нет, и приходится восстанавливать их окольными путями. Во многих биографиях (и это может оказаться полезным) показан ход рассуждений, позволяющий восстановить эти приблизительные даты. Скудость информации о жизни императриц связана, конечно же, с тем, что они в основном оставались в тени своих мужей, даже если их фактическое и косвенное значение, а также влияние, оказанное ими на большую политику, были огромны. Однако биографов всегда больше интересовали сплетни, скандалы и наветы. Создается такое впечатление, что даже серьезные историки древних времен превращались в подобие сегодняшних журналистов, а порой прямо-таки в папарацци, когда им доводилось писать о женах императоров. Читатель сам рассудит, сколько в этих материалах правды, а сколько – выдумки, какие сведения заслуживают доверия, а что можно счесть плодом больного воображения. Стоит, однако, заметить, что, в общем и целом, судьбы императриц были нелегкими, а в большинстве даже трагичными. Многие из этих женщин дорого заплатили за годы, а порой всего лишь месяцы или дни блеска и славы. Их не щадили, а одновременно и недооценивали современники, и потому сегодня мы вынуждены пользоваться тем убогим и небеспристрастным материалом, который они нам оставили.

И, наконец, давайте вспомним о том, о чем уже говорилось в «Галерее римских императоров»: не следует переносить наши представления, связанные с понятиями «император» и «императрица», на те времена, о которых идет речь в этих книгах. Веками произнося эти слова, мы представляем себе коронации и пышные церемониальные наряды, императорские регалии, величие особы, царствующей по соизволению Бога. Но так было в Средневековье, а не в древности. Форма правления, введенная императором Августом в 27 г. до н.э., которую принято называть империей, а более правильно – принципатом, заключалась прежде всего в том, что высшие должности республики сосредотачивались в одних руках, что давало принцепсу фактическую власть при сохранении видимости существования республики и всех ее институтов, включая сенат. Так что не было никаких церемоний коронации императоров и императриц, Не было также, по крайней мере в первые века, никаких особых символов власти, кроме тех, которые можно считать наследием республиканских времен, как, к примеру, пурпурная тога, ранее бывшая отличительным знаком вождя. С годами привилегий становилось больше, в том числе и у императриц.

Император согласно постановлению сената получал титул Августа [1], который становился частью его имени, и поэтому его до сих пор принято писать с прописной буквы. Однако с течением времени он превратился в почетное звание, что допускает его написание со строчной буквы. Что касается императриц, то с ними дело обстояло по-разному. За одними этот титул признавали сразу (разумеется, всегда с разрешения императора), другие получали его через какое-то время, а некоторые этой чести и вовсе никогда не удостоились. В случае императриц «августа» было лишь почетным титулом, поэтому в настоящее время его принято писать с маленькой буквы.

Только император имел право чеканить в Риме монету со своим изображением, титулами и символикой. Однако изображения императриц появлялись на монетах, которые чеканились в греческих монетных дворах, и прежде всего в александрийском. Лишь со времен Домиции Лонгины, жены императора Домициана, монеты с изображениями императриц стали регулярно чеканить также и в Риме. До этого такой чести в виде исключения была удостоена лишь Агриппина – жена Клавдия и мать Нерона.

Императрицам, так же как и императорам, воздавались божественные почести, у них были свои храмы и жрецы – но только на Востоке. В Риме они удостаивались этой чести лишь посмертно, по постановлению сената, который признавал за ними им титул diva – «божественная». Конечно, удостаивались ее не все. Бывало, что после смерти постановлением сената они получали damnatio memoriae – дословно «приговор к забвению». В этом случае рушились все воздвигнутые им при жизни статуи, а имя вымазывалось и соскребывалось со всех надписей. Это, конечно, варварский обычай, но он приводился в исполнение на основе законного юридического акта, явно и честно. Куда большее варварство, вызывающее отвращение, – приговаривание к забвению на основании всяческих тайных инструкций и распоряжений. Известны слова Йозефа Геббельса, который запрещал своим писакам упоминать имена тех, кто был ему неугоден: «Вы должны замолчать их насмерть!» Такими методами пользовались и пользуются до сих пор как тоталитарные режимы, так и те страны, которые считаются демократическими правовыми государствами. Повторю еще раз – римляне в этом отношении были честны. Хотя, впрочем, все эти оруэл- ловские попытки вымазать что-то из памяти всегда кончались и до сегодняшнего дня кончаются прямо противоположным результатом.

Жизнеописания императриц даны в хронологическом

порядке, однако так, чтобы каждая биография по мере возможности представляла собой понятное и завершенное целое. Отсюда и некоторые повторы. Для понимания судьбы каждой императрицы необходимо было, разумеется, хотя бы схематично упомянуть о личности и политике ее супруга – ровно настолько, насколько это необходимо для понимания хода рассуждений.

Остается еще один последний вопрос, важный и интересный – изображения императриц. Как известно, образцы античной живописи нам неизвестны, за исключением незначительных сохранившихся фрагментов. В сущности, у нас есть лишь один живописный портрет императрицы – знаменитое египетское тондо, на котором изображены Юлия Домна, Септимий Север и Каракалла. В остальных случаях приходится полагаться на монеты и статуи. Монеты, как правило, слишком малы и не особенно точны в передаче черт лица. Статуи, с другой стороны, не всегда удается идентифицировать. Есть много прекрасных работ, посвященных иконографии императоров и императриц, но не меньше существует и противоречий, касающихся интерпретации. Обо всем этом надо было бы написать отдельную книгу. В данной ситуации наилучшим выходом кажется ограничение иллюстраций до четких и выдержанных в одном стиле гравюр XVII века, сделанных с античных монет с изображениями императриц.

Клавдия

Claudia

Первая жена Гая Юлия Цезаря, в юности звавшегося Октавианом, который правил впоследствии как император Август с 27 г. до н.э. до 14 г. н.э.

Брак был заключен в 43 г. до н.э., развод состоялся в 41 г. до н.э.

Клавдия была дочерью пользовавшегося дурной славой Публия Клавдия, которого звали также Клодием. Этот забияка и демагог, смертельный враг Цицерона, погиб в драке в январе 52 г. до н.э. От брака с Фульвией у него было дочь, носившая его имя – Клавдия. Когда отца не стало, девочке было не более двух-трех лет. Фульвия впоследствии еще дважды выходила замуж. Ее третьим и последним супругом был Марк Антоний, один из приближенных к Цезарю военачальников. Когда в 44 г. до н.э. диктатор был убит заговорщиками в здании сената, Антоний стал одним из наиболее влиятельных политиков, соперничавших за верховную власть. Дело дошло до гражданской войны, в которой участвовал также молодой внук сестры Цезаря Гай Октавий, которому в то время было всего 20 лет. Цезарь усыновил его в своем завещании, и юноша стал официально зваться Гаем Юлием Цезарем, хотя обычно его называли Октавианом, так как происходил он из рода Октавиев.

Осенью 43 г. до н.э. во время боев между войсками Антония и Октавиана воины обеих армий вынудили трех своих вождей пойти на соглашение, которое было заключено между Антонием, Октавианом и Лепидом. Так был образован второй в истории Рима триумвират. Воины также требовали, чтобы данное соглашение было упрочено брачными союзами.

В этой ситуации и был заключен брак Октавиана с падчерицей Антония, Клавдией, которой в тот момент было около 12 лет. Даже в те времена это был слишком юный для замужества возраст, поскольку обычно девушку выдавали замуж в возрасте около 15 лет. О Клавдии тогда говорили, что она vix nubilis – то есть лишь приближалась к брачному возрасту.

Таким образом, двадцатилетний Октавиан по политическим соображениям женился на девушке, которая была младше его, по крайней мере, на семь лет. Он пошел на это, хотя был уже обручен с Сервилией, дочерью влиятельного бывшего консула. Октавиан разорвал помолвку, смягчив гнев Сервилия второй консульской должностью – на 41 г. до н.э.

Брак с Клавдией остался незавершенным. Во всяком случае,

через два года после этого Октавиан, отсылая свою юную жену, чтобы заключить новый брак (и снова по политическим соображениям), официально поклялся в том, что Клавдия осталась девственницей. Современники гадали, а не планировал ли он с самого начала не трогать девушку, считаясь с возможностью новых политических союзов? Зная, однако, о более поздних эротических вкусах Октавиана, которые нашли свое отражение в разных источниках, можно выдвинуть другое предположение: его явно привлекали зрелые женщины, а особенно – замужние. Способствовала разводу и теща – Фульвия. Это была женщина необыкновенная, и определенно не слишком симпатичная: алчная, раздираемая амбициями, бесконечно плетущая всяческие интриги. Говорили, что в ней нет ничего женского, кроме тела. Октавиан ее терпеть не мог. Во всяком случае, он так утверждал, чтобы таким образом продемонстрировать, что против самого Антония ничего не имеет.

Как в дальнейшем сложилась судьба Клавдии, мы не знаем. Мать ее умерла естественной смертью в 40 г. до н.э., то есть почти сразу после развода Клавдии. Отчим, Антоний, тогда уже был прочно связан с Клеопатрой. Вышла ли Клавдия снова замуж? Интересовался ли ей когда-нибудь ее первый муж, будущий император? Очень сомнительно, поскольку Октавиан, как известно, даже к самым близким ему людям был абсолютно равнодушен.

Скрибония

Scribonia

Вторая жена Октавиана, правившего впоследствии как император Август с 27 г. до н.э. до 14 г. н.э.

Брак был заключен в 40 г. до н.э., развод состоялся в 39 г. до н.э. Умерла после 17 г. н.э.

В браке с Октавианом родила дочь.

В отличие от своей предшественницы Клавдии, Скрибония к моменту вступления в брак с Октавианом была уже зрелой женщиной, успевшей дважды побывать замужем и родить троих детей. От первого брака с Корнелием Лентулом у нее был сын, а от второго, с Корнелием Сципионом, – сын и дочь. Само собой разумеется, оба мужа принадлежали к сенатскому сословию. Почему она дважды разводилась? Об этом источники умалчивают. Однако среди римской аристократии разводы происходили так часто и так просто, что не вызывали удивления.

Ее брат, Скрибоний Либон, выдал свою дочь за Секста Помпея, фактического правителя Сицилии, создавшего на острове что-то вроде пиратского государства. Готовясь к войне с Антонием, Октавиан должен был обеспечить себе безопасность со стороны моря и никак не мог допустить того, чтобы Секст Помпей и Антоний объединились против него. Друг и советник Октавиана, Меценат, в 40 г. до н.э. провел переговоры со Скрибонием Либоном, в результате которых было заключено соглашение:

Октавиан женился на сестре Скрибония, обеспечив себе родственные связи с Секстом Помпеем. Однако брак длился очень недолго, всего год, поскольку Октавию быстро удалось договориться сначала с Антонием, а затем и с Секстом Помпеем. До войны пока дело не дошло. Под конец 39 г. до н.э. Скрибония родила дочь, которая, конечно, получила официальное имя отца – ее назвали Юлией. Сразу же после рождения дочери Октавиан развелся с женой, утверждая, что сделал это «по причине ее дурного характера» propter perversitatem morum.

Эту обтекаемую латинскую формулировку можно понимать как угодно. Была ли Скрибония безнравственной или же просто вздорной и несносной? То, что она разводилась и раньше, наводит на размышления. Но неоспоримым фактом является и то, что именно в это время Октавиан познакомился с красивой молодой замужней женщиной и вовсе не скрывал, насколько сильно был ею увлечен.

Отвергнутая Октавианом Скрибония продолжала жить в

Риме. Один из ее сыновей удостоился назначения консулом, дочь вышла замуж за сенатора такого же ранга. Совершенно иначе сложилась судьба ее дочери от Октавиана, о чем будет рассказано отдельно в жизнеописании, посвященном Юлии.

Во 2 г. до н.э. Август приговорил свою дочь Юлию к изгнанию (к тому времени она была уже вдовой Агриппы). Сначала она жила на почти безлюдном островке, а затем в городе Регии на самом юге Италии. Скрибония добровольно сопровождала дочь в изгнании. Умерла Юлия в 14 г. н.э.

Еще раньше Скрибонии пришлось оплакать внезапную смерть двух своих внуков, сыновей

Юлии. Луций умер во 2 г. н.э., а Гай – в 4 г. н.э. Затем в изгнание отправили ее внучку, Юлию Младшую, а в 14 г. был убит третий внук – Агриппа, родившийся уже после смерти своего отца.

В 17 г. Скрибония была еще жива. Именно в этом году она посоветовала не совершать самоубийство своему родственнику Скрибонию Друзу, обвиненному в заговоре против императора Тиберия. Известно, что Скрибония сказала ему: «Зачем тебе делать чужую работу?» Она хотела, чтобы вся ответственность за смерть молодого человека легла на императора. Совет был мудрым, но юноша его не послушал. Он сам лишил себя жизни, что не помешало судебному разбирательству в сенате продолжиться и после его смерти.

Ливия

Livia Drusilla

Третья и последняя жена Октавиана, правившего с 27 г. до н.э. до 14 г. н.э. как император Август.

Родилась 30 января 58 г. до н.э.

В 43 г. до н.э. вышла замуж за Тиберия Клавдия Нерона. После развода с ним вышла замуж за Октавиана 17января 38 г. до н.э. В 14 г. во исполнение завещания умершего Августа была удочерена его семьей,} получив имя Юлия Августа.

Умерла в 29 г. в возрасте 86 лет.

Была причислена к сонму богов в 42 г. как Diva Augusta (Божественная Августа). Имела двух сыновей от первого брака.

Многие из ее современников-римлян полагали, что Ливия была строгой матерью Республики и суровой мачехой императорского дома. Определения эти весьма неоднозначны. У сегодняшнего историка, стремящегося объективно оценить Ливию и ее роль в истории как первой императрицы Рима, от сопоставления фактов и противоречивых мнений современников просто руки опускаются. Так все же мать или мачеха? Стремилась ли она в первую очередь любой ценой гарантировать власть своим потомкам или же ей по какому-то злому стечению обстоятельств несправедливо приписывают поступки, которых она не совершила? Прав ли бы Август, всегда подозрительный и беспощадный в том, что касалось политики, более полувека безгранично доверяя этой женщине, или же он был попросту слеп на все, что происходило в его собственном доме, как это бывает со многими мужчинами? А может быть, прав был Клавдий – так презираемый Ливией внук, впоследствии проявивший редкую лояльность к памяти бабки, – который метко охарактеризовал ее словами – «Улисс в женском одеянии» – то есть как женщину умную, но коварную и опасную?

Правдив ли ее образ, так рельефно прорисованный современным романистом Робертом Грейвсом, который описывает ее как женщину, готовую пойти на все, чтобы обеспечить будущее своих детей, как змею, ползающую по мраморным плитам императорского дворца? А может, нам следует довериться мнению авторов, живших в ту же эпоху, что и Ливия, высказывавшихся о ней с уважением и восхищением?

Превосходившая всех соотечественниц своим происхождением, благородством, красотой, женщина, во всех отношениях больше похожая на богиню, чем на обычного человека, жена, которая содержала свой дом согласно наилучшим

традициям, мудрая и великодушная госпожа, более доступная в общении, чем ее предшественницы. Как мать она не всегда владела своими чувствами, хотя и была покорной женой, умевшей справляться и с хитростью мужа, и с чудачествами сына.

Некоторые факты из ее биографии совершенно очевидны и бесспорны, иные противоречивы.

Родители и первый брак

Отец Ливии, сенатор Марк Ливий Друз, во время вспыхнувшей после убийства Цезаря гражданской войны выступил на стороне Брута и Кассия против Антония и Октавиана. В октябре 42 г. до н.э. он принимал участие в битве при Филиппах и, когда Брут и Кассий потерпели поражение, покончил с собой.

Спустя лишь месяц после его смерти, 16 ноября того же года, его дочь Ливия, жена Тиберия Клавдия, родила сына – будущего императора Тиберия. Ей самой к тому моменту было всего шестнадцать лет. Ее муж, за которого она вышла, скорее всего, в конце 43 г. до н.э., сначала был одним из военачальников Цезаря, но когда тот погиб от кинжалов заговорщиков в сенате, он, так же как и тесть, сразу же встал на сторону его убийц.

Тиберий Клавдий, преследуемый Октавианом, с которым он был в ссоре, в 40 г. до н.э. вынужден был бежать на Сицилию вместе с Ливией и двухлетним Тиберием. Когда они тайно садились на корабль в Неаполе, их чуть не выдал плач ребенка. С Сицилии они перебрались на Пелопоннес, в Спарту, но и оттуда им пришлось спасаться бегством. На пути через горы они внезапно попали в лесной пожар. Ливия чуть не погибла, у нее загорелось платье и обгорели волосы.

Но когда в 39 г. до н.э. Октавиан заключил мир с Антонием, семья смогла, наконец, вернуться в Италию. И именно тогда Октавиан случайно встретился, скорее всего впервые, с девятнадцатилетней Ливией, которая как раз ждала второго ребенка. Он решил жениться на ней, и как можно скорее. Для него не имело значения, что его собственная жена Скрибония только что родила ему дочь – как показало будущее, его единственного ребенка. Он развелся со Скрибонией, по-видимому, прямо в день рождения своей дочери Юлии. Однако предусмотрительно обратился в жреческую коллегию, чтобы выяснить, а можно ли вступать в брак с женщиной, которая ждет

ребенка. Жрецы ответили, что можно, если факт беременности известен. Окружающие заметили, что с момента знакомства с Ливией Октавиан стал бриться (до этого он носил небольшую бородку). И именно таким он предстает перед нами на всех своих изображениях – гладколицым до самого конца своей жизни. И с тех пор обычая брить бороду придерживались все императоры I в. до н.э.

Второй брак

Свадьба состоялась 17 января 38 г. до н.э. Ситуация была по меньшей мере странной: мало того, что невеста была уже на шестом месяце беременности, так еще и роль отца, выдающего дочь замуж, играл не кто иной, как ее бывший муж и отец ребенка, которого она в тот момент ждала! Позднее, во время свадебного застолья, случился забавный инцидент. В те времена женщины обычно держали при себе маленьких мальчиков – что-то вроде амуров. Увидев, что на пиру Ливия занимает место рядом с Октавианом, а Тиберий Клавдий расположился в другом месте рядом с кем-то другим, один из мальчиков подошел к ней со словами: «Что ты здесь делаешь, госпожа? Ведь твой муж вон там!» и показал пальцем. Гости изрядно позабавились, однако не показывая вида. Через несколько лет первый муж Ливии умер. Ему устроили пышные похороны, а речь, прославлявшую покойного отца, произнес на них его старший сын Тиберий, которому тогда было около 9 лет.

Уже через 3 месяца после свадьбы Ливия родила второго сына, который по отцу получил фамильное имя Друз. Октавиан сразу же отослал мальчика к его настоящему отцу – Тиберию Клавдию, который и занимался его воспитанием, пока был жив. А по столице в связи с рождением Друза ходила ехидная поговорка: «У счастливых дети родятся уже через три месяца!»

Так по иронии судьбы Ливия, дочь смертельного врага Октавиана, жена его противника, сама подвергавшаяся преследованиям его людей, стала его женой. Ей же довелось стать, как формально, так и фактически, первой римской императрицей и матерью будущего императора – о чем в момент свадьбы никто, разумеется, даже и не помышлял. Именно ей, дочери и жене ярых приверженцев республики! Еще древние историки обращали внимание на необычность ситуации – как будто все произошедшее было подстроено богиней злого рока.

Брак Ливии с Октавианом длился более полувека – они жили в гармонии, взаимной любви и уважении. Ни один из последующих императорских браков в Риме не мог сравниться с этим ни в продолжительности, ни в столь образцовом супружеском согласии. Однако их союз остался бездетным, и это стало причиной многих личных трагедий и политических последствий. Их первый и единственный ребенок родился мертвым. Причиной тому, по всей вероятности, была несовместимость крови, поскольку от других браков у обоих были дети. Однако их современники усматривали в этом немилость, а порой даже и месть богов.

Когда Ливию спрашивали, чем ей удалось так привязать к себе супруга, она отвечала: «Истинной скромностью: тем, что всегда охотно исполняла все его желания, и тем, что никогда не вмешивалась в его дела, а еще тем, что не только никогда не упрекала его за романы на стороне, но притворялась, что о них и не подозреваю».

Следует, однако, признать, что муж платил ей за это глубочайшим уважением и не стеснялся проявлять его публично. Он никогда не скрывал ни своей привязанности к жене, ни того, что очень считается с ее мнением.

Императрица

Об исключительном положении, которое занимала Ливия, свидетельствуют привилегии и почести, которыми ее осыпали по инициативе Октавиана. До сих пор ни одна женщина в Риме не имела таких широких прав. Уже в 35 г. до н.э. сенат принял постановление о том, что в ее честь можно возводить статуи, а сама она может вести свои имущественные дела лично, без опекуна. А богатством она обладала огромным, и оно все росло. За Ливией также была признана та же степень неприкосновенности, какой с древнейших времен пользовались лишь народные трибуны, аналогом такой неприкосновенности трибунов как представителей народа в наши дни может служить посольский иммунитет. Через несколько лет после этого она получила и привилегии, которыми пользовались лишь матери троих детей, хотя у нее было только два сына.

В 27 г. до н.э. сенат признал за Октавианом множество прав и почестей, в том числе и титул Августа, который стал частью его имени. Так он и вошел в историю как император Август,

формально первый римский император. Этот год принято считать началом нового общественного строя в истории Рима. Ливия при жизни мужа титул августы не получила. Лишь после его смерти в 14 г. н.э. она по завещанию была удочерена родом Августа и с этого момента получила имя Юлии Августы. Пока муж был жив, почти во всех надписях ее именуют Livia Augusti или Lima Caesaris – Ливия, жена Августа или Ливия, жена Цезаря. Зато в надписях, сохранившихся в греческих городах, ее часто называют богиней, а на выбитых там монетах можно увидеть ее изображение и титул августа (по-гречески Sebaste).

Ливия сопровождала императора во многих его поездках по западным и восточным провинциям и, как все считали, служила ему советом и помощью, хотя никогда не делала этого публично.

Ливия и семья

Но за блеском Императорской славы, великолепием торжеств и божественного почитания текла семейная жизнь. И, несмотря на образцовое согласие супружеской пары, в этой жизни были свои сложности, драмы и даже трагедии. Перед императором стояла проблема: как обеспечить, с одной стороны, стабильность страны и государственного строя, а с другой стороны – будущее и безопасность своего потомства. Ведь пока еще ничего не было закреплено ни законом, ни традицией. Новый общественный строй лишь создавался, и фактически все пока держалось на том, что важнейшие государственные функции были сосредоточены в руках одного человека – Августа. Но кто и каким образом все это наследует? Вопрос осложнялся еще и тем, что у Августа не было сына.

В 25 г. до н.э. единственную дочь Юлию он выдал за сына своей сестры – Клавдия Марцелла. Жениху тогда было 17 лет, невесте – 14. Нам неизвестно, одобряла ли Ливия этот союз. Впрочем, брак длился недолго, поскольку Марцелл умер уже через два года, не оставив потомства. И тогда впервые поползли слухи о том, что в этой безвременной смерти повинна Ливия, отравившая юношу, чтобы освободить дорогу к власти своим сыновьям. Слухи эти опровергали, обращая внимание на то, что год был на редкость неудачный: смерть скосила огромное количество жителей Рима, жертвой ее едва не пал и сам Август. В наши дни можно определить, чем был вызван неожиданный всплеск заболеваемости, что стало причиной той или иной

эпидемии. Но в те времена каждая неожиданная смерть становилась основанием для обвинений в том, что человека отравили.

Вторым мужем юной вдовы Марцелла стал по воле Августа его ближайший друг и соратник Випсаний Агриппа. Он уже был женат на дочери сестры Августа и имел детей от этого брака, но ему пришлось развестись. Разница в возрасте между ним и Юлией была весьма значительной – более 20 лет.

Свадьба состоялась в 21 г. до н.э. Вскоре Август дождался внуков: двух мальчиков и двух девочек. Третий сын родился уже после смерти Агриппы в 12 г. до н.э.

Если Ливия и лелеяла какие-то тайные надежды относительно будущего своих сыновей, Тиберия и Друза, то они стали совершенно нереальны при таком количестве внуков у Августа. Но как раз смерть Агриппы открыла определенные возможности, которыми воспользовались, без сомнения, по инициативе самой Ливии.

Еще в 12 или 11 г. до н.э. Юлии пришлось выйти замуж за Тиберия, который был старше ее на 3 года. Она, дважды вдова с пятью детьми, почти тридцатилетняя женщина, вступала в брак с мужчиной, который ради этого брака вынужден был развестись с любимой женой Випсанией – дочерью Агриппы от его первого брака. У Випсании уже был ребенок от Тиберия, и она как раз ждала второго. Тиберий выполнил то, что ему приказали, мнения Юлии вообще никто не спрашивал, а Август и Ливия могли считать, что сделан весьма разумный шаг – как с политической, так и с семейной точки зрения. Ведь благодаря этому браку потомство Августа соединилось с потомством Ливии. Раз уж у них не было общих детей, то они могли рассчитывать хотя бы на общих внуков.

Поначалу казалось, что несмотря ни на что супружество Тиберия и Юлии будет удачным. Однако после смерти единственного ребенка, родившегося от этого брака, они отдалились друг от друга. Юлия вела скандально безнравственную жизнь, а Тиберий сначала молча терпел это, а потом отправился в добровольное изгнание.

Однако еще до того, как это случилось, в 9 г. до н.э. Ливии выпало испытать огромную радость, наблюдая за тем, как встречают овациями въезжающего в город после побед в Паннонии Тиберия – это был пусть скромный, но все же триумф. Тогда она вместе с Юлией организовала прием для замужних женщин из знатных семей. Но тот же год принес ей, как матери, непоправимую потерю и огромную боль: ее младший сын Друз умер осенью в Германии, не дожив и до 30 лет. Тело его из-за

Альп перевезли в столицу. Через полвека Сенека так описывал эту траурную процессию и материнское горе: «Погребальная процессия тянулась до самого Рима. Не суждено было матери принять последний поцелуй сына, услышать последние слова умирающего. В долгом пути сопровождала она останки своего Друза, и хотя по всей Италии полыхали бесчисленные погребальные костры, душу терзала жалость, как будто на каждом костре она его теряла. Но как только внесла она его в склеп, тут же похоронила и сына, и боль свою. (…) Беспрестанно славила она имя сына своего Друза, везде размещала его изображения – и в своих личных покоях, и в публичных местах. С наивысшим удовольствием и сама все время о нем говорила, и разговоры о нем других слушала, словом, жила его памятью» [2].

Сохранилась написанная для Ливии небольшая поэма, сочиненная ей в утешение – возможно, что ее автором был Овидий. Чтобы унять ее боль, возводились статуи и Ливии были пожалованы привилегии, которые полагались матери троих детей, хотя в живых к тому времени у нее остался лишь один сын.

Ливия поселила в своем доме вдову Друза Антонию и их детей – двух сыновей и дочь. Так сложилось, что дольше всех у нее жил на тот момент двухлетний мальчик, будущий император Клавдий. Она его терпеть не могла. Ливия разговаривала с ним лишь в исключительных случаях, но не упускала случая сделать замечания либо в письменном виде, либо через третьих лиц. Причиной неприязни, по всей вероятности, было то, что мальчик заикался и слегка волочил ногу, а впоследствии всерьез увлекся историей. А члену императорского семейства не пристало иметь подобную внешность и проявлять интерес к интеллектуальным занятиям.

Когда во 2 г. до н.э. император приговорил свою единственную дочь Юлию к ссылке на маленький островок Пандатерию, ее бывший муж Тиберий, сам пребывавший как бы в добровольном изгнании на острове Родос, попытался вступиться за нее и этим навлек на себя гнев Августа. С большим трудом Ливии удалось тогда выпросить у оскорбленного мужа для Тиберия хотя бы формальное назначение легатом – посланником императора.

Ее планы относительного будущего семьи рассыпались в прах. Друз был мертв, Тиберий – изгнанник, преемниками Августа должны были стать сыновья Юлии и Агриппы.

Но вот судьба – и только ли она? – вновь полностью изменила положение дел.

Во 2 г. н.э. в Марсилии, по дороге в Испанию, внезапно умирает девятнадцатилетний Луций Цезарь, а через два года на

Востоке умирает и его старший брат Гай, которому только исполнилось 24 года. Их безвременный уход из жизни был настоящей трагедией для императора Августа, потерявшего таким образом двух своих любимых внуков. Последний оставшийся в живых внук, Агрип- па Постум (то есть родившийся после смерти отца), был еще слишком молод и к тому же отличался скорее физической силой, чем умом.

Стоит ли удивляться, что повсеместно, хотя и шепотом, именно Ливию начали обвинять в коварном убийстве двух молодых людей, стоявших на пути к трону ее сына Тиберия. А тот как раз во 2 г. н.э., то есть в год смерти Луция Цезаря, возвратился с Родоса в Рим.

Стареющему и все больше слабеющему Августу необходим был молодой соправитель и будущий наследник. Он долго колебался, кого выбрать: Тиберия, которого он не любил, или Германика, сына умершего более десяти лет назад Друза. Преимуществом Тиберия был его зрелый возраст (ему было уже за сорок), в пользу Германика склоняли память о его отце и популярность, которую он везде с легкостью приобретал. Решающую роль сыграло давление, которое оказывала Ливия, и Август выбрал Тиберия. В конце концов, был найден компромиссный вариант. В июне 4 г. н.э. Август усыновил Тиберия, а тот – Германика. Таким образом, осуществилась материнская мечта Ливии: ее родные сын и внук были фактически назначены наследниками верховной власти.

Однако у Августа остался еще один внук – Агриппа Постум, который был всего на три года младше Германика. Август в 4 г. н.э. также усыновил его, но ни на какие должности не назначил. Впрочем, похоже, что и сам он к должностям не стремился, с увлечением ловил рыбу и занимался спортом. На свою беду он оказался настолько неосторожен, что осмелился жаловаться на Ливию как на мачеху, а от деда, Августа, стал требовать возврата имущества, унаследованного от своего отца Агриппы. И получилось так, что в 6 г. н.э. усыновление было отменено, а молодого человека выслали из Рима в нынешний Сорренто. На следующий год его отправили еще дальше – на малюсенький островок Планазию у берегов Корсики. Никто не сомневался в том, что решающую роль в его судьбе сыграла Ливия, которая, как говорили, полностью распоряжалась постаревшим и теряющим силы императором. Хотя, возможно, Август однажды по секрету от Ливии навестил Агриппу на Планазии, они долго разговаривали, плакали и обнимались. Возможно. Во всяком случае, об этом ходили слухи.

Смерть августа

Летом 14 г. Август покинул Рим и отправился на Капри и в Неаполь. В августе, совсем ослабев, он остановился в Кампании, в городке Нола. Ливия немедленно послала за Тиберием. Девятнадцатого августа император умер – спокойно и в полном сознании, без мучений. Он прожил 73 года. В последний момент он спросил собравшихся у его ложа, хорошо ли он сыграл комедию жизни, и пошутил, повторив слова, которые актеры говорят под конец пьесы: «А поскольку мы прекрасно сыграли, наградите нас аплодисментами и весело проводите!» Потом обернулся к Ливии и сказал ей: «Живи и помни о нашей супружеской жизни. Прощай».

Некоторые, правда, рассказывали, что все было совсем не так. Дом, в котором умирал император, Ливия приказала страже окружить плотным кольцом и продолжала посылать сообщения, что Август чувствует себя лучше, хотя его уже не было в живых. Сообщение о смерти Августа последовало лишь после того, как в Нолу прибыл Тиберий. А на Планазию тут же отплыл корабль с приказом казнить Агриппу Постума. Кто издал этот приказ? Говорили, что Тиберий был весьма удивлен, когда ему доложили, что приказ выполнен. А значит…

Тело умершего императора было с почестями перевезено в столицу. На заседании сената было прочитано его завещание, хранившееся у весталок. Своими главными наследниками Август сделал Тиберия, оставив ему две трети наследства, и Ливию, которой он оставил одну треть. Кроме этого, Ливия тут же была удочерена родом мужа и получила его имя, поэтому в дальнейшем она официально звалась Юлией Августой. Останки императора сожгли на Марсовом поле, а прах и кости Ливия собрала и поместила в склеп. Когда все остальные уже разошлись, она еще некоторое время оставалась с основными сенаторами.

17 сентября постановлением сената Август был причислен к числу богов, а Ливию сделали его жрицей. Она, в свою очередь, вознаградила миллионом сестерциев сенатора, который принес торжественную клятву в том, что своими глазами видел, как Август живым восходит в небо, как некогда это сделал Ромул.

Ливия и Тиберий

Поначалу сенаторы как будто соревновались друг с другом, изобретая для Ливии все новые титулы и почести. Так, предлагали, чтобы месяц октябрь назвать Livius, а предшествующие ему – Tiberius и Augustus. Принято было только это последнее название, и во многих языках оно сохранилось до наших дней. Поток льстивых идей только усилился бы, если бы этому, в конце концов, не положил конец сам Тиберий. Он по-отцовски пожурил уважаемых сенаторов, заметив, что следует умерить пыл в раздавании почестей женщинам.

Кассий Дион так описывает поведение Ливии в первое время после смерти мужа:

«Император просил ее, чтобы она занималась всем, чем ей пристало заниматься. Это было деликатное напоминание о том, чтобы она не вмешивалась в политику, по крайней мере явно. Но ее гордость и желание играть значительную роль проявлялись со всей очевидностью, значительно ярче, чем у какой-либо другой женщины в истории Рима. Она принимала у себя дома сенаторов и частных лиц, и это всегда находило отражение в публичных документах. На письмах Тиберия в течение какого-то времени стояло также и ее имя, а официальные письма направлялись одновременно им обоим. И хотя она никогда не осмеливалась появиться в сенате, в военном лагере или на народном собрании, однако вела себя так, как будто власть принадлежит ей. При жизни Августа она имела огромное влияние и всегда говорила, что именно она сделала Тиберия императором. Поэтому ей недостаточно было править совместно с ним, она всегда хотела быть первой. Из-за этого появлялись разные неординарные предложения относительно ее особы. Многие считали, что ей следует даровать титул Матери Отчизны, другие предлагали назвать Тиберия ее именем, то есть Тиберий, сын Ливии, так же как в греческом мире дается имя отца. Все это беспокоило императора. Поэтому он не утверждал большей части дарованных ей сенатом привилегий и не позволял ей делать ничего, выходящего за рамки общепринятого. К примеру, когда мать собиралась освятить в своем доме статую Августа и по этому случаю устроить прием для сенаторов и эквитов вместе с женами, он не дал ей разрешения. Сначала сенат должен был принять постановление по этому вопросу, а во время приема он пировал с мужчинами, а она – с женщинами. В конце концов, он вообще отстранил ее от общественных дел, и ей пришлось ограничиться только своими частными. И несмотря на все это она так сильно продолжала мешать ему, что он все чаще находился за пределами столицы, пока, наконец, вовсе не переселился на Капри». Таково мнение Кассия Диона.

В 20 г. в сирийской Антиохии при невыясненных обстоятельствах умер внук Ливии Германик, пользовавшийся в народе огромной популярностью. Ему было 34 года. От брака с Випсанией Агриппиной у него осталось три сына и три дочери. Один из сыновей, названный Гаем Цезарем, в дальнейшем властвовал как император Калигула. Известие о смерти внука Ливия встретила без особого сожаления, так же как и Тиберий – известие о смерти сына своего брата. Они даже не участвовали в похоронах Германика – под предлогом того, что публичное оплакивание умершего могло бы принизить их императорское достоинство. Подозревали однако, что и мать, и сын просто опасались, что их притворное соболезнование может стать слишком заметным для взглядов окружающих. Кто знает, сколько в этих сплетнях правды, а сколько – клеветы?

Когда в 22 г. Ливия поставила памятник Августу поблизости от театра Марцелла, в надписи она сначала упомянула свое имя, и только после него – имя Тиберия. Поговаривали, что тот сильно обиделся, хотя и не показал этого. Но когда Ливия тяжело заболела, он, несмотря ни на что, тут же вернулся в Рим. Сенат принял постановление о молитвах за выздоровление Ливии, однако император сильно ограничил торжественность церемонии. Были выпущены монеты, на которых под изображением Ливии виднеется надпись Pietas, символизирующая любовь сына к матери. В следующем, 23 г. греческие города Малой Азии постановили воздвигнуть храм Тиберию, Ливии и сенату, против чего император возражать не стал. Однако на такое же предложение, поступившее от городов Испании, он не согласился.

Смерть и завещание Ливии

Когда в 29 г. Ливия тяжело заболела и вскоре после этого умерла в возрасте 86 лет, Тиберий, в основном пребывавший на Капри, даже не навестил больную мать, не принял он участия и в довольно скромных похоронах, прикрываясь большим количеством очень важных текущих дел. Поэтому и речь у гроба держал не он, а воспитанный Ливией правнук, Гай Цезарь, сын Германика – будущий император Калигула. Сенат готов был осыпать покойную всяческими почестями, однако Тиберий, якобы движимый скромностью, весьма значительно их урезал. Он решительно воспротивился обожествлению Ливии, утверждая, что она сама не захотела бы этого. Сын полностью проигнорировал

завещание матери и предусмотренные в нем дары для друзей и знакомых, среди которых был упомянут и будущий император Гальба. Лишь спустя десять с лишним лет последнюю волю покойной выполнил император Калигула. В соответствии с постановлением сената женщины должны были соблюдать траур целый год, считая со дня смерти Ливии, хотя сам день похорон свободным не объявили, оставив его обычным рабочим днем. Зато никто не воспротивился принятию постановления и строительству арки в честь усопшей – такой почести не удостоилась до нее ни одна женщина. Похоронили Ливию в мавзолее ее мужа.

В последующие годы для сохранения доброй памяти о Ливии больше всего сделал самый нелюбимый ее внук – Клавдий. Едва став императором, он позаботился о причислении бабки к числу богов и об объявлении дня ее рождения праздничным днем. В храме Августа поставили статую Ливии, весталки приносили ей жертвы, женщины клялись ее именем, а на Палатине возвели храм Ливии и Августа.

У Ливии на протяжении ее долгой жизни было много друзей и, видимо, ничуть не меньше врагов. Обвиняли ее прежде всего в том, о чем уже было рассказано ранее – что, будучи для государства мачехой, она повинна в смерти всех, кто мог встать на пути ее детей к власти. Но даже те, кто обвинял ее во всех грехах, очень скоро убедились в том, насколько важным и спасительным было само ее присутствие среди живых. Поскольку лишь авторитет Ливии заставлял злого гения Тиберия, всевластного префекта Сеяна, сдерживаться с исполнением задуманного им мрачного плана – при ней осуществить террор было невозможно. Зато вскоре после ее кончины он вовсю развернул свою деятельность и стал причиной множества смертей – в основном среди родственников и приближенных императора.

Среди тех, кто искренне сожалел о кончине Ливии, наверняка было немало евреев. Она поддерживала хорошие отношения с семьей царя Ирода, сестра которого, Саломея, была ее подругой. Сам Ирод упомянул Ливию в завещании, оставив ей немалую долю наследства, точно так же впоследствии поступила и Саломея. И хотя Ирод не пользовался популярностью у многих своих соотечественников, они не забывали об участии Ливии в оформлении храма в Иерусалиме и подаренных ею ритуальных сосудах. Спустя почти двадцать лет в своем трактате о посольстве к императору Калигуле александрийский еврей Филон вспоминал о щедрости его прабабки. Он спрашивал: почему Ливия так поступила? Ведь она же знала, что в этом храме нет ни одного изображения Бога! А ведь разум женщины, – рассуждал дальше

Филон, – от природы не способен понять то, что не поддается чувствам. Однако Ливия, как утверждает этот писатель и ученый, превозмогла слабость своего пола, причем не только в этом деле, но и во всех остальных. Она сумела совершить это благодаря чистоте воспитания и огромной работе над собой. Она достигла такой ясности видения, что предметы мысли понимала лучше, чем те, которые можно познать посредством чувств, и сознавала, что те, вторые, являются лишь тенями первых.

Конечно, это всего лишь частное мнение иудейского философа. Но как же интересна оценка великой императрицы человеком из чуждого римлянам общества.

Согласно Евангелию, во времена правления императора Августа родился Христос, и он бывал в прекрасно перестроенном царем Иродом храме, к пышному убранству которого приложила свою щедрую руку Ливия, жена Августа.

Випсания Агриппина

Vipsania Agrippina

Первая жена Тиберия, правившего в 14-37 гг.

Вышла за него замуж до того, как он стал императором – в 16 г до н.э., развод состоялся в 12 г. до н.э.

Умерла в 20 г.

В браке с Тиберием родила сына.

Ее отец, Випсаний Агриппа, ровесник, друг и ближайший соратник императора Августа, известен и сегодня благодаря Пантеону – одной из самых красивых и знаменитых древнеримских построек. Мать была дочерью Помпония Аттика, человека очень богатого и культурного, который постоянно жил в Афинах, стремясь оставаться как можно дальше от политических конвульсий Рима. Он поддерживал тесную связь с Цицероном, о чем свидетельствует сохранившаяся корреспонденция.

В 33 или 32 г. до н.э. Агриппина, которой в тот момент был всего год от роду, была обручена с десятилетним Тиберием, сыном Ливии от ее первого брака. Примерно в то же время ее дед Помпоний Аттик, страдавший от неизлечимой болезни, совершил самоубийство, уморив себя голодом. Брак с Тиберием был заключен лишь в 16 г. до н.э., когда девушке исполнилось 15 лет. В следующем году появился на свет их сын Друз, получивший семейное имя отца Тиберия, поэтому его стали звать

Друзом Младшим – чтобы отличать от сына Ливии, брата Тиберия.

Агриппа умер в 12 г. до н.э., и тогда Август и Ливия решили, что его вдова Юлия, дочь Августа, должна выйти замуж за Тиберия. Таким образом, родной сын Ливии создавал семью с родной дочерью Августа. Это было для них настолько важно по политическим и династическим причинам, что личное счастье Тиберия и Випсании Агриппины уже не имело никакого значения. Не принималось в расчет даже то, что Випсания носила второго ребенка, о чем Тиберий, возможно, еще даже и не знал.

Тиберий покорился воле матери и отчима, подавил боль, но затаил обиду. Известие о том, что его бывшей жене приказали прервать беременность, причинила ему неимоверные страдания. Когда через некоторое время Тиберий случайно увидел Випсанию, он не мог оторвать от нее глаз, наполненных слезами, после чего по приказу Ливии окружение внимательно следило за тем, чтобы подобные встречи никогда больше не повторялись.

Випсания вскоре вышла замуж за сенатора Азиния Галла и родила ему пятерых сыновей. Умерла естественной смертью в

начале апреля 20 г., через несколько дней после триумфального въезда в столицу Друза, ее с Тиберием сына, которое состоялось в честь одержанных им побед в Иллирии. Випсания прожила 50 лет. Тацит обращает внимание на то, что из всех детей Агриппы только ей довелось спокойно уйти из жизни. Остальные скончались безвременно – скорее всего, не по своей воле.

Випсании посчастливилось умереть в 20 г., и поэтому ей не пришлось стать свидетельницей трагедий последующих лет. Уже в 23 г. умер молодым ее сын Друз – как подозревают, отравленный собственной женой по наущению Сеяна. А в 30 г. ее мужа Азиния Галла обвинили в прелюбодеянии с дочерью Агриппы от его брака с Юлией, дочерью Августа. Три года он ждал приговора в заключении, где его морили голодом. В заключении он и умер – то ли от голода, то ли покончив жизнь самоубийством. Тиберий никогда не простил Азинию того, что он посмел жениться на его бывшей супруге. Однако, получив известие о его смерти, в которой сам он, в сущности, и был повинен, император лицемерно сожалел о том, что Азинию не суждено было предстать перед судом, который очистил бы его от несправедливых обвинений. В 37 г. внук Випсании Агриппины, сын Друза Младшего Тиберий Гемелл, был убит по приказу императора Калигулы.

Юлия

Julia

Вторая жена будущего императора Тиберия, правившего в 14-37 гг.

Родилась в 39 г. до н.э.

В первом браке была женой Марка Агриппы.

За Тиберия вышла в 12 г. до н.э., была разведена с ним во 2 г. до н.э.

Умерла в изгнании в 14 г.

От первого брака у нее было пятеро детей, а от брака с Тиберием один ребенок.

Юлия родилась в семье Октавиана, будущего императора Августа, и его второй жены Скрибонии. Якобы именно в день рождения Юлии Октавиан развелся с ее матерью. Уже осенью 37 г. до н.э. 2-летняя девочка была помолвлена с Антонием Антиллом, сыном триумвира Марка Антония – разумеется, это было сделано по политическим соображениям. Брак этот так и не состоялся, поскольку политическая ситуация изменилась. Вместо этого спустя чуть более десяти лет, в 25 г. до н.э., когда Юлии исполнилось 15 лет, ее, опять же по политическим соображениям, выдали за сына сестры ее отца – Марка Марцелла, который был старше ее на три года. Однако, к огромному сожалению Августа и, похоже, значительно меньшему Юлии, уже через два года Марцелл умер.

После этого отец выдал Юлию за своего ближайшего друга, Марка Агриппу. Тут он последовал совету Мецената, который без обиняков сказал ему: Агриппа слишком высоко вознесся – либо тебе придется убить его, либо ты сделаешь его своим зятем! Август предпочел второй выход. Однако тут возникла определенная проблема – Агриппа уже был женат, причем на дочери сестры императора. Так что пришлось Августу уговаривать свою сестру Октавию, чтобы она, если можно так выразиться, уступила ему зятя. Что она и сделала. Разумеется, никого не интересовала большая разница в возрасте между Юлией и Марком Агриппой: ей было 18, а ему – 41.

Однако брак этот был удачным, по крайней мере, если говорить о потомстве. Уже через год после свадьбы на свет появился первый сын, Гай Юлий, затем – дочь Юлия, потом Луций Цезарь и Агриппина. Последний сын Юлии и Марка Агриппы родился уже после смерти отца в 12 г. до н.э.

Юлия оставалась вдовой очень недолго. На сей раз ей пришлось выйти замуж за сына Ливии, Тиберия, который был

старше ее на три года. Для этого Тиберию было приказано немедленно развестись с Випсанией Агриппиной, которую он любил, и от которой имел сына. Супруги быстро отдалились друг от друга, чему способствовала смерть их единственного сына, который умер на первом году жизни. Скандальные романы Юлии стали причиной того, что Тиберий, не желая быть посмешищем, под предлогом учебы отправился на остров Родос, хотя мать усиленно умоляла его остаться в Риме. Когда во 2 г. до н.э. вся правда о поведении дочери дошла до императора, тот поступил решительно. Юлию обвинили в оскорблении религии и величества. Ей грозила смертная казнь. В конце концов, ее приговорили к изгнанию на островок Пандатерия у западного побережья Италии. Условия ее жизни там были очень суровыми. Юлию лишили всех удобств, ей было запрещено даже пить вино, а посещать ее можно было лишь по личному разрешению императора. Однако отважная и решительная мать Юлии, Скрибония, сопровождала дочь в этом изгнании. Гнев императора был так силен, что когда одна из рабынь Юлии, Феба, покончила жизнь самоубийством, он публично заявил: «Я бы предпочел быть отцом Фебы, а не Юлии».

Тиберий же по отношению к Юлии проявил удивительную порядочность. Он якобы даже пытался заступиться за бывшую жену перед тестем, за что лишь навлек на себя гнев Августа. Впоследствии Юлии было позволено перебраться с Пандатерии в городок Регию на самом юге Италии. Однако и там жизнь ее легче не стала, а когда в 14 г. к власти пришел Тиберий, условия ее существования ужесточили настолько, что в том же году Юлия и умерла – по-видимому, от голода. После смерти Юлии Тиберий больше так и не женился и до глубокой старости в своем дворце на Капри предавался самым изощренным сексуальным извращениям.

Клавдилла

luma Claudilla

Первая жена будущего императора Гая Цезаря по прозвищу Калигула [3], который правил с 37 по 41 г. Брак был заключен в 33 г., до того как Калигула стал императором.

Умерла при родах до 37 г. Не оставила потомства.

Отец Клавдиллы, Марк Юний Силан, представитель славного аристократического рода, в 15 г. был консулом. Хороший оратор, обладавший прекрасным политическим даром и достоинством, он пользовался всеобщим уважением. Ему доверял даже такой подозрительный ко всем человек, как император Тиберий. Причем доверял настолько, что запрещал принимать к повторному рассмотрению дела, о которых Силан уже высказал свое мнение. На заседаниях сената имел право первого голоса. Выбор именно его дочери в жены для молодого Калигулы, вероятного преемника императора, был знаменательным и мудрым. Силан, связанный семейными узами с новым правителем – своим зятем, – должен был служить ему советом и опытом, будучи при этом полностью лоялен. И разве кто-нибудь мог тогда предугадать, как трагичны окажутся последствия этого решения?

Когда Калигула женился на Клавдилле, ему было уже более двадцати лет. Оставшись сиротой после ранней смерти родителей, Германика и Агриппины, он сначала воспитывался в доме своей прабабки Ливии, а после ее смерти в 29 г. его взял к себе дядя по отцу, император Тиберий, который тогда постоянно жил на острове Капри, предаваясь изощренным оргиям, но при этом крепко удерживая в своих руках дела государственные. Жизнь рядом со злым и жестоким стариком, к тому же еще и сексуальным извращенцем, при дворе, замкнутом и полном интриг, сильно повлияла на психику юноши. Будущее показало, насколько необратимым и страшным было это влияние. Пока, однако, Калигула вел себя более чем разумно, во всем угождая желаниям опекуна и умело скрывая свои мысли.

Свадьба Калигулы и Клавдиллы состоялась в приморском городе Антиум (современный Анцио). Брак длился неполных два года. Еще до того, как Калигула стал императором, Клавдилла умерла при родах. Ребенок родился мертвым или умер вскоре после рождения.

Силан попытался играть роль советника при молодом императоре – своем бывшем зяте, но эти попытки моментально столкнулись с подозрительностью Калигулы и нежеланием прислушиваться к советам бывшего тестя. Первым их

проявлением стало введение Калигулой нового регламента заседаний сената – это лишило Силана привилегии первого голоса. Затем последовали различные обвинения, выдвигаемые посторонними людьми с целью дискредитации Силана. Однажды, когда Калигула отправился на корабле по бурному морю, Силан остался в Риме, опасаясь морской болезни и неудобств, связанных с плаванием. Император моментально заявил, что Силан сделал это, рассчитывая захватить власть, если с императором что-нибудь случится. Потрясенный таким обвинением, Силан перерезал себе горло бритвой, чтобы избежать позорного процесса и обвинительного приговора. Таков был эпилог первого брака Калигулы.

Орестина (или Орестилла)

Cornelia Orestina (Orestilla)

Вторая жена императора Калигулы, правившего в 37-41 гг. Свадьба и развод состоялись в конце 37 или в начале 38 г.

Потомства не оставила.

В свое время император Август отобрал Ливию у ее мужа, когда та была практически на сносях. Калигула совершил нечто еще более необычное: на свадьбе Гая Кальпурния Пизона с Орестиной, куда он был приглашен в качестве свидетеля, он с первого взгляда влюбился в невесту и сам женился на ней. Нам неизвестно, произошло ли это событие в тот же день и на той же церемонии, или же чуть позже. Во всяком случае, Пизон и Калигула поменялись ролями: свидетель стал женихом, а жених – свидетелем. Ходила и такая сплетня, что на свадебном пиру Калигула, взглянув на лежавшую напротив него молодую пару, резко заметил Пизону: «Не прижимайся так к моей жене!» И тут же забрал ее на свое ложе. А на следующий день Калигула издал эдикт, в котором говорилось, что он женился, последовав примеру Ромула и Августа. Первый из упомянутых похитил сабинянок у мужей и отцов, а второй отобрал Ливию у мужа.

Но через несколько дней после этого дело дошло до развода. Император просто заявил, что Орестина ему не подходит, и отпустил ее – запретив, правда, когда-либо встречаться с ее бывшим (или несостоявшимся) мужем Пизоном.

Через два года, то есть скорее всего в 40 г., Калигула приговорил и Орестину, и Пизона к изгнанию, обвинив в том, что они все же встречались, несмотря на его запрет. Наверняка сослали их в разные, расположенные далеко друг от друга места вынужденного пребывания. Калигула был настолько милостив, что позволил Пизону, а значит, скорее всего, и Орестине, взять с собой даже рабов, чтобы было, кому им прислуживать. Пизону разрешили взять десять рабов, но он попросил, чтобы их было больше. Калигула согласился и на это, но добавил: «Не забудь только, что на столько же больше у тебя будет и стражников!»

Мы не знаем, вернулась ли из изгнания Орестина: нет никаких сведений о том, как в дальнейшем сложилась ее жизнь. Известно, однако, что Пизон с большим трудом, но все же получил разрешение возвратиться в столицу, но лишь от императора Клавдия, то есть после 41г. Впоследствии он даже получил должность консула. Женился Пизон на Атрии Галле, которую он отобрал – о ирония судьбы! – у своего приятеля, когда тот уже успел вступить с ней в брак. Современники

высказывались об Атрии весьма нелицеприятно, но Пизон, несомненно, искренне любил её. И доказал он это в трагической ситуации. В 65 г., то есть уже при императоре Нероне, был раскрыт серьезный (и существовавший в действительности) заговор против императора, инициатором которого был Пизон. Последовало множество смертных приговоров и еще больше самоубийств. Сам Пизон добровольно расстался с жизнью, перерезав себе вены на обеих руках, но перед этим написал Нерону унизительно льстивое письмо в надежде на то, что таким образом сумеет спасти жизнь жене.

Лоллия Павлина

LoUia Paulina

Третья жена императора Калигулы, правившего в 37-41 гг. Брак был заключен в конце 38 или в начале 39 г. Развод состоялся вскоре после свадьбы.

Умерла в 40 г.

Лоллия Павлина происходила из знатного и очень богатого сенаторского рода. Ее муж, Меммий Регул, был наместником провинции Мезия, а также Греции и Македонии. Так случилось, что в присутствии Калигулы кто-то расхваливал исключительную красоту бабки Лоллии, которую, по слухам, унаследовала ее внучка. Император тут же приказал Меммию явиться в столицу вместе с супругой. И поскольку Лоллия приглянулась Калигуле, Меммию пришлось развестись с ней. На свадьбе императора и своей бывшей жены Меммий играл роль отца, выдающего замуж дочь. Так повторилась история восьмидесятилетней давности, когда Октавиан женился на Ливии. Вскоре, однако, Лоллия разделила судьбу своей предшественницы Орестины. Император отослал ее под предлогом ее бесплодия, запретив в будущем вступать в брак.

И было бы лучше для нее, если бы она этого запрета придерживалась. Но когда Калигула был убит, а ставший его наследником на императорском троне Клавдий после смерти своей жены Мессалины задумался над выбором следующей супруги, Лоллия через одного из императорских вольноотпущенников выдвинула свою кандидатуру. Тот усердно расхваливал перед Клавдием ее род и состояние и напомнил, что Лоллия уже была императрицей. Однако победило мнение другого вольноотпущенника, и Клавдий взял в жены Агриппину – как оказалось, на собственную погибель. Агриппина же, будучи женщиной мстительной и по натуре преступной, что она неоднократно доказала, не простила Лоллии того, что та осмелилась с ней соперничать. Уже в 49 г. она организовала донос на Лоллию: якобы та обращалась к астрологам и предсказателям, желая выяснить, кто станет женой императора. Лоллию приговорили к изгнанию, а ее огромное состояние конфисковали, оставив лишь 5 миллионов сестерциев. Для сравнения стоит заметить, что стоимость одного ее платья, расшитого жемчугом и изумрудами, оценивалась в 40 миллионов. Неизвестно, какое место ссылки было назначено Лоллии, однако пробыла она там недолго и оставленных ей денег истратить не успела, поскольку вскоре Агриппина добилась для нее смертного

приговора, и Лоллии отрубили голову. Когда императрице принесли отрубленную голову ее жертвы, та не преминула проверить ее зубы, имевшие какую-то характерную отметину, дабы убедиться в том, что не произошло никакой ошибки и это именно незадачливая соперница. Лишь после смерти Агриппины Нерон разрешил семье Лоллии перевезти ее останки и построить достойный склеп.

Цезония

Milonia Caesonia

Четвертая жена императора Калигулы, правившего в 37-41 гг., который был ее вторым мужем. Брак с Калигулой был заключен, вероятно, в конце 39 или в начале 40 г. Погибла вместе с Калигулой 24 января 40 г.

От первого брака имела троих детей, от второго – одну дочь.

«Вистилия, жена славных граждан Глиция, а затем Помпония и Орфиция, четырежды рожала, состоя в браках с ними, и каждый раз – на седьмом месяце беременности. Напротив, Силий Руф был рожден ею на одиннадцатом месяце, а Корбулон на седьмом – оба в свое время стали консулами. Тогда как Цезонию, будущую жену императора Калигулы, она родила, будучи на восьмом месяце».

Так пишет свидетель тех времен Плиний Старший в своем энциклопедическом труде «Естественная история», приводя в седьмой книге примеры разных сроков продолжения беременности. Из его слов можно сделать вывод, что у Вистилии было шесть мужей. В трех первых браках у нее родилось четверо детей, в двух следующих – по одному сыну, а в шестом браке у нее была дочь. И это все, что мы можем сказать о матери Цезонии. Что касается отца, то о нем нам вообще ничего не известно. Наверняка он носил родовое имя Милоний – поскольку так назвали дочь. Скорее всего, он был сенатором, однако ничем в истории не отметился, как, впрочем, и никто иной из представителей этого рода. Мы также не знаем, кто был первым мужем Цезонии – даже имя его нам неизвестно. Цезония уже родила ему трех дочерей, когда на нее, к изумлению всех окружающих, обратил внимание император Калигула. Как пишет Светоний, Цезония не отличалась красотой, она была женщиной не первой молодости, скандально развратной и известной любовью к роскоши. И именно ее император любил сильнее и дольше, чем любую другую из своих жен, любовниц, наложниц. Правда, демонстрировал он свою любовь весьма своеобразно. Иногда он появлялся с Цезонией перед строем преторианцев: она ехала верхом рядом с ним, как амазонка или богиня – одетая в короткий плащ и с небольшим щитом на боку, в позолоченном шлеме. Близким друзьям Калигула демонстрировал ее полностью обнаженной. В течение какого-то времени Цезония была лишь любовницей императора, но в тот день, когда она родила ему дочь, Калигула на ней женился.

Девочку назвали Юлия Друзилла. Это был первый ребенок Калигулы, который так и остался единственным. Калигула был

преисполнен отцовской гордости. Он сам ходил с дочерью на руках по храмам всех богов, а положив ее на колени статуи Минервы, потребовал, чтобы она, богиня, выкормила и воспитала его ребенка. Он требовал этого потому, что и самого себя считал богом, а значит – равным Минерве. Когда девочка немного подросла и начала играть с ровесниками, Калигула внимательно наблюдал за ней. Он торжествующе заявлял, что это, вне всяких сомнений, его кровь, поскольку малышка отличалась врожденной зловредностью: так и норовила ткнуть кого-нибудь пальцем в глаз или в рот.

Сам Калигула столь же мило развлекался с женой и другими женщинами. Целуя кого-то из них в шею, он обычно приговаривал: «Такая прелестная шейка, а я в любую минуту могу приказать ее перерезать!» И сам, удивляясь тому, что так привязался к Цезонии, грозил ей, что под пыткой заставит признаться, как ей удалось этого добиться.

Всех остальных это удивляло ничуть не меньше, чем императора. Поговаривали, что Цезония воспользовалась приворотным зельем и что именно это зелье стало причиной явного и все более опасного безумия Калигулы.

Калигула, Цезония и маленькая Друзилла пали жертвами заговора в один день – 24 января 41 г. Калигулу закололи мечами воины дворцовой стражи в проходе к арене цирка, от меча стражника погибла и Цезония, а их дочь убили, размозжив ей голову об стену.

Ургуланилла

Plautia Urgulanilla

Первая жена будущего императора Клавдия, правившего в 41-54 гг. По всей вероятности, брак был заключен около 10 г., а развод состоялся до 25 г.

В браке с Клавдием родила сына и дочь.

Ургуланилла происходила из высших слоев римской аристократии того времени. Ее отец, Марк Плавций Сильван, был консулом во 2 г. вместе с императором Августом. Позднее он был наместником провинции Азия, подавил восстание в придунайской Паннонии, усмирил далматов, получил от сената так называемые триумфальные украшения. Бабка Ургуланиллы, Ургулания, от которой она и позаимствовала свое прозвище, принадлежала к числу ближайших подруг императрицы Ливии, то есть была женщиной очень влиятельной. Когда ее внук, брат Ургуланиллы, был обвинен в убийстве жены, она послала ему кинжал, без слов объяснив, как ему следует поступить, что он в результате и сделал. В окрестностях древнего Тибура (современный Тиволи) расположен склеп, принадлежавший этой ветви рода Плавциев, где сохранилась эпитафия с именами трех покоящихся в нем лиц: Марка Плавция Сильвана и его жены Ларции – родителей Ургуланиллы – и одного из их сыновей. Возможно, что там же была похоронена и дочь, но надписи об этом нет.

Клавдий, родившийся в 10 г. до н.э., сын Друза Старшего и Антонии, внук Ливии, очень рано потерял отца и долго воспитывался в доме бабки, которая не скрывала своего презрения к нему. Мальчик заикался, волочил одну ногу, говорил невнятно, интересовался больше всего историей. Но, видимо, именно благодаря тому, что он производил впечатление полного неудачника, он сумел остаться в живых и во времена правления болезненно подозрительного Тиберия, и при явном психопате Калигуле. Выгодной партии Клавдий собой не представлял и вовсе не был тем женихом, о котором мечтают девушки, но все же он принадлежал к семье императора. Поэтому, как только закончились его детские годы – скорее всего, после 5 г., – ему выбрали невесту.

Сначала ему предназначали в жены дочь Луция Эмилия Павла, консула 1 г., и внучки императора Юлии – Эмилию Лепиду. Однако до свадьбы дело не дошло, поскольку родители девушки навлекли на себя немилость участием в заговоре. Павл заплатил за это жизнью, а Юлия была отправлена в ссылку. Произошло это в 8 г. Вторая невеста, Ливия Медуллина, род

которой восходил к Камиллу – славному диктатору времен республики, внезапно умерла, хотя и естественной смертью, прямо в день свадьбы.

На основании некоторых косвенных свидетельств можно сделать вывод, что брак с Ургуланиллой был заключен приблизительно в 10 г., когда Клавдию было около 20 лет. В этом браке родились двое детей. Сын, Клавдий Друз, в 20 г. должен был быть обручен с дочерью Сеяна Юнией, однако за несколько дней до церемонии обручения он внезапно умер от несчастного случая: когда мальчик, играя, подбрасывал грушу и ловил ее ртом, она неожиданно проскочила ему прямо в дыхательное горло и там застряла. Когда Ургуланилла родила дочь, Клавдий заявил, что ее отец не он, а кто-то из вольноотпущенников. Он приказал отнести девочку к дому жены и положить голой у дверей. Судя по этому заявлению, супруги к тому времени уже жили отдельно. А через 5 месяцев состоялся развод. Клавдий обвинил жену в недостойном поведении, он даже подозревал ее в убийстве. О дальнейшей судьбе Ургуланиллы и ее дочери ничего не известно.

Элия Петина

Aelia Paetina

Вторая жена императора Клавдия, правившего в 41-54 гг. Брак был заключен до провозглашения Клавдия императором, вероятнее всего в 25 г. Развод состоялся до 41 г.

Родила дочь.

Петина происходила из влиятельного рода Элиев Туберонов. Ее отцом был Элий Кат, консул 4 г., дедом – известный юрист Элий Туберон. Брак Петины с Клавдием должен был быть заключен около 25 г., поскольку их дочь, Антония, названная так в честь матери Клавдия, вышла замуж в 41 г., а ей тогда должно было быть около 15 лет. Как пишет Светоний, причиной развода Клавдия с Петиной послужили мелкие недоразумения. Когда состоялся развод, нам неизвестно. Однако, когда Клавдий, уже став императором, в 48 г. присматривал себе новую жену, как одна из возможных кандидатур рассматривалась и Элия Петина. В частности, ее выдвигал влиятельный вольноотпущенник Клавдия Нарцисс. И это последнее имеющееся упоминание об Элии Петине.

Известно, однако, что судьба ее дочери сложилась трагически. Клавдий выдал ее замуж сначала за Помпея Магнуса, который по женской линии был потомком знаменитого военачальника предшествующего столетия, времен заката республики. В течение нескольких лет он опекал зятя и помогал ему делать карьеру, но потом, и это наверняка случилось ранее 47 г., приговорил его к смерти. Что послужило тому причиной, неизвестно, но то, что к обвинению приложила руку Мессалина, которая в то время была женой Клавдия, не подлежит сомнению. Однако хорошо известны обстоятельства смерти Помпея – его зарубили прямо в объятиях любовника.

Вторым мужем Антонии стал Корнелий Сулла Феликс – последний потомок великого диктатора предшествующего столетия. Бросается в глаза то, что Клавдий выбирал себе в зятья представителей великих родов, игравших значительную роль в последние годы существования республики. Что это – случайность или же сознательная политика? Сулла пал жертвой императора Нерона в 62 г. А всего через три года после этого все тот же Нерон решил жениться на Антонии – вдове своей жертвы. Она отказала императору, и ее тут же обвинили в заговоре и приговорили к смертной казни.

Мессалина

Valeria Messalina

Третья жена императора Клавдия, правившего в 41-54 гг… Брак был заключен до провозглашения Клавдия императором, вероятнее всего, в 39 г. Погибла в 48 г.

Родила дочь и сына.

По линии матери, Домиции Лепиды, Мессалина была правнучкой Марка Антония и Октавии – сестры императора Августа. Иначе говоря, она родилась в семье, связанной узами крови с правящей династией, тем более что отец Мессалины, Марк Валерий Мессала, состоял в родстве с императором Клавдием. Выбор Мессалины в жены Клавдию с точки зрения интересов семьи был вполне обоснованным. Родилась она, вероятнее всего, около 20 г., так что в 39 г. к моменту вступления в брак с Клавдием ей было значительно больше 15 лет. Скорее всего, уже в 40 г. она родила ему дочь Октавию. Данное девочке имя, разумеется, должно было подчеркнуть родство с императором Августом. Сын появился на свет в феврале 41 г., когда Клавдий уже месяц как был императором. Поначалу мальчику дали имя Тиберий Клавдий Германик. Прозвище Германик ему дали в честь отца Клавдия, Германика. Однако осенью 43 г., когда проходили официальные празднества по случаю покорения Британии, мальчика назвали Британик (Britannicus). Под этим именем он и вошел в историю.

Когда Мессалина родила сына, сенат собирался удостоить ее титула августы, но против выступил сам Клавдий. Несмотря на это, некоторые греческие города чеканили монеты с ее изображением, чтобы таким образом оказать честь императрице. Мессалине, как ранее Ливии, была дарована привилегия сидеть во время театральных представлений в первых рядах, среди весталок. Получила она также право ездить по улицам столицы двухколесной повозкой под названием carpentum, которыми имели право пользоваться только весталки. Принимая во внимание то, о чем пойдет речь дальше, во всем этом была некая пикантность: дело в том, что Мессалина охотно играла роль проститутки, причем на редкость трудолюбивой.

Нет никаких сомнений, что Мессалина была одной из самых преступных и одновременно самых сладострастных женщин среди императриц Рима. Если говорить о том, в смерти скольких людей она прямо или косвенно виновна, с ней может сравниться лишь Агриппина, занявшая вслед за ней место рядом с Клавдием. Жертвами женской зависти Мессалины пали две Юлии – близкие

родственницы ее мужа. Юлию Ливиллу, сестру Калигулы, погубила красота, а также то, что, как показалось императрице, та не проявляла к ней должного уважения и слишком часто приходила поболтать с Клавдием. Сначала Мессалина устроила так, что Юлию отправили в ссылку на островок Пандатерия, обвинив в прелюбодеянии с Сенекой – знаменитым и в наши дни писателем-моралистом, а затем добилась для нее и смертного приговора. Когда приговор приводили в исполнение, девушке было чуть больше двадцати лет. Вторая Юлия, внучка императора Тиберия, была более чем на десять лет старше первой, но и ее погубили интриги и клевета Мессалины. Третьей знаменитой женщиной, которая погибла из-за Мессалины, была Поппея Сабина – мать будущей жены императора Нерона. Обвиненная в прелюбодеянии, она покончила с собой в страхе перед тем, что может ждать ее в заключении.

Не щадила Мессалина и мужчин, которые осмелились не угодить ей хоть чем-то, а прежде всего – отказом в оказании сексуальных услуг или чрезмерным богатством. Юний Силан, отозванный с поста наместника в Испании, чтобы жениться на матери Мессалины, имел несчастье приглянуться императрице, однако оказался нечувствительным к ее кокетству. Чтобы погубить его, она воспользовалась услугами вольноотпущенника Нарцисса, который пользовался безграничным доверием Клавдия. Юния Силана обвинили в подготовке государственного переворота. Одним из доказательств был якобы вещий сон Нарцисса, в котором он видел, как Силан убивает императора. По очень странному стечению обстоятельств, точно такие же сны, как она утверждала, видела и Мессалина. И этого было достаточно для того, чтобы смертный приговор был вынесен и приведен в исполнение. Дважды бывший консулом Марк Виниций вызвал ненависть Мессалины тем, что был с ней холоден, и по ее поручению он был отравлен – по крайней мере, так говорили. В свою очередь, префект преторианцев Катоний Юст погиб потому, что Мессалина опасалась, как бы он не открыл Клавдию правду о том, что творится во дворце. Валерий Азиатик поплатился жизнью за свое богатство, а зять Клавдия Помпей Магнус – за слишком близкое родство с Клавдием. Говорили, что она подсылала убийц и к маленькому Нерону, опасаясь, что в будущем он станет соперничать за власть с ее сыном Британиком. Время показало, что эти опасения Мессалины оказались более чем справедливы.

Вполне возможно, что в некоторых из этих и многих других приписываемых ей убийств Мессалина и не была виновна – кто-то мог умереть своей смертью или же погибнуть от руки другого

убийцы. Однако в нескольких случаях вину императрицы можно считать доказанной. А уж что касается ее подвигов в области секса – они описаны достаточно подробно. Список известных по именам любовников Мессалины (хотя он наверняка не является исчерпывающим) производит неизгладимое впечатление. Среди них и сенаторы, и высокопоставленные политики, и крупные предприниматели, а рядом с ними – гладиатор, врач, актер.

Но любимым развлечением Мессалины был разврат. К участию в оргиях она вынуждала знатных замужних женщин, чьих мужей тоже заставляла присутствовать – хотя бы в роли зрителей. Тех, кто участвовал в этих «мероприятиях» с желанием и изобретательностью, ждали всяческие награды и почести. Ну, а на долю тех, кто этому противился, доставалась немилость императрицы со всеми вытекающими из нее последствиями. Однажды Мессалина устроила публичное соревнование между собой и самой известной уличной проституткой и победила, обслужив за сутки 25 «клиентов».

«Работала» она и в обыкновенном публичном доме. Выскальзывала тайком из дворца в светлом парике (поскольку сама от природы была брюнеткой) и вставала голой у окна своей комнатки, позолоченными грудями завлекая посетителей, которые знали ее под именем Ликиска. Уходила она с «работы» последней, так и не удовлетворив свой неуемный аппетит.

Об этом свидетельствуют разные источники, и все они сходятся в одном: Мессалина была нимфоманкой, развратницей и преступницей. Но поразительнее всего другое: как же ей в течение стольких лет удавалось скрывать все это от императора? Но Клавдий, действительно, ни о чем не знал. Занимаясь государственными делами и наукой, в дворцовую жизнь он никогда не вмешивался, к тому же безгранично доверял жене и своим вольноотпущенникам, а те проводили идеально согласованную политику. Позволяя Мессалине делать все, что ей заблагорассудится, и ни о чем не сообщая императору, они наживали огромные состояния. Продавалось все: римское гражданство, должности, решения суда. До развратной жизни императрицы вольноотпущенникам не было никакого дела. Напротив, «подвиги» Мессалины были им на руку, потому что давали повод ее шантажировать. Так что от повседневной дворцовой жизни император был надежно отгорожен прочной стеной молчания и круговой поруки. И даже если бы кто-то осмелился донести до императора кое-какую информацию, общими силами ее всегда легко было опровергнуть, представив как клевету и пустые сплетни. Поэтому даже тем, кто вынужден был участвовать в оргиях Мессалины поневоле, не оставалось

ничего иного, кроме как молчать из осторожности.

Однако в какой-то момент Мессалина совершила роковую ошибку, последствия которой стали для нее трагическими. Обнаглев от полной безнаказанности, она выдвинула обвинение против одного из вольноотпущенников, Полибия (который, впрочем, тоже был одним из ее любовников), и добилась от императора смертного приговора. С этой минуты все вольноотпущенники почувствовали себя в опасности. А Мессалина сама подставилась под удар, отважившись сделать шаг, который имел серьезное политическое значение.

Влюбившись в Гая Силия, консула 48 г., она сначала заставила его развестись с женой, возжаждав иметь только для себя. А потом, похоже, сам Силий подбросил ей мысль о том, что они могли бы пожениться. Он рассчитывал на то, что Клавдия удастся устранить и тогда он сможет занять его место рядом с Мессалиной в роли не только мужа, но и императора. Она поначалу отнеслась к его плану настороженно, опасаясь превратиться лишь в орудие в руках Силия, но потом согласилась, и, в конце концов, они действительно вступили в брак.

Император в это время находился в Остии – несомненно, в связи с расширением местного порта. Вольноотпущенники приступили к делу без промедления. Нарцисс уговорил наложницу Клавдия, чтобы она первая сообщила ему о «свадьбе» Мессалины с Силием. А потом и сам Нарцисс подтвердил эту информацию. Потрясенный Клавдий тут же отправился в столицу, спрашивая по дороге своих приближенных, властвует ли он еще или уже не властвует.

А тем временем в Риме Мессалина, ее «муж» и любовники наслаждались праздником сбора винограда – дело было в октябре. Давили виноградный сок, одетые в шкуры дамы изображали вакханок, а сама Мессалина, распустив волосы, руководила пьяными песнями и плясками, танцуя в окружении любовников с тирсом – обвитым плетями винограда жезлом – в руках. Один из участников оргии, известный врач Ветий Валенс, уже будучи в сильном подпитии, забрался на дерево. Снизу его спросили, что он там видит, на что тот ответил: «Идет буря со стороны Остии!»

И буря действительно приближалась. Еще во время праздника неожиданно разнеслась неизвестно кем принесенная весть, что император обо всем знает и что он уже близко. Все моментально разбежались, а Силий, как будто ничего не случилось, отправился к себе на службу. Остальные заперлись в своих домах или искали, где спрятаться. Однако стража немедленно бросилась

вытаскивать их из всех щелей и заковывать в кандалы, чтобы доставить прямо к императору.

Последней надеждой Мессалины была личная встреча с Клавдием. Она приказала вывести своих детей – Британика и Октавию – на дорогу, ведущую из Остии, и умоляла вступиться за нее старшую весталку. Сама же в сопровождении всего лишь троих приближенных пешком пересекла весь город, пока не наткнулась на телегу, вывозившую мусор из городских садов, и на ней отправилась в сторону Остии.

Вольноотпущенники прекрасно понимали, что они должны любой ценой лишить Мессалину возможности встретиться с мужем. Поэтому, когда она приблизилась, умоляя выслушать ее, Нарцисс постарался заглушить ее голос, рассказывая императору о том, как проходила «свадьба» Мессалины с Силием, и перечисляя ее сексуальные «подвиги». Детей, которые у городских ворот ждали императора, было приказано отодвинуть в сторону, а весталке обещали, что император обязательно выслушает обвиняемую – но в свое время. Клавдий отправился в казармы преторианцев и произнес перед воинами краткую речь. Он признался в том, что все его браки были неудачными и потому он принял решение в дальнейшем жить в безбрачии, а если он этой клятвы не выполнит, то покорно примет смерть от рук своих воинов. После этого он взялся судить свезенных в казармы виновников. Силий, обвинения против которого были наиболее серьезными, просил казнить его без промедления, что и было исполнено. Другие также не оказывали сопротивления и мужественно встретили смерть. Лишь актер Мнестер молил о прощении. Он рвал на себе одежду, кричал, что его палками заставили принимать участие в преступных развлечениях и что он лишь выполнял приказ Клавдия, который сам велел ему во всем слушаться Мессалины. Возможно, он даже и спасся бы, если бы Нарцисс не обратил внимание императора на то, что, казнив уже столько знатных особ, негоже проявлять милость к комедианту. В живых был оставлен Плавтий Латеран – за заслуги его дяди при завоевании Британии, однако из сената его устранили. Зато другого сенатора, Цезония, признали недостойным даже принять смерть, как приличествует мужчине – ведь во время оргий он исполнял роль женщины.

Вернувшись во дворец, Клавдий вкусно поужинал, выпил вина и приказал, чтобы несчастная – то есть Мессалина – завтра явилась к нему на допрос. Нарцисс, ужаснувшись тому, как может повернуться дело, если Клавдий встретится с женой, выбежал из зала и приказал несшему стражу офицеру немедленно выполнить приказ императора – убить Мессалину. Тот тут же отправился в

принадлежавшие ранее Лукуллу императорские сады. Его сопровождал вольноотпущенник, задачей которого было проследить за тем, чтобы императрица не избежала предназначенной ей судьбы.

Выломав садовые ворота, они увидели лежащую на земле, рыдающую Мессалину, рядом с которой сидела ее мать, Домиция Лепида. Пока дочь жила в разврате и славе, она не поддерживала с ней отношений, но сейчас пришла посоветовать, чтобы та не ждала смерти от руки палача, а сама лишила себя жизни. Офицер стоял молча, но вольноотпущенник начал оскорблять императрицу, и лишь тогда Мессалина попыталась вонзить кинжал себе в грудь или в шею, но рука ее дрожала. Тогда офицер пронзил женщину мечом. Тело оставили матери. Императору, который все еще продолжал ужинать, доложили о том, что Мессалина мертва, не добавив при этом, погибла она от своей собственной или от чужой руки. Клавдий, не задав ни одного вопроса, велел налить себе вина и спокойно продолжил ужинать, как будто ничего не случилось. В последующие дни он не проявлял ни гнева, ни радости, ни грусти. Не обращал внимания ни на торжество обвинителей Мессалины, ни на слезы собственных детей. Ему помог сенат, который постановил, что необходимо убрать имя Мессалины из всех надписей и уничтожить все ее изображения, как в общественных местах, так и в частных владениях. Она стала первой римской императрицей, официально приговоренной к забвению – damnatio memoriae. Возможно, однако, что именно это в наибольшей степени подогрело интерес к личности Мессалины и стало причиной того, что об ее пороках и преступлениях сохранилось так много разнообразной информации.

Клавдий, вне всякого сомнения, временами впадал в своеобразное слабоумие, и случай с Мессалиной стал наиболее очевидным и неприятным тому примером. Вскоре после ее смерти он вполне мог спросить за обедом, почему жены нет за столом, а буквально на следующий день после расправы с ее любовниками Клавдий велел пригласить на совещание некоторых из тех, кто только что был казнен, а когда они в назначенный час не явились, презрительно обозвал их сонями. А ведь именно по его приказу они уже спали вечным сном.

И сразу же после смерти Мессалины, вопреки публично принесенной в лагере преторианцев клятве о дальнейшей жизни в безбрачии, Клавдий начал подыскивать себе новую, четвертую по счету жену.

Агриппина

Julia Agrippina

Четвертая и последняя жена императора Клавдия, правившего в 41-54 гг. Родилась в 15 г. Брак с Клавдием, который для Агриппины был третьим по счету, был заключен в начале 49 г.

Получила титул августы Была убита в марте 59 г.

От первого брака имела сына.

Агриппина родилась 6 ноября 15 г. в городе на Рейне, основанном на землях германского племени убиев, где в то время находился лагерь римских легионеров, которыми командовал ее отец – Германик. Позднее, в 50 г., по инициативе Агриппины император Клавдий дал ему официальное название Colonia Claudia Ara Agrippinensium – Колония Агриппина. Сейчас мы знаем его как Кёльн.

Германик был сыном Друза Старшего, то есть сыном брата правившего в то время императора Тиберия и внуком Ливии. Его жена, Випсания Агриппина, родилась от брака Марка Агриппы и Юлии, дочери императора Августа. Проще говоря, в потомстве Германика и Випсании Агриппины текла кровь как Августа, так и Ливии. Сочетание не самое удачное – ведь плодом этого же союза был будущий император Калигула, определенно страдавший отклонениями в психике. Агриппина, тремя годами младше Калигулы, была одновременно старшей из трех сестер. После нее появились на свет Юлия Друзилла и Юлия Ливилла. И ни одну из них невозможно было назвать абсолютно нормальной.

В 28 г. Агриппину, которой едва исполнилось 13 лет, выдали замуж за Гнея Домиция, по прозвищу Агенобарб [4], принадлежавшего к одному из самых знатных родов Рима. Гней Домиций был внуком Октавии, сестры императора Августа, и наверняка именно поэтому император Тиберий выбрал его в мужья для своей племянницы, отец которой, брат Тиберия, умер, когда ей было всего 5 лет. Как пишет Светоний, и нрав Домиция, и его поступки были позорны и отвратительны. От обвинения и приговора за оскорбление величия, а также за сожительство с собственной сестрой, его спасла лишь смерть Тиберия в 37 г. Следует, однако, признать, что он вполне способен был здраво оценить и себя, и жену. Когда в декабре 37 г. Агриппина подарила ему сына, в ответ на поздравления он заметил: «От нас с Агриппиной всем на погибель могло родиться лишь чудовище!» Сын этот, первоначально получивший имя Луций Домиций Агенобарб, впоследствии вошел в историю как император Нерон.

Но пока в феврале того же 37 г. императором стал родной

брат Агриппины, Гай Цезарь по прозвищу Калигула. Для Агриппины и ее сестер настали времена роскоши и великолепия. Император демонстративно осыпал их почестями. В официальных документах появилась обязательная формулировка: «На благо и пользу Гая Цезаря и его сестер!» В цирке сестры занимали места в императорской ложе – вместе с братом и весталками. Принося присягу, теперь также надо было клясться именами всех членов семьи. В то же время никто не сомневался, что император сожительствует с сестрами. К Юлии Друзилле он, совершенно не скрывая этого, относился как к жене, хотя она к тому времени была замужем за Эмилием Лепидом. Впрочем, ходили слухи о том, что все три сестры сожительствуют и с ним тоже. Когда в 39 г. умерла Юлия Друзилла, император искренне и не таясь оплакивал ее смерть, был также объявлен всеобщий траур. Однако в том же 39 г. был раскрыт заговор, во главе которого стоял все тот же Эмилий Лепид. Агриппину обвинили в сожительстве с ним и в участии в заговоре. Эмилий Лепид заплатил за этот заговор жизнью, а Агриппину вместе с сестрой сослали на один из Понтийских островов у западного побережья Италии. Было конфисковано и все ее состояние. Но сначала урну с прахом Лепида, с которым она якобы состояла в любовной связи, ей пришлось доставить в его семейный склеп, и всю дорогу она должна была держать урну у себя на коленях. Примерно в то же самое время умер от диабета и муж Агриппины Домиций.

Изгнание длилось недолго: уже в феврале 41г. новый император Клавдий разрешил обеим сестрам вернуться в Рим. Агриппине было возвращено и конфискованное имущество. Молодая вдова (ей к тому времени было всего 25 лет) решила снова выйти замуж. Наилучшим кандидатом в мужья она сочла Сульпиция Гальбу, как-то не обратив внимания на то, что он уже был женат. Ее явные старания завлечь избранника привели к тому, что на каком-то приеме для дам теща Гальбы публично оскорбила ее и надавала пощечин. Но тут Агриппине подвернулась ничуть не менее удачная партия – оставшийся вдовцом после смерти Домиции, сестры ее покойного мужа, Пассиен Крисп, дважды консул, который был прекрасным оратором и большим любителем деревьев – ну просто эколог своего времени. Он женился на Агриппине и крайне опрометчиво сделал ее своей наследницей. Скончался он неожиданно и, как единодушно считали окружающие, не без ее помощи.

Смерть Мессалины открыла перед Агриппиной новые супружеские перспективы. Она решила побороться за место рядом с императором – ей оставалось лишь победить двух соперниц. Одной из них была Элия Петина, которая более десяти лет назад

уже была женой Клавдия и родила ему дочь Антонию. Второй – Лоллия Павлина, на которой когда-то был женат Калигула. Каждую кандидатуру предлагал один из влиятельных вольноотпущенников. Агриппину поддержал Паллас, который представил ее как женщину красивую и плодовитую – ведь у нее уже есть сын от первого брака, к тому же стоит ли допускать, чтобы дама, связанная столь близкими узами крови с императорским домом, озаряла своим блеском какое-либо заурядное семейство. Однако куда больше, чем уговоры Палласа, на окончательное решение Клавдия повлияла сама Агриппина – как близкая родственница, она имела к нему беспрепятственный доступ с правом на поцелуи и, как утверждает Тацит, безраздельно завладела его сердцем задолго до того, как стала женой императора.

Но тут возникла одна сложность: кровное родство было слишком уж близким. Пристало ли дяде жениться на своей племяннице, дочери брата? Этого не позволяли традиции, и были опасения, что созданный прецедент может стать дурным примером. Решить этот вопрос взялся Луций Вителлий – отец будущего императора Авла.

Вителлий никогда не знал меры в том, как польстить правителям. Он открыто оказывал Калигуле почести, приличествующие лишь богам, он же почитал высочайшей для себя милостью соизволение Мессалины снять с нее туфельки – одну из них он постоянно носил с собой в складках тоги и при случае при всех почтительно целовал ее. И, наконец, именно он установил золотые фигурки вольноотпущенников Клавдия среди своих домашних богов.

Вителлий начал с того, что задал императору вопрос: согласится ли тот поступить в соответствии с волей народа и сената? Клавдий ответил, что он всего лишь один из граждан и не может противиться желанию большинства. Тогда Вителлий отправился в сенат, где первым взял слово. Он превзошел самого себя, внушая слушателям, что в своих тяжких трудах на благо государства император нуждается в помощи, чтобы никакие домашние заботы не мешали ему заботиться о всеобщем благе. А потому ему необходима такая жена, которая стала бы надежной опорой как в успехах, так и в неудачах, женщина, с которой можно поделиться мыслями и которой можно доверить воспитание детей. После этого Вителлий прямо перешел к кандидатуре Агриппины, отметив, что хотя в Риме до сих пор никто еще не брал в жены дочь собственного брата, у других народов это принято, да и закон таких браков не запрещает.

Сенаторы встретили речь Вителлия с энтузиазмом, который,

вне всякого сомнения, заранее был умело подготовлен. Раздались крики, что если император не поспешит с этим бракосочетанием, им придется силой заставить его жениться. Тут же перед зданием сената, как по заказу, появились группы людей, скандирующих, что того же хочет и римский народ. Незамедлительно был принят закон о браках подобного рода. Знаменитый римский юрист Гай в книге I своих «Институтов» пишет: «Можно брать в жены дочь своего брата. Впервые это положение было применено, когда Клавдий женился на Агриппине. Однако вступать в брак с дочерью сестры непозволительно».

Стремясь к этому браку, Агриппина думала и о будущем своего двенадцатилетнего сына Луция Домиция, ставшего впоследствии императором Нероном. Услужливый сенат призвал Клавдия обручить с Луцием Домицием Октавию – его девятилетнюю дочь от второго брака. Для этого была разорвана помолвка Октавии с Луцием Силаном, хотя тот по линии матери был правнуком императора Августа и в течение многих лет пользовался симпатией Клавдия. В конце 48 г. Силана обвинили в порочной связи с собственной сестрой Юнией и по инициативе Вителлия удалили из Сената, а 29 декабря Силан был смещен с должности претора.

Свадьба Клавдия и Агриппины состоялась в первые дни 49 г. В день их бракосочетания Силан совершил самоубийство. Сестру его впоследствии приговорили к высылке из Италии. Это были первые жертвы новой императрицы. Тацит так отзывается о времени ее правления: «Все в столице изменилось. Все стали подчиняться женщине. Она же оскорбила достоинство Рима – и не распущенностью своей, как Мессалина. Наступило рабство, вершимое рукой не по-женски жесткой. Царили жестокость и высокомерие. Во дворце не творилось ничего предосудительного – по крайней мере до тех пор, пока это не требовалось в интересах власти. А предлогом для безграничной жадности служило якобы стремление заботиться о государственных финансах».

Чтобы милосердием склонить на свою сторону общественное мнение, Агриппина добилась возвращения Сенеки, сосланного на Корсику. Этот философ уже тогда не только был прекрасным оратором и писателем, но отличался еще и недюжинной деловой хваткой. На Корсику он попал по вине Мессалины, инициировавшей его обвинение в прелюбодеянии с Юлией Ливиллой, сестрой Калигулы. По возвращении ему была пожалована должность претора и поручен контроль за воспитанием юного Луция Домиция.

В 50 г. Агриппина получила титул августы. Монеты с ее

изображением и титулом чеканились не только монетными дворами греческих городов, и прежде всего Александрии, но также и монетным двором Рима. Это был первый в истории римской империи пример, когда таким образом было выражено почтение императрице. Во многих греческих городах Агриппине, как некогда Ливии, воздавались божественные почести. Во время официальных торжеств, в том числе и военных, она либо появлялась рядом с императором, либо находилась где-то поблизости от него. Ее именем приносили клятвы. Иначе говоря, современники считали ее соправительницей Клавдия, как формальной, так и фактической. Такой позиции ни до нее, ни после не занимала ни одна императрица.

Ее родной город, о котором уже говорилось, при Агриппине получил статус и название колонии. Преданный ей энергичный Афраний Бурр был назначен префектом преторианцев. Дворец императрицы охраняла военная стража. Сын ее был усыновлен Клавдием и носил отныне имя Нерон Клавдий Друз Германик. Его осыпали почестями и привилегиями, а в 53 г. он вступил в брак с Октавией, став таким образом одновременно и сыном, и зятем императора. Все это ничего хорошего не предвещало Британику как наследнику императорского трона.

Похоже, что в какой-то момент Клавдий как будто очнулся и понял, что дела зашли слишком далеко. Есть сведения, что он начал демонстративно приближать к себе Британика и убеждать его в том, что еще исправит нанесенные ему обиды. Агриппина почувствовала, что ей угрожает опасность.

Клавдий умер 14 октября 54 г., поев так любимых им грибов. Все считали, что Клавдия отравила Агриппина. Преторианцы, командовал которыми Бурр, тут же провозгласили императором Нерона, а тот своеобразно выразил свою благодарность, объявив всем постам в качестве первого пароля слова: optima mater – самая лучшая мать.

Убитая горем скорбящая вдова вскоре стала жрицей обожествленного Клавдия и начала возводить ему храм на Делийском холме. Однако в то же самое время приближенный к ней Сенека, который ненавидел покойного и не мог простить ему своей ссылки, опубликовал сатиру «Отыквление божественного Клавдия». Это была мелочная месть, которая так типична для мстительных и злопамятных интеллектуалов.

В первые месяцы правления сына роль истинной правительницы играла Агриппина. 17-летний Нерон не вмешивался в государственные дела, а Агриппине помогали Бурр и вольноотпущенник Паллас, который был министром финансов. На некоторых из выпущенных в этот период монет Агриппина

изображена вместе с Нероном, а в помещенных на них надписях она именуется Agrippina Augusta mater Augusti – «Агриппина Августа, мать Августа». Заседания сената созывались во дворце императора, чтобы Агриппина могла слышать все дебаты, скрываясь за занавеской.

Однако постепенно между Агриппиной и Нероном нарастал конфликт. И достаточно было того, что поначалу казалось сущей мелочью, чтобы он разгорелся ярким пламенем. Нерону приглянулась вольноотпущенница Акте, и он стал пренебрегать своей законной женой, Октавией. Агриппина отреагировала на это с яростью, устроив сыну публичный разнос с криками, что только вольноотпущенницы и служанки ей в невестки не хватало. Скандал постарались замять, но взаимная обида осталась. Но настоящим ударом для Агриппины, лишившим ее возможности править, стало отстранение от должности так преданного ей Палласа.

Разъяренная Агриппина упрекала сына, что она сделала его императором, но она же может и сбросить его с трона, посадив на нем родного сына Клавдия – Британика. В феврале 55 г. прямо на пиру, в присутствии Агриппины, Октавии и Нерона, Британик был отравлен. Его тело незамедлительно сожгли, а прах поместили в мавзолей Августа. В обращении к народу (написанном, скорее всего, Сенекой) император оправдывался за поспешные похороны, утверждая, что после потери любимого брата у него не остается иной надежды, кроме веры в свою страну, и что в своей скорби он рассчитывает на еще большую поддержку со стороны сената и римского народа.

Потом разнесся слух, что Агриппина собирается выйти замуж за Рубелия Плавта, который по матери был правнуком императора Августа. Подозревали, что с его помощью она попытается сбросить Нерона и сама завладеть троном. И опять ссору матери с сыном уладили. Но Агриппину постепенно оттесняли от двора и лишали влияния. В марте 59 г., когда она пребывала в приморском Антиуме (современный Анцио), сын неожиданно передал матери приглашение посетить его виллу в Байях, на берегу Неаполитанского залива. Ночью, после задушевного разговора, она отправилась на небольшом корабле на другую виллу – где она остановилась. Во время плавания внезапно рассыпалась конструкция корабля. Агриппине чудом удалось спастись, тем более что во время катастрофы погибла ее служанка: ее убили ударом весла, когда она взывала о помощи для императрицы. Не оставалось никаких сомнений, что катастрофа была подстроена специально. На следующий день, после совета у Нерона, в котором также принимал участие

Сенека, на виллу Агриппины отправили убийц во главе с Аникетом, и они забили императрицу палками.

Лишь когда преступление свершилось, Нерон начал осознавать его чудовищность. Всю ночь его мучила тревога: он был уверен в том, что на рассвете его ждет гибель, потому что все отвернутся от него как от матереубийцы. Но, когда рассвело, к нему сначала явились с поздравлениями офицеры, потом потянулись друзья, затем начали прибывать делегации из ближайших городов. Все они радовались тому, что император чудом избежал смерти от рук вольноотпущенника Агриппины, которого – как говорили – лишь в последний момент удалось схватить с оружием в руках.

Эта официальная версия была изложена императором в письме к сенату. Истинным автором этого поразительного документа был Сенека. Нерон приводил в нем длинный список преступлений своей матери. Он перечислил все ее происки против сената, армии и народа, свалил на нее вину за все злодейства, совершенные за время правления Клавдия, и дал понять: Риму просто невероятно повезло, что после ареста подосланного к сыну убийцы Агриппина покончила с собой.

Как же могло так случиться, что Сенека, человек, сознательно сотрудничавший с матереубийцей и цинично оправдавший это чудовищное преступление, не только был на протяжении столетий, но и сегодня является для нас моральным авторитетом, а его мысли и ныне вдохновляют проповедников и философов? Надо признать, что он умел красиво, метко, афористично разглагольствовать о нравственности и морали, учить добродетельно жить. Но больше всего помогло ему то, что несколько лет спустя он и сам вынужден был покончить с собой по приказу своего воспитанника. И ушел он из жизни по-мужски, без трусливых просьб и уговоров о помиловании. А в том, что его литературное наследие дошло до наших дней, решающую роль сыграл тот факт, что на закате древнего мира была сфабрикована переписка апостола Павла с Сенекой. Поэтому средневековые монахи старательно переписывали высокоморальные труды воспитателя и советника Нерона, даже не сомневаясь в том, что их автор был почти христианином. А если к этому добавить, что, по некоторым сведениям, он был еще и любовником Агриппины и даже отцом Нерона… Как же причудливо порой сплетаются судьбы при жизни и после смерти!

Сенат постановил, что во всех храмах должны быть проведены публичные молебствия в благодарность богам за спасение Нерона. Мартовские дни, когда было предотвращено покушение на императора, отныне следует ежегодно отмечать

играми, а день рождения Агриппины считать роковым днем.

Тацит пишет, что ему довелось читать дневники Агриппины, в которых она описывала превратности судьбы – своей и своих близких. Можно себе представить, какое увлекательное это было чтение.

Октавия

Claudia Octavia

Первая жена императора Нерона, правившего в 54-68 гг.

Брак был заключен в 53 г., до того как Нерон стал императором.

Была убита в 62 г.

Потомства не оставила.

Октавия родилась в 39 или 40 г. в семье Клавдия и его третьей жены, Мессалины. Имя ей дали в честь прабабки, сестры императора Августа. Практически еще в колыбели она была обручена с Луцием Юнием Силаном, но в 48 г. Агриппина, бывшая в то время женой Клавдия, разорвала эту помолвку. В 53 г. Октавия вынуждена была выйти замуж за ее сына, будущего императора Нерона. Ей тогда было около четырнадцати лет, а Нерону шестнадцать. Для этого брака были определенные препятствия: хотя Октавия была родной дочерью Клавдия, а Нерон – приемным сыном, перед законом они были братом и сестрой. Но эту проблему обошли, формально приписав Октавию к другому роду.

В октябре 54 г., когда после смерти Клавдия Нерон стал императором, Октавия стала императрицей. Однако ни тогда, ни позднее титула августы она не получила. Вместо почестей на нее сыпались лишь удары судьбы, и чем дальше, тем более болезненные. Уже в феврале 55 г. прямо на пиру, на глазах у нее и у Агриппины, был отравлен ее родной брат, двенадцатилетний Британик. Не приходилось сомневаться, что это было сделано по приказу

Нерона. Пир даже не прервали. Октавия сохраняла каменное спокойствие, поскольку, как пишет Тацит, хоть она и была очень молода, но уже научилась подавлять проявления каких-либо чувств.

Когда Нерону приглянулась вольноотпущенница Акте, он совершенно отдалился от жены. Друзья советовали ему не пренебрегать женой столь демонстративно, но он отвечал резко: «Супружеские украшения я ей оставил!» Однако, когда император переключился на Поппею Сабину, ситуация стала значительно более опасной. Акте была лишь наложницей и на большее не претендовала, тогда как Поппея, происходившая из знатной аристократической семьи, явно стремилась к браку. И основными препятствиями на пути к этому были для нее Агриппина и, разумеется, Октавия.

В марте 59 г. Агриппина была убита. Вскоре после этого

Нерон стал открыто заявлять, что его жена бесплодна – это было явной подготовкой к разводу. В 62 г. Октавию удалили сначала из дворца, а затем и из Рима. Ей пришлось поселиться в Кампании, где она жила, как в тюрьме – под стражей. Затем состоялся развод, и через несколько дней после этого император женился на Поппее. Мало того, при разводе Октавии пришлось испытать страшное унижение: ее обвинили в прелюбодеянии с флейтистом – рабом из Александрии. Было проведено официальное следствие, необходимые признания от рабынь Октавии добывали под пытками. Некоторые из них не выдержали, другие держались стойко, а одна даже крикнула терзавшему ее палачу: «Лоно моей хозяйки куда чище твоего рта!»

Вскоре по столице разнеслась весть: император сожалеет об изгнании Октавии и хочет снова сделать ее своей женой вместо Поппеи. Неизвестно, кто и с какой целью распускал эти слухи, но молодая женщина пользовалась в народе большой симпатией и популярностью – еще и потому, что была так несчастна. В городе дело дошло до беспорядков. Ликующие толпы ворвались на Капитолий. Народ сбрасывал статуи Поппеи, водружая вместо них изображения Октавии и осыпая их цветами. Люди славили милосердие Нерона. Группы приверженцев Октавии проникли даже на Палатин, к дворцу императора, и лишь вмешательство преторианцев позволило восстановить порядок. Этот спонтанный взрыв народной поддержки стал для Октавии смертным приговором. Поппея была оскорблена и напугана: кто сможет ей гарантировать, что муж когда-нибудь не уступит требованиям народа? Она умоляла Нерона оградить ее от опасности, кричала* что эти беспорядки устроили рабы и вольноотпущенники Октавии, и вопрошала, а что же будет, если она сама покинет Кампанию и вернется в Рим?

Вопрос с Октавией постановили решить окончательно. Поскольку в ее обвинение в связи с египетским флейтистом с самого начала никто не поверил, на сей раз тактику решили изменить. В прелюбодеянии с Октавией добровольно признался Аникет – тот самый, что за три года до этого стал убийцей Агриппины, а после этого получил должность префекта военного флота в Мизене. Поскольку он обвинил себя сам, опровергнуть обвинение официально не было никакой возможности. Аникета тут же приговорили к ссылке на Сардинию, где он спокойно и в комфорте прожил долгие годы, пока не умер своей смертью. После этого последовало публичное заявление Нерона, в котором тот обвинял Октавию, что та соблазнила Аникета, чтобы с его помощью поднять бунт в армии. Он также утверждал, что Октавия преступно избавилась от зачатого с любовником ребенка, – забыв

о том, что совсем недавно обвинял ее в бесплодии. В результате Октавию приговорили к ссылке на остров Пандатерию. Описание в XIV книге «Анналов» Тацита последних дней ее жизни – пожалуй, самые потрясающие воображение страницы этого исторического труда: «Там в окружении центурионов и воинов томилась еще не достигшая двадцатилетнего возраста молодая женщина, уже, как предвещали ее несчастья, исторгнутая из жизни, но еще не нашедшая даруемого смертью успокоения. Прошло немного дней, и ей объявляют, что она должна умереть, хотя она уже признавала себя незамужнею женщиной и только сестрою принцепса, взывая к именам их общих предков Германиков и, наконец, Агриппины, при жизни которой, пусть в несчастливом замужестве, она все же оставалась живою и невредимою. Ее связывают и вскрывают ей вены на руках и ногах; но так как стесненная страхом кровь вытекала из надрезанных мест слишком медленно, смерть ускоряют паром в жарко натопленной бане. К этому злодеянию была добавлена еще более отвратительная свирепость: отрезанную и доставленную в Рим голову Октавии показали Поппее. Упоминать ли нам, что по этому случаю сенат определил дары храмам? Да будет предуведомлен всякий, кому придется читать – у нас ли, у других ли писателей – о делах того времени, что, сколько бы раз принцепс ни осуждал на ссылку или на смерть, неизменно воздавалась благодарность богам, и то, что некогда было знамением счастливых событий, стало тогда показателем общественных бедствий» [5].

Уже следующее поколение римлян создало Октавии прекрасный памятник, подобного которому не получила ни одна императрица, и оказался он куда крепче мрамора. Этот памятник – посвященная ее судьбе «Октавия», единственная дошедшая до наших дней трагедия той эпохи, основанная на событиях римской истории. Некоторые приписывали ее авторство Сенеке, но это мнение ошибочно. И именно это произведение стало прообразом одноименной трагедии Расина.

Поппея Сабина

Poppea Sabina
Вторая жена императора Нерона, правившего в 54-68 гг.
Родилась незадолго до 32 г. Нерон был ее третьим мужем.
Получила титул августы.
Умерла в 65 г.
Удостоилась обожествления.
От первого брака имела сына, в браке с Нероном родила дочь.

Отец Поппеи, сенатор Тит Оллий, погиб молодым по приказу императора Тиберия в 32 г., когда был раскрыт заговор Сеяна (Оллий был его другом). Так что Поппея, скорее всего, вовсе его не знала. Мать, Поппея Сабина, была дочерью Поппея Сабина – консула, наместника Мезии, Македонии и Греции. После смерти Оллия она вышла замуж за Корнелия Лентула Сципиона, наместника провинции Азии. Поппея была женщиной изумительной красоты, и этого было достаточно, чтобы Мессалина возненавидела ее и подстроила обвинение в прелюбодеянии с сенатором Валерием Азиа- тиком и со знаменитым актером Мнестером. Через подставных лиц императрица добилась того, чтобы перепуганная перспективой судебного процесса и тюремного заключения Поппея совершила самоубийство. Клавдий ничего об этом не знал. Когда, через несколько дней после этого, Сципион явился к нему на пир один, император поинтересовался, почему не пришла его жена. На что Сципион ответил: «Скончалась по воле судьбы!» Когда же Сципион вынужден был рассказать об обстоятельствах смерти Поппеи в сенате, он произнес: «Поскольку по этому вопросу я думаю то же самое, что и все остальные, я полагаю, что и мнение мое совпадает с мнением всех присутствующих». И это высказывание принесло ему славу дипломатичного политика и лояльного мужа.

Итак, оба родителя Поппеи пали жертвами политических интриг, и в возрасте 17 лет она осталась круглой сиротой. Тацит в XIII книге «Анналов» пишет о ней так: «У этой женщины было все, кроме добропорядочности. Красоту она унаследовала от матери, равно как и имя, и огромное состояние, беседа с ней была истинным наслаждением, она была умна и отличалась хорошим чувством юмора. Выглядела она скромно и добродетельно, но втайне предавалась разврату. Дом Поппея покидала редко, а если и делала это, то лишь с лицом, закрытым вуалью – то ли от любопытных взглядов, то ли просто потому, что вуаль была ей к лицу. Она не делала никакой разницы между мужьями и

любовниками, не испытывала никаких чувств, принимая во внимание лишь возможную выгоду».

Поппея была влюблена в саму себя. Ежедневно пятьсот ослиц доили специально для того, чтобы она могла искупаться в их молоке, которое, как считалось, благотворно влияет на кожу. Однажды, взглянув в зеркало и решив, что она выглядит не наилучшим образом, Поппея со вздохом заметила: «Я скорее умру, чем постарею!» В конце концов, так и случилось.

Первым мужем Поппеи был Руфрий Криспин. Когда в 47 г. Поппея выходила за него замуж, он был префектом преторианцев. Из-за интриг Агриппины в 51 г. его сняли с должности префекта. В этом браке, вероятнее всего в 50 г., Поппея родила сына, которому было менее двадцати лет, когда он был убит по приказу Нерона, уже ставшего тогда мужем его матери. Брак с Руфрием распался, когда на ее горизонте появился Сальвий Отон – молодой, богатый приятель Нерона, любивший роскошь и гулянки. Он был на несколько лет старше Нерона и импонировал ему своим опытом.

Нет никаких сомнений в том, что Отон женился на Поппее. Однако сам Тацит приводит две версии. Согласно первой Отон сделал это лишь для того, чтобы Нерон мог беспрепятственно пользоваться услугами его жены, так что брак был фиктивным и представлял собой только прикрытие, целью которого было обезопасить императора от козней его матери, Агриппины. По второй версии Нерон познакомился с Поппеей лишь благодаря Отону, который при любом удобном случае хвастался красотой своей жены. И когда, наконец, Поппея была представлена Нерону, она очень быстро завладела всеми его помыслами. Она притворялась, что без памяти влюблена в него. А потом, когда он пытался подольше задержать ее у себя, вдруг заявляла, что не может, потому что она замужняя женщина. Поппея постоянно упрекала Нерона в том, что у него есть наложница-рабыня.

В 59 г. Отона отправили наместником в Лузитанию (нынешняя Португалия), где он на удивление хорошо проявил себя. В том же году была убита Агриппина. Все кругом считали, что ее убийство было подстроено Поппеей. После Агриппины она взялась за Октавию, и, во многом благодаря ее стараниям, в 62 г. Нерон развелся. Через 12 дней после развода он женился на Поппее. В следующем 63 г. в Анции (Анцио) появилась на свет их дочь Клавдия. Счастливый отец был вне себя от радости. Обеим – и матери, и дочери – сенат тут же присвоил титул августы. Был одобрен проект строительства храма в честь богини плодородия – Fecunditas. Радость, однако, царила лишь четыре месяца: ребенок умер. Неутешный от горя сенат, желая утешить скорбящего отца,

обожествил умершую малышку Клавдию.

В 64 г. в Риме вспыхнул страшный пожар – не первый и не последний в истории этого города. Император, а наверняка также и Поппея, находились в это время в Анции. Враги Нерона тут же начали распускать слухи, что город подожгли по его приказу – чтобы он мог насладиться разрушительной мощью огненной стихии, а заодно и освободить место для полной перестройки нескольких городских районов. Ужаснувшись этими слухами, Нерон решил, что ему необходимо найти козла отпущения. Как обычно бывает в подобных случаях, эта роль была сначала предназначена иудеям. Однако в Риме в то время они не составляли единой группы. Часть их считала, что мессия, которого они по-гречески называли Христом, уже сошел на землю и что приближается конец света, а в царство Божие попадут лишь те, кто верит в него – они звались христианами. Но большая часть осталась верна ожиданию мессии, который даст Израилю царство на этом свете.

Поппея симпатизировала иудеям и со многими из них поддерживала хорошие отношения, что она доказала на практике еще в 62 г., когда в Иерусалиме возник конфликт между иудеями с одной стороны и прокуратором Фестом и царем Агриппой – с другой. С западной стороны от храма иудеи построили каменную стену, которая стала мешать царю из дворца и римлянам из крепости видеть то, что происходит на площади перед храмом. Прокуратор хотел снести эту стену, но согласился на то, чтобы этот вопрос рассмотрел и принял окончательное решение сам император. Делегация с первосвященником во главе отправилась в Рим, и там, благодаря заступничеству Поппеи, получила от Нерона согласие оставить стену на месте. Современник событий, еврейский историк Иосиф Флавий, пишет прямо, без обиняков, что император поступил так, чтобы угодить своей жене, которая была богобоязненна и помогала иудеям. Следует ли трактовать здесь слово «богобоязненна» (по-гречески theosebes) как указание на то, что Поппея также интересовалась и иудейской верой – вопрос дискуссионный.

Через каких-то два года, в начале 64 г., самому Иосифу Флавию довелось предстать перед Поппеей и просить у нее милости. Речь шла о том, что предшественник Феста на посту прокуратора Иудеи, Феликс, за какую-то незначительную провинность заключил под стражу и отослал в Рим несколько священнослужителей – родственников Иосифа. Чтобы спасти их, он сам отправился в столицу империи. После драматических приключений на море – его корабль затонул по дороге – Иосиф сумел добраться до императрицы. Добиться встречи с ней ему

помог известный актер, еврей по происхождению, который пользовался благосклонностью Нерона. И на этот раз вопрос был решен положительно. Историк так пишет об этом в своей автобиографии: «Не только моя просьба была исполнена, но сверх того я получил еще и щедрые подарки».

Поэтому вполне вероятно, что когда искали виновников пожара, Поппея вступилась за правоверных иудеев и таким образом способствовала углублению конфликта между ними и евреями-христианами, которых и признали поджигателями. Это имело огромные исторические, религиозные и политические последствия, продолжающиеся до настоящего времени.

Не менее важной с точки зрения истории, но в данном случае катастрофической для иудеев, была поддержка, которую Поппея оказала Гессию Флору, когда тот искал возможность стать прокуратором Иудеи. Он получил эту должность благодаря тому, что его жена Клеопатра была подругой императрицы, и проявил себя на этом посту как человек жадный и жестокий. «Что тут говорить? Именно Флор довел нас до того, что мы начали войну против римлян. Мы предпочли погибнуть все и сразу, чем умирать поодиночке». Это слова Иосифа Флавия, участника и летописца этой войны. Она вспыхнула в 66 году и стала одной из причин падения Нерона. Однако Поппеи тогда уже не было в живых. Она умерла в 65 году по вине Нерона. Однажды он пришел пьяный, и когда Поппея стала укорять его за позднее возвращение, он пнул беременную жену, и это стало причиной ее смерти.

Вопреки общепринятой традиции останки Поппеи не были сожжены. Тело было забальзамировано и помещено в мавзолее Августа. Сенат включил ее в число богов, и ей поклонялись как Diva Augusta – божественной Августе. Похвальную речь на похоронах произнес сам Нерон. Он прославлял ее красоту и то, что она была матерью божественных детей. Только ее добродетелей прославить у него не получилось, как едко заметил Тацит. Он же свидетельствует, что смерть императрицы оплакивали все – официально и публично, а про себя, в сущности, скорее, радовались.

Тоскующий по Поппее Нерон чуть не женился на какой-то случайно встреченной им девушке – лишь потому, что та показалась ему похожей на покойную. Однако потом он счел, что больше ему напоминает Поппею мальчик Спор. Нерон приказал кастрировать его и женился на нем. Однако у него все же появлялись некоторые сомнения, и как-то он спросил одного из приятелей, считает ли он Спора подходящей для него женщиной. На что тот со всей серьезностью выражения ответил: «Ты хорошо

поступаешь, общаясь с такими женщинами. Ах, если б твой отец имел вкусы, подобные твоим, и искал таких же супруг!» К счастью для шутника, истинный смысл этого высказывания до императора не дошел.

После смерти Нерона в 68 г. статуи Поппеи были сброшены с пьедесталов. Но когда в 69 г. императором стал ее бывший муж Отон, он сумел склонить сенат к принятию нового постановления о возвращении скульптур Поппеи на свои места.

Статилия Мессалина

Statilia Messalina

Третья и последняя жена императора Нерона, правившего в 54-68 гг. Брак заключен в 66 г.

Нерон был ее пятым мужем.

Получила титул августы.

Была жива после 69 г.

Потомства не оставила.

Статилия Мессалина происходила из знатного сенаторского рода. Имена трех ее первых мужей нам не известны, зато четвертый, Аттик Вестин, в течение некоторого времени был одним из ближайших друзей Нерона. Затем их пути разошлись, поскольку Вестин, человек умный и энергичный, не скрывал, что относится к императору пренебрежительно. Он даже позволял себе отпускать в его адрес язвительные шутки, которые не были забыты. Но самым серьезным его прегрешением на взгляд Нерона оказалось то, что он осмелился жениться на Статилии, хотя прекрасно знал, что император был одним из ее любовников.

В 65 г., когда был раскрыт заговор Пизона, одним из консулов был как раз Аттик Вестин. Он не входил в число заговорщиков, и даже под пытками никто из допрашиваемых не произнес его имени. Но несмотря на это император решил, что заговор предоставил ему прекрасную возможность избавиться от мужа Статилии. И он тут же, не выискивая никаких законных предлогов, расправился с ним. В дом Вестина, расположенный неподалеку от Форума, неожиданно явилась когорта преторианцев. Хозяин был дома: в тот день он уже закончил все дела, связанные с его консульской должностью, и пировал с большим количеством гостей. Солдаты промаршировали прямо в зал и потребовали, чтобы он немедленно предстал перед трибуном. Вестин встал, его схватили и потащили в спальню, где уже ждал врач, который должен был вскрыть ему вены, после чего несчастного отнесли в ванну с горячей водой. Умирающий сохранял спокойствие и не терял присутствия духа. А над его гостями император поиздевался по-другому. Они оставались под стражей в доме Вестина до глубокой ночи, и никто из них не знал, выйдет ли он оттуда живым.

Вскоре после этого Нерон женился на вдове Вестина, Статилии. Император не так давно стал вдовцом – после смерти Поппеи Сабины, в которой он сам был повинен. Церемония бракосочетания состоялась в начале 66 г. В следующем году Статилия, вне всякого сомнения, сопровождала мужа в

знаменитом путешествии в Грецию. Во время этой поездки Нерон в Коринфе торжественно даровал грекам независимость, и получившие свободу города возводили в честь императорской четы статуи и алтари, в надписях на которых выражена глубочайшая признательность и искренняя благодарность. После смерти Нерона как его имя, так и имя его жены из этих надписей старательно уничтожили.

Статилия пережила трагические события июня 68 г., когда ее муж, покинутый всеми, совершил самоубийство. Его наследники не тронули ни ее саму, ни ее имущество, наверняка еще и потому, что все быстро сменявшиеся на троне правители – Гальба, Отон, Вителлий – принадлежали к тем же кругам римской аристократии, что и семья Статилии. Есть сведения, что Отон собирался на ней жениться, но в 69 г. был свергнут Вителлием и покончил жизнь самоубийством. Перед смертью он написал Статилии письмо, в котором попросил, чтобы она не забывала его и позаботилась о похоронах.

Статилия, определенно, была женщиной выдающейся. Один из современных ей авторов охарактеризовал ее кратко, но метко: отличалась и умом, и красотой, и богатством.

Эмилия Лепида

Aemilia Lepida

Первая и единственная жена императора Гальбы, правившего с июня 68 г. по январь 69 г.

Вышла замуж за Гальбу до провозглашения его императором, умерла также до 68 г.

Родила двух сыновей.

Эмилия Лепида наверняка родилась не позднее 10 г. Дело в том, что в 21 г., когда сенат назначал наместника провинции Азии, одной из кандидатур был ее отец, который пользовался всеобщим уважением. Он, однако, отказался от такой чести, сославшись на состояние здоровья, добавив при этом, что сыновья его еще слишком малы, а дочь пора уже выдавать замуж. По большому счету, он не хотел вступать в конфликт с влиятельным Сеяном, который собирался предложить на эту должность своего человека. Вскоре после этого (то есть после 21 года) Эмилия Лепида вышла замуж за Сульпиция Гальбу. Этому молодому, всего лишь двадцати с небольшим лет, сенатору симпатизировала еще здравствовавшая в ту пору Ливия, вдова императора Августа, которая в своем завещании отписала Гальбе щедрую долю от своего наследства. Молодой человек быстро делал карьеру: сначала – наместник провинции Аквитании, в 33 г. – консул, после этого – наместник Верхней Германии, а затем Африки. Жена наверняка сопровождала Гальбу в те края, где ему довелось служить. Возможно, именно то, что они так долго находились вдали от столицы, спасло им жизнь во времена правления Тиберия и Калигулы, когда множество сенаторов пали жертвами интриг, наветов, ложных обвинений. Оба их сына умерли рано – наверняка до 68 г., до того как Гальба стал императором. После 40 г., когда овдовевшая после смерти Домиция Агриппина намеревалась снова вступить в брак, она пыталась заполучить в мужья Гальбу – мужчину во цвете лет, обладавшего к тому же огромным богатством, и ее ничуть не волновало, что он был женат. Старания Агриппины были столь наглыми и очевидными, что на одном из приемов для женщин из высшего общества теща Гальбы набросилась на нее с оскорблениями и надавала пощечин.

Эмилия Лепида умерла до 68 г., более точная дата ее смерти нам, к сожалению, неизвестна. Гальба после ее смерти так ни разу больше и не женился.

Петрония

Petronia

Первая жена будущего императора Авла Вителлия, правившего с января по декабрь 69 г.

Как свадьба, так и развод состоялись до провозглашения Вителлия императором.

В браке с Вителлием родила сына.

То ли отцом, то ли дедом Петронии был Петроний – консул 19 г., затем наместник провинции Азии, а в 39-42 гг. наместник Сирии, в подчинении которого была также и Иудея. В годы его наместничества в Иудее разгорелся серьезный конфликт, вызванный тем, что император Калигула приказал поставить свою статую в иерусалимском храме. Иудеи ни под каким видом не хотели соглашаться на подобное святотатство, поскольку оно являлось явным нарушением второй заповеди, категорически запрещавшей поклоняться каким-либо статуям и изображениям. Петроний в этом вопросе встал на сторону иудеев и обратился к императору с просьбой отменить приказ. В ответ разгневанный Калигула пригрозил Петронию смертью за проволочку с исполнением его воли. К счастью, из-за шторма на море тот корабль, на котором плыл курьер с письмом от императора, сильно задержался, и еще до его прибытия в Сирию пришла весть о смерти Калигулы. И кто знает, как повернулся бы ход истории, если б не это случайное стечение обстоятельств! Вполне возможно, что восстание в Иудее вспыхнуло бы значительно раньше, не дожидаясь правления Нерона. А Петрония вместе с родителями вполне могла расстаться с жизнью за неповиновение императору.

Брак с Вителлием был заключен, вероятнее всего, уже в период правления императора Тиберия. Муж Петронии обладал прирожденным талантом льстеца и царедворца, умевшего беззастенчиво угождать всем подряд. А потому ему неплохо жилось при каждом из сменявшихся друг за другом правителей. При Тиберии Вителлий был участником его оргий на Капри, Калигула ценил его как знатока скаковых лошадей и секретов гонок на колесницах, Клавдий – как умелого игрока в кости. Благосклонность Нерона Вителлию снискало его участие в необузданных развлечениях молодого императора.

Сын Вителлия и Петронии был от рождения слеп на один глаз. Мать мальчика приготовила завещание, по которому все ее огромное состояние после смерти должно было перейти к сыну, но только после того как тот освободится из-под опеки отца,

поскольку иначе оно фактически попало бы в руки к Вителлию. Вителлий согласился с требованием жены – точнее, в тот момент уже бывшей жены, и отказался от опеки. Однако вскоре после этого, как повсеместно утверждали злые языки, убил своего сына, распустив при этом сплетню, что якобы тот хотел отравить отца, но перепутал сосуды и по ошибке сам выпил яд. История поразительная, мрачная и запутанная. Кто теперь разберет, то ли действительно сын собирался стать отцеубийцей, то ли Вителлий был убийцей собственного сына?

Вскоре после развода с Вителлием Петрония вышла замуж за Корнелия Долабеллу. В январе 69 г. Вителлия, который тогда был наместником Нижней Германии, провозгласили в Колонии (ныне Кёльн) императором воины легионов, находившихся под его командованием. Армия Вителлия одержала победу в Италии над войсками его соперника Отона, когда сам он еще находился в Галлии. Одним из первых посланных оттуда приказов нового императора был приказ казнить Долабеллу, который состоял в родстве с императором Гальбой и пользовался всеобщей популярностью, а кроме того нанес Вителлию личное оскорбление тем, что вступил в брак с его бывшей женой. Чтобы не вызвать народных волнений, Долабеллу убили за городом, рядом с придорожной таверной. Однако сын Долабеллы и Петронии остался жив – в 86 г. он был назначен консулом.

Галерия

Galeria Fundana

Вторая и последняя жена императора Вителлия, правившего с января по декабрь 69 г.

Брак был заключен до провозглашения Вителлия императором. Умерла после 69 г.

Родила сына и дочь.

Отец Галерии дослужился до должности претора. Брак Галерии с Вителлием был заключен около

г. или даже раньше, поскольку в 69 г. их сыну было уже 6 лет, а нам неизвестно, был это первый их ребенок или дочь родилась раньше сына. Когда осенью 68 г. ее муж отправился за Альпы, на Рейн, получив назначение наместником Нижней Германии, Галерия осталась в Риме. В январе следующего года до столицы донеслась весть о том, что легионы в Колонии (Кёльн) провозгласили Вителлия императором. Правивший в то время Отон повел себя по отношению к Галерии благородно – ни она сама, ни ее семья не оказались в этой ситуации заложниками и продолжали жить на свободе и в полной безопасности.

В апреле 69 г. армия Отона потерпела поражение в Италии в битве при Бедриаке, а сам он совершил самоубийство. Сенат тут же признал императором Вителлия. Галерия вместе с сыном выехала в Галлию, где все еще оставался ее муж. Во время пышных торжеств в Лугдуне (ныне Лион) Вителлий добавил к имени своего сына прозвище Германик, а также пожаловал ему регалии власти, хотя мальчик явно был с ограниченными возможностями: он говорил, захлебываясь словами, так что понять его было практически невозможно. В честь этого события были также отчеканены монеты с изображениями Вителлия и его детей.

В июне императорская чета торжественно въехала в Рим. Тацит пишет, что Галерия вела себя достойно императрицы и не принимала участия в мрачных событиях, вершившихся в период правления ее мужа. Нам также известно, что она защитила от обвинений сенатора Галерия Трахала – по всей вероятности, своего родственника. А надо сказать, что против него Вителлий был настроен особенно враждебно, поскольку именно он, как считалось, писал речи его предшественнику Отону. В «Римской истории» Кассия Диона можно найти также упоминание о том, что императорская супружеская чета была крайне удивлена бедностью обстановки Золотого дворца Нерона. А Галерию больше всего поразило практически полное отсутствие ценностей

в казне.

Как раз в июле, в те дни, когда Вителлий с Галерией торжественно въезжали в Рим, в Александрии Египетской воины стоявших там легионов провозгласили императором своего военачальника – Веспасиана. Осенью того же 69 г. его легионы победоносно вступили на землю Италии, а в декабре вошли в Рим. Вителлий и его сын были убиты – Галерии пришлось похоронить останки их обоих. Зато дочери Галерии Веспасиан впоследствии пожаловал богатое приданое и выдал замуж.

Домицилла

Flavia Domitilla

Первая и единственная жена будущего императора Веспасиана, правившего в 69-19 гг. Вышла замуж за Веспасиана и умерла до провозглашения его императором.

Родила двоих сыновей и дочь.

Если бы Домицилла дожила до 69 г., до вступления на трон ее мужа, она стала бы первой римской императрицей, которая не могла похвастаться аристократическим происхождением. Ее отец был родом из среднеиталийского города Ференциум (ныне Ферентo) и служил у квестора писарем – секретарем низшего ранга. Признания своей дочери свободнорожденной римской гражданкой ему пришлось добиваться через суд, а это значит, что вопрос ее происхождения вызывал определенные сомнения. В одном из источников Домициллу прямо называют вольноотпущенницей. Есть сведения, что в течение некоторого времени она была любовницей какого-то эквита [6] – иначе говоря, представителя класса предпринимателей. Веспасиан женился на Домицилле после 30 г., и для него это вовсе не был мезальянс – он и сам происходил из рода всадников, разбогатевшего на откупе сбора пошлин и найме сезонных рабочих. Вступить на путь политической карьеры Веспасиан согласился крайне неохотно – лишь под давлением матери.

Скорее всего, в 39 г. Домицилла родила ему сына Тита, а значительно позже – между 50 и 55 гг. – Домициана. О том, когда родилась дочь, нет никаких сведений, известно, что она получила имя матери. Обе – и мать, и дочь – умерли рано, задолго до того, как кто-нибудь мог даже подумать о том, что Веспасиан станет императором. Дочь скончалась, будучи уже замужней женщиной (имя мужа нам не известно), при родах. Родившаяся девочка также получила имя матери и бабки – ее назвали Флавия Домицилла.

После смерти жены Веспасиан вернулся к своей бывшей любовнице, которую звали Ценида. Она была вольноотпущенницей Антонии Старшей – матери императора Клавдия – и была одной из ее приближенных. Веспасиан относился к Цениде как к законной жене. Она пользовалась большим влиянием и сколотила огромное состояние на продаже должностей и привилегий. Умерла Ценида раньше Веспасиана – то есть до 79 г. После этого император так и не женился, удовлетворяясь услугами наложниц.

Тит сохранил добрую память о матери, которой никогда не

суждено было удостоиться ни титула августы, ни обожествления, хотя иногда их признавали и после смерти. Свое уважение и благодарность к ней он выразил в том, что чеканил монеты с ее изображением и надписью Memoriae Domitillae – в память о Домицилле.

Рано умершая сестра Тита и Домициана, Домицилла Младшая, напротив, получила после смерти, в период правления братьев, титул августы и была причислена к сонму богов. Домициан также чеканил монеты с надписью Domitillae Augustae – посвящается божественной августе Домицилле.

Однако совершенно особое место в истории занимает третья Домицилла – внучка Веспасиана и племянница Тита и Домициана, который выдал ее замуж за своего кузена Флавия Клеменса – консула 95 г. Это был год, когда дело дошло до преследования христиан и иудеев. Против Клеменса и Домициллы были выдвинуты обвинения в безбожии – именно в этом тогда обвиняли христиан, поскольку они отказывались поклоняться изображениям богов. Для обвинения, видимо, были очень серьезные основания, потому что Клеменс, несмотря на занимаемую им высокую должность, был приговорен к смерти и казнен. Домициллу же сослали то ли на Пандатерию, то ли на один из островов Понтийского архипелага. Христианский историк Евсевий пишет, что она не стала скрывать, что верит в Христа, и не пожелала отречься от своей веры. Впоследствии Домициллу стали почитать как святую. За городскими стенами Рима, у дороги via Ardeatina уже с конца I в. начали хоронить умерших христиан, и кладбище это называли ее именем.

Таким образом, имеется множество свидетельств того, что внучка Веспасиана и Домициллы, племянница Тита – завоевателя Иерусалима была христианкой. Следующая в истории женщина столь же высокого положения, связанная с христианством, появилась лишь спустя сто лет после нее – это была Марция, наложница императора Коммода.

Аррецина Тертулла

Arrecina Tertulla

Первая жена будущего императора Тита, правившего в 79-81 гг. Умерла до того, как Тита провозгласили императором – скорее всего, сразу после 60 г.

После военной службы в Германии и в Британии Тит занялся юриспруденцией. В это же время он женился на Аррецине Тертулле. Ее отец принадлежал к сословию всадников и в свое время служил в должности префекта преторианцев. Когда Тертулла умерла, Тит женился на Марции Фурнилле, с которой, однако, развелся сразу же после того, как она родила дочь.

И это все, что пишет о них Светоний в жизнеописании императора Тита. Мы можем добавить к этому еще кое-какую информацию. Тит действительно служил в армии в названных выше двух провинциях в ранге трибуна. Вернулся он оттуда в Рим около 60 г. Через несколько лет после этого, вероятнее всего в 65 г., Тит получил должность квестора [7], а уже в следующем, 66 г. получил командование одним из легионов на востоке. От того же

Светония мы узнаем, что день, когда Тит окончательно завоевал Иерусалим в августе 70 г., был днем рождения его дочери. Однако сколько ей исполнилось лет, не уточняется. Девушку выдали замуж в 81 г., значит она, скорее всего, родилась примерно за 15 лет до этого. Из всего этого можно сделать вывод, что женитьбы Тита приходились на период 60-65 гг.

Отец Тертуллы, Аррецин Клеменс, был префектом преторианцев в 42 г., в период правления императора Калигулы. Ее брат дослужился до высоких должностей при Веспасиане и Тите – то есть уже после смерти Тертуллы. Дважды его назначали консулом. Он входил в число близких друзей Домициана, но именно в период его правления и по его приказу был убит в 93 г. Чем он провинился, неизвестно.

В более поздних исторических трудах встречается мнение, что матерью дочери Тита была именно Тертулла, а не Марция Фурнилла, как утверждает Светоний. Если это так, то можно было бы предположить, что Тертулла умерла при родах, как и многие ее современницы.

Марция Фурнилла

Marcia Fumitta

Вторая жена будущего императора Тита, правившего в 79-81 гг. Брак и развод состоялись до того, как Тита провозгласили императором – скорее всего, около 65 г.

В браке с Титом родила дочь.

Род, к которому принадлежала Марция Фур- нилла, Светоний определяет как splendidum – великолепный. И это не подлежит сомнению, тем более по сравнению с родом первой жены Тита, отец которой был эквитом. Дед Фурниллы, Марций Бар, дважды консул, был также наместником провинции Африки. Консулом был и ее брат. Отец Фурниллы, видимо, умер совсем молодым. Мать, Антония Фурнилла, вероятнее всего, происходила из славного рода Антониев – дочь унаследовала ее семейное прозвище.

Тит, как пишет Светоний, развелся с Фурниллой, как только та родила ему дочь. Дочь получила родовое имя отца – Флавия и семейное имя (прозвище) Юлия. Через несколько лет, как раз в день ее рождения, Тит покорил Иерусалим, однако, сколько лет ей в тот день исполнилось, неизвестно. Неизвестны нам также ни причины развода с Фурниллой, ни ее дальнейшая судьба. Тит после нее больше ни на ком не женился, хотя и имел серьезные намерения вступить в брак с иудейской царевной Береникой, правнучкой царя Ирода. Однако сенат воспротивился этому браку, и женитьба Тита не состоялась. Он расстался с Береникой, страшно об этом сожалея, и, похоже, что сожаление было взаимным.

Жизнь единственной дочери Тита, Юлии Флавии, сложилась трагично. Еще во время правления своего отца, в 81 г., она вышла замуж за своего близкого родственника Флавия Сабина, который был сыном брата Веспасиана. При жизни отца Юлия также получила титул августы, о чем свидетельствуют некоторые надписи и выпущенные в те годы монеты. Погубила девушку слишком пылкая и далеко не родственная любовь Домициана, который был братом ее отца. Он, хотя и был женат, не скрывал своих чувств к племяннице, а после смерти Тита, став в 81 г. императором, стал выражать их совершенно открыто. И хотя муж Юлии Флавий Сабин в 82 г. был консулом, вскоре после этого его приговорили к смерти по приказу императора. Домициан, несомненно, сожительствовал с Юлией и стал виновником ее смерти, заставив ее избавиться от ребенка, когда она забеременела. Юлия умерла не позднее 90 г., и было ей в то

время немногим более двадцати лет. Похоронили ее в мавзолее Веспасиана на Форуме, прекрасные колонны которого сохранились до наших дней. Сенат причислил ее к сонму богов.

Домиция Лонгина

Domitia Longina

Первая и единственная жена императора Домициана, правившего в 81-92 гг. Брак с Домицианом, который был ее вторым мужем, был заключен до провозглашения его императором. Получила титул августы.

В браке с Домицианом родила сына.

Отцом Домиции Лонгины был славный полководец Домиций Корбулон. При Клавдии он одержал немало побед над германскими племенами, при Нероне командовал восточной армией в войне против парфян за Армению. Он был очень популярен, а значит – слишком опасен, поэтому по приказу Нерона в 66 г. ему пришлось покончить жизнь самоубийством. У Корбулона было две дочери. Одна из них, Домиция Лонгина, сначала вышла замуж за Элия Ламию. В 70 г. занимавший в то время должность претора девятнадцатилетний Домициан, сын Веспасиана, отбил Домицию у мужа. Сначала она была любовницей Домициана, а впоследствии он на ней женился.

По столице ходили слухи, что, уже будучи женой Домициана, Домиция Лонгина была одновременно еще и любовницей его брата Тита. Говорили, что в последние дни своей жизни Тит, которого мучили приступы малярии, жаловался на то, что ему приходится умирать, хотя он ничем в жизни не провинился кроме одного-единственного дурного поступка. Так утверждают Светоний и Кассий Дион, добавляя при этом, что, по всеобщему мнению,

Тит имел в виду как раз соблазнение жены брата. Однако Домиция Лонгина торжественно поклялась, что ничего у нее с Титом не было. А как считает Светоний, если бы что-то было, Домиция Лонгина не стала бы отрицать, поскольку всегда охотно хвасталась своими победами.

В 73 г. Домиция родила сына, который, однако, вскоре умер. В сентябре 81 г., то есть сразу же после того, как Домициан стал императором, она получила титул августы, а их умерший сын был причислен к сонму богов. Все это подтверждают монеты. А в некоторых греческих городах Малой Азии и самой Домиции воздавали присущие лишь богине почести, о чем свидетельствуют сохранившиеся там надписи.

В 83 г. актера Париса уличили в преступной связи с влюбленной в него до безумия императрицей. Актера убили прямо посреди улицы. Его поклонники стали приносить на это место цветы и поливать улицу благовониями – за это их также

покарали смертью. Смерть угрожала и Домиции. Одному из друзей императора удалось выпросить для нее помилование, но ссылки она не избежала. Хотя долго жить вдали от столицы ей не пришлось – Домициан по-своему был привязан к жене. Для того чтобы соблюсти приличия, все представили так, как будто народ молил вернуть ее из ссылки и император, по доброте своей, вынужден был уступить, употребив, однако в эдикте следующую формулировку: «Принимаю ее обратно на мое священное ложе».

А ведь все это время совершенно открыто продолжалась связь Домициана с его племянницей Юлией. Он обходился с ней почти как с законной женой, пока Юлия не умерла около 90 г., когда забеременела от Домициана, а тот приказал ей прервать беременность.

Как все это воспринимала Домиция? Ее положение было и странным, и унизительным. Около 90 г. она снова ждала ребенка. Поэт Марциал, всегда готовый вовремя польстить, даже опубликовал стихотворение, в котором прославлял это счастливое событие – но оно не произошло. Ребенок то ли родился мертвым, то ли умер вскоре после рождения.

В 96 г. в ближайшем окружении императора возник заговор. Конспираторы осознали, что и они сами в любую минуту могут стать жертвами жестокости и подозрительности императора. Домиция, несомненно, была осведомлена обо всем, что касалось заговора. Косвенным образом она даже помогла заговорщикам и подтолкнула их к действию, вовремя сообщив о том, что их имена уже внесены в список приговоренных. 18 сентября 96 г. Домициан погиб, заколотый кинжалами.

Домиция пережила мужа по крайней мере на тридцать лет. На это указывают датированные штампы на изделиях ее кирпичного производства, даты на которых заканчиваются 126 г. Если она родилась около 55 г., то умерла в возрасте по крайней мере семидесяти лет. Для женщины того времени это было очень долгая жизнь. В 140 г. двое вольноотпущенников Домиции в память о ней на свои деньги построили храм в городке Габии поблизости от Рима, а также внесли на хранение крупную сумму, чтобы на проценты с нее ежегодно в день ее рождения, 11 февраля, для жителей устраивали пир. До наших дней почти полностью сохранился длинный список имущества, внесенного в фонд для обеспечения этих торжеств, подтвержденный соответствующим постановлением городского совета.

В 96-98 гг. императором был Нерва. У него не было потомства, а потому он усыновил Ульпия Траяна и сделал его своим преемником. Так начался новый период в истории Римской империи, когда власть передавалась от одного усыновленного

императора к другому: Траян усыновил Адриана, Адриан – Антонина Пия, Антонин Пий – Марка Аврелия. Хотя они и были женаты, своих детей у них не было.

Плотина

Pompeia Plotina

Первая и единственная жена императора Траяна, правившего в 98-117 гг. Брак был заключен, когда Траян еще не был императором. Родилась определенно до 70 г.- скорее всего в Немаусе (сегодняшний Ним на юге Франции).

Титул августы получила до 112 г. – с этого года чеканились монеты с надписью Plotina Augusta. Умерла в 122 или 123 г. Была причислена к сонму богов как Diva Plotina.

Потомства не оставила.

Впервые переступив порог императорского дворца, Плотина обернулась к сопровождавшей ее толпе и произнесла: «Хотела бы я выйти из этих стен такой же, какой вхожу сюда». Древние историки единодушно утверждали, что ей это удалось. Плотина была тихой, скромной женщиной, верной и преданной спутницей своего мужа. Она никогда не становилась предметом сплетен, слухов и обвинений.

В 100 г. ставший консулом Плиний Младший произнес в сенате похвальную речь Траяну, обратившись к императору с такими словами: «Жена – твоя гордость и украшение. Кто может быть чище и целомудреннее ее? Кто – древнее родом и традициями? Если бы верховный жрец выбирал себе жену, он, несомненно, выбрал бы ее – или такую же как она, но разве возможно найти равную ей? Дарованное тебе судьбой возвышение над всеми интересует ее лишь потому, что дает возможность за тебя порадоваться. Она с поразительным постоянством чтит тебя самого, а не твою власть. Ваши отношения друг к другу все те же, какими были и раньше. Обо всем у вас одно и то же мнение, а сегодняшнее счастье дает вам прежде всего возможность понять, насколько же высоко каждый из вас его ценит. Как же скромны одежды Плотины, как немногочисленна ее свита и как же проста она в обращении! И в том заслуга ее мужа, который именно этому учит ее, именно так наставляет. А что еще нужно жене, как не похвала ее послушанию?»

С этими последними высказываниями Плиния наши современницы наверняка не согласятся, зато у ярых фундаменталистов они вызовут бурные аплодисменты.

Затем оратор переходит к восхвалению сестры императора, Ульпии Марцианы, достоинства которой, по мнению Плиния, не уступают достоинствам жены. Он считает, что соперничество, в особенности между женщинами, порождает лишь скрытую враждебность. Рождается она из самого факта постоянного

совместного пребывания, поддерживается равенством положения, разгорается от зависти, а приводит к ненависти. Тем более удивительно, что между двумя женщинами одинаково высокого положения, живущими в одном доме, никогда не бывает никаких ссор и споров. «Они всегда уступают друг другу, – говорит Плиний, – и хотя каждая из них любит тебя более всех на свете, им незачем выяснять, которая из них любит тебя больше, чем другая. У них обеих одна и та же цель, жизнь их наполнена одним и тем же содержанием. Они стремятся следовать твоему примеру, подражают тебе. И даже нравы и привычки у них обеих одинаковые, потому что каждая перенимает твои.

Отсюда и их умеренность, отсюда и спокойствие. Ведь им никогда не будет грозить опасность снова стать частными лицами – они и не переставали таковыми быть. Сенат преподнес каждой из них титул августы, но они отказывались принять его, пока ты не согласился принять титул pater patriae – отца отчизны. А может быть, для них важнее зваться женой и сестрой Августа? Но какова бы ни была причина их скромности, тем более достойны они того, чтобы в сердцах наших они были августами. Что может быть более достойным восхищения в женщинах, чем то, что отношение к ним окружающих для них куда важнее громкого звучания титулов?» Конечно, стилистика панегирика подчиняется своим законам, и не стоит слишком дословно воспринимать те восхваления, которые мы в них читаем. Но не надо впадать и в другую крайность, считая, что высокопарная лесть всегда абсолютно безосновательна. В данном случае как все дошедшие до нас исторические документы (хотя и крайне фрагментарные), так и имеющаяся косвенная информация подтверждают: Плотина, так же как и ее августейший супруг, пользовались неподдельным уважением и симпатией как современников, так и потомков. Причины этого кроются в ее скромности, простоте в общении, врожденной доброжелательности.

Нет никаких сомнений и в том, что Плиний нисколько не преувеличил, говоря о полном согласии, царившем в отношениях между женой и сестрой императора. Об этом лучше всего свидетельствует абсолютно бесспорный факт: именно стараниями Плотины после смерти Траяна императором стал Адриан – муж внучки Ульпии Марцианы, но об этом речь еще впереди.

Возможно, обе женщины жили в полном согласии друг с другом еще и потому, что у них не было никаких соперниц, поскольку надо сказать, что в личной жизни Траян интересовался в основном мальчиками и вином – хотя и вполне умеренно, если говорить о вине. И тот факт, что в любви у него были иные предпочтения, наверняка заставлял его не только оказывать

обеим дамам надлежащее уважение, но и держать определенную дистанцию в отношениях с ними. Акцент прежде всего на взаимном уважении можно заметить и в речи Плиния.

Трудно сейчас сказать, и это вполне понятно, были ли гомосексуальные склонности Траяна причиной того, что его брак с Плотиной остался бездетным. Не исключено, что брак этот вообще был формальным. Так случалось и в нашей истории.

Да, Траян, один из самых победоносных полководцев в истории римской империи, великолепный хозяин и администратор, если говорить сегодняшним языком, был геем. Возможно, это вызовет удивление в стране, где подобные наклонности до сих пор считаются противоестественными и к ним относятся как к извращению, но именно Траян покорил и присоединил к империи Дакию, Месопотамию, Аравию – то есть те земли, на которых ныне располагаются Румыния, Ирак, Иордания. О его прекрасном понимании государственных интересов, об умении не только принимать смелые решения, но еще и четко и кратко доносить их до подчиненных лучше всего свидетельствует сохранившаяся переписка императора с Плинием Младшим, когда тот был наместником провинции Вифинии в Малой Азии. О мощи и славе империи в период его правления напоминают нам колонна Траяна в Риме – то, что осталось от огромного форума, носившего его имя, а также триумфальная арка в Беневенте, каменный мост через реку Таг (ныне Тахо) в Испании, монумент в Адамклисси у побережья Румынии. При Траяне были построены новые дороги из столицы на юг, расширен порт в Остии. Список всех достижений империи в период его правления составил бы отдельную главу. Так что Траян в полной мере заслуживает признанного ему сенатом титула optimus princeps [8].

В мерах, предпринятых Траяном в области социальной политики, нельзя не заметить благотворного влияния Плотины, а возможно, и сестры императора. Речь идет о законах, направленных на защиту государством детей, брошенных при рождении и не получающих должной опеки со стороны отцов, а также о государственной поддержке системы местных фондов, предназначенных для выплаты алиментов сиротам на территории Италии.

В одном случае исторические источники прямо указывают на непосредственное вмешательство Плотины в политику в интересах граждан страны. Речь шла о сборе налогов. Некоторые из тех, кто этим занимался, проявляли исключительную наглость и жестокость, что в какой-то мере оправдывалось немалыми потребностями казны на нужды непрекращающихся

завоевательных войн и крупных строительных проектов. Поговаривали, что кое-кто из сборщиков решал вопрос предельно просто. Один говорил налогоплательщику: «Зачем тебе столько?», другой – «Откуда ты столько взял?», третий – «Давай сюда все, что есть!» – и они отбирали все, что могли. Так вот, именно Плотина, как утверждает один из историков, встала на защиту обиженных, упрекая мужа в том, что подобные методы работы его подчиненных порочат доброе имя императора. И похоже, что с тех пор Траян проводил более разумную налоговую политику, и даже сам как-то заметил, что непосильное налоговое бремя – все равно что селезенка, разрастающаяся за счет других органов. Конечно, это высказывание можно счесть лишь анекдотом, но дело ведь не в том, правдива или выдумана вся эта история. Куда важнее то, что в ней, как в зеркале, отражается мнение современников о Плотине. Они оценивали ее образ и ее роль прямо-таки словами австрийского гимна, который до сих пор с ностальгией вспоминают в Галиции [9]: «Рядом с мужем ласковою ручкой милосердная императрица правит».

Трудно сказать, то ли случайность, то ли злая ирония судьбы стали причиной того, что о прекрасном правления Траяна, а значит, и о жизни и роли Плотины, сохранилось не так много подтвержденных достоверными источниками сведений. Знаменитая «Жизнь двенадцати цезарей» Светония, который охотно приводит в тексте слухи и сплетни, описывает частную и повседневную жизнь, заканчивается 96 г., то есть правлением Домициана. Сборник жизнеописаний римских императоров, созданный так называемыми «Авторами истории Августов» (Scriptores Historiae Augustae), достоверность изложенных в котором сведений вызывает обоснованные сомнения, начинается с Адриана – преемника Траяна. От «Римской истории» Кассия Диона как раз об интересующем нас периоде сохранились лишь фрагменты. Таким образом, нам остается полагаться лишь на обрывки информации. В какой-то мере спасают положение эпиграфические источники – проще говоря, надписи. Их сохранилось немало, особенно тех, которые касаются самого императора. По счастливой случайности сохранилась, однако, и надпись, раскрывающая личность супруги императора с совершенно неожиданной стороны.

Надпись эта была найдена в Афинах в 1890 г. Она почти не пострадала от времени и состоит из трех частей. Первая – это письмо Плотины к императору Адриану, датированное 121 г. Вторая – распоряжение Адриана, направленное тогдашнему руководителю школы эпикурейцев в Афинах. Обе эти части, представляющие собой список с оригинальных документов,

написаны по-латыни, а третья часть на греческом – список письма Плотины учителям и ученикам той же школы. Ее письмо к Адриану начинается со знаменательных слов: «Господин, тебе прекрасно известно, как я интересуюсь школой Эпикура». Слово «школа» (в оригинале secta) употребляется здесь, конечно же, в более широком смысле, означая еще и философское, и даже религиозное направление. Затем Плотина от имени руководителя школы, Попилия Теотима, просит императора посодействовать в назначении его преемника: речь шла, во-первых, о том, чтобы Теотим мог по-гречески свидетельствовать по делу об этом преемнике, во-вторых, чтобы этим преемником мог стать человек, не имеющий римского гражданства, и наконец о том, чтобы, в случае согласия императора на такой порядок назначения, закрепить его и на будущее.

Во втором письме сам император Адриан сообщает руководителю школы о своем решении, в полной мере удовлетворяющем просьбу Плотины.

Начало написанного по-гречески письма Плотины звучит так: «Плотина Августа приветствует всех своих друзей. Мы получили то, о чем просили!» Затем Плотина превозносит милость Адриана и призывает всегда выбирать наставниками самых достойных единоверцев, руководствуясь в большей степени мнением большинства, нежели личными симпатиями. Надпись сия высечена в камне на вечную память. А ведь все вышеизложенное означает, что римская императрица была эпикурейкой! Поразителен уже сам по себе факт, что женщина, к тому же занимавшая такое высокое положение в государстве, интересовалась философией, поскольку представляет собой уникальный для тех времен случай. Не говоря уже о том, что интерес она проявляла к учению Эпикура! Ведь это философское направление не принадлежало к числу самых популярных в Риме, хуже того – оно подвергалось резким нападкам. Его основные положения извращались, их перевирали и осмеивали. Неправильное представление о нем бытует и в наши дни. Подавляющее большинство представляет себе эпикурейца как человека, более всего в жизни ценящего комфорт и удовольствия. Немного найдется философских течений, вокруг которых наросло бы столько же принципиального недопонимания.

Перед смертью (то есть перед 270 до н.э.) Эпикур основал что-то вроде братства и научного фонда с определенным статусом (уставом). Собираться его члены должны были в афинском саду философа – там, где он сам в течение многих лет жил и принимал учеников. Статус этот в римскую эпоху должен был претерпеть определенные изменения, поскольку во времена Эпикура никто

не мог бы постановить, что руководителем и наставником может быть только гражданин Рима, а с представителями власти необходимо общаться исключительно по-латыни. Но это все – лишь не слишком существенные организационные вопросы. Важнее другое – сами основы учения Эпикура, распространением которых занималась его школа.

Что касается строения материи, Эпикур вернулся к взглядам Демокрита, внеся в них, однако, некоторые изменения. Мир построен из бесконечного количества атомов. В своем беспрерывном движении под влиянием малейших отклонений они соединяются в неисчислимое множество разнообразных структур (насколько же это близко к так популярной ныне теории хаоса!), создавая таким образом бесконечные миры, и наш мир – лишь один из них. Боги существуют, но не они – создатели мира, не вмешиваются они и в череду происходящих событий. Они существуют в своем абсолютном счастье и совершенстве, не нуждаясь ни в каких жертвах, молитвах и мольбах и не принимая их – но также и не посылая никаких наград и наказаний. В какой-то мере достигнуть состояния их идеального блаженства может и человек, который по природе своей стремится к счастью. Но достигает он этого блаженства вовсе не через примитивные удовольствия – иллюзорные, быстротечные, а чаще всего даже вредные. Истинное наслаждение может дать только ум, дружеские отношения с людьми, избавление от иллюзий, амбиций и страхов. Так обретается внутреннее душевное спокойствие – атараксия, состояние, максимально приближенное к божественному. Особенно опасны для этого внутреннего спокойствия страх смерти и мысли о том, что ждет нас за гробом. А ведь душа человеческая, точно так же как и все остальное, состоит лишь из атомов и исчезает, когда умирает тело. Пока мы существуем – нет смерти, а когда она придет – не будет нас.

Для своих последователей Эпикур был учителем, пророком, освободителем от суеверий и иррациональных страхов. Парадоксально, но именно это учение и эта школа, которая, казалось бы, порывала с традиционными верованиями и обрядами – хотя и никогда с ними не боролась, – сама стала почти религиозным движением. Эпикур призывал приносить на алтарь богов самое ценное, что может дать человек, – акт разумного понимания мира и самого себя. И чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть прекрасную латинскую поэму Лукреция – ревностного последователя Эпикура. Поэма эта называется Dererum natura – «О природе вещей». Вполне возможно, что ее знала и Плотина.

Но самое удивительное – то, что с самого начала, еще при

жизни Эпикура, его учение привлекало множество женщин, чего нельзя сказать ни об одном другом философском направлении. Это были представительницы разных слоев и даже гетеры. А ведь именно Эпикур отрицал то, что кажется естественной потребностью человеческого, и прежде всего женского, сердца: надежду на то, что после смерти мы встретим своих близких и останемся с ними навсегда. И еще то, что в самые трудные минуты нашей жизни мы можем попросить о помощи высшую силу. Он учил, что человек, в сущности, всегда одинок, и полагаться может только на свой собственный выбор и разум, а рассчитывать лишь на помощь друзей. И поступать честно он должен не потому, что за это его ждет награда, а исключительно по той причине, что это является его обязанностью как разумного существа, руководствующегося своим разумом, а также порядочностью и дружеским отношением к людям как таковым.

Но дело в том, что многих, в том числе и женщин, как тогда, так и в наши дни не устраивали и не устраивают самообман и поиск лишь таких решений жизненно важных вопросов, которые, как нам кажется, отвечают нашим ожиданиям и пожеланиям. Они выше ценят то, что считают истиной в последней инстанции, и именно в ней усматривают путь к настоящей свободе. Иных же привлекала сама атмосфера эпикурейского сообщества – царившие в нем доброжелательность, терпимость, высокий интеллектуальный и нравственный уровень.

Возможно, что это отступление получилось несколько пространным, но его вполне оправдывает незаурядность явления. К тому же оно помогает раскрыть определенные стороны характера и личности Плотины. Она предстает перед нами женщиной умной, думающей, с разносторонними интересами и смелыми взглядами.

Есть и другой источник, содержащий весьма неординарную информацию. На протяжении XIX в. то в одном, то в другом месте на территории Египта обнаруживались греческие документы, которым позднее было дано условное название «александрийских актов». В них описаны гонения, которым со стороны римских властей подвергались некоторые выдающиеся представители греческой общины. Правда это или выдумка, проверить невозможно. Документы эти поразительно похожи на жизнеописания христианских мучеников. Так вот, в одном из них, опубликованном в 1914 г., Плотина упоминается как ярая защитница евреев в их конфликте с александрийцами – почитателями греческих богов. Документ гласит, что обе конфликтовавшие стороны отправили своих послов в Рим, к императору. Однако Плотина сумела настроить своего мужа и

сенаторов на проявление большей благосклонности к еврейской стороне еще перед тем, как послы получили аудиенцию. И когда они предстали перед императором, Траян приветствовал евреев со всей благожелательностью, а к грекам-александрийцам он отнесся холодно. И тогда один из александрийцев сказал: «Нас очень беспокоит, что среди твоих советчиков так много евреев-безбожников!» Император был оскорблен, а поскольку посол не захотел взять свои слова обратно, дело дошло до открытого противостояния. И тогда, как гласит найденный документ, фигурка бога Сераписа, с которой послы прибыли на встречу с императором, вдруг покрылась потом. Можно долго спорить, произошло это от страха перед разгневанным правителем или, напротив, ему в устрашение, но результат, как написано дальше, последовал незамедлительно. И хотя сам Траян, как и пристало императору, лишь удивился, в городе однако при вести об этом чуде начались волнения – сбежались толпы людей, а многие предусмотрительно укрылись на холмах, опасаясь, по всей вероятности, что это чудо предвещает какие-то несчастья. Конечно, не стоит придавать этому рассказу особого значения, но в нем наверняка нашли отклик какие-то из круживших в то время слухов и мнений. Видимо, то, что Плотина не являлась ревностной почитательницей богов, было достаточно широко известно. Могли ее подозревать и в симпатиях к иудеям – что ж, не ее первую среди императриц, вспомним хотя бы Поппею Сабину, жену Нерона. И наконец, стоит добавить, что рассказы о плачущих или потеющих фигурах ходили уже в стародавние времена, а верить в них продолжают еще и сегодня, и именно это стоит назвать настоящим чудом.

Итак, данный документ представляет Траяна и Плотину как императорскую пару, сочувствующую евреям. А тем временем конфликт, разгорающийся между римлянами и местным населением восточных провинций с одной стороны и евреями с другой, в 115 году вспыхивает восстаниями в Киренаике (в сегодняшней Ливии), в Египте и на Кипре. И это еврейское восстание удается подавить лишь после нескольких лет тяжелого противостояния, и произойдет это лишь при следующем после Траяна императоре.

Сам Траян уже с 113 г. находился на Востоке, где вел крупномасштабную, продолжительную, но в конце концов победоносную войну против парфян на землях нынешнего Ирака. Плотина вместе с Матидией, племянницей императора, также перебирается в те края. Об этом свидетельствуют сохранившиеся надписи. И если даже Плотина не сопровождала мужа на самом переднем крае, где проходили боевые действия, она всегда

находилась где-то неподалеку, и потому наверняка незамедлительно оказалась рядом с Траяном и когда в Антиохии с ним случился апоплексический удар, и когда в августе 117 г. он умирал в приморском городе Селинус (Selinus) на территории современной Турции (в 45 км от Аланьи).

Повсеместно считалось, что не кто иной, как Плотина распорядилась тогда дальнейшей судьбой империи. Современники не сомневались, что именно она склонила умирающего Траяна к официальному усыновлению Адриана – внука сестры императора. Таким образом, Траян указал на него как на преемника.

Но понимал ли тогда сам Траян, что он делает? Одни утверждали, что императрица в течение нескольких дней держала смерть мужа в секрете. Другие говорили, что Траян якобы говорил едва слышным голосом с задернутого занавесью ложа, но голос был не императора, а подставленного Плотиной человека. Ходили слухи, что и печать на последних письмах к сенату была поставлена перстнем не императора, а императрицы. И нет никаких сомнений, что в осуществлении ее планов Плотине помогал префект преторианцев Ацилий Атиан.

И даже если истинная правда то, что в последние дни жизни императора разыгрывались подобные описанным сцены, все равно все свершилось по его воле. Траян в течение многих лет опекал и поддерживал Адриана, приобщал его к государственной деятельности, продвигая на все более ответственные должности (последней был пост наместника Сирии), ведь он был ближайшим родственником императора, внуком его сестры, да к тому же еще и земляком – оба они родились в испанском городе Италика.

Можно смело утверждать, что так или иначе официально оформляя усыновление Адриана, Плотина лишь воплотила в жизнь то, к чему ее муж стремился, но просто был уже не в состоянии сделать самостоятельно. Правда, ходили слухи и о том, что в последние месяцы жизни Траян поменял свои планы и подумывал назначить преемником кого-то другого, и даже якобы намеревался передать право выбора нового императора сенату. Однако это мало правдоподобно. Во всяком случае, даже если окончательное решение о выборе Адриана приняла Плотина, это был хороший – да просто прекрасный! – выбор, поскольку тот оказался достойным преемником великого императора.

Траян умер в самом начале августа 117 г. Об усыновлении Адриана было публично объявлено 11 августа. Плотина вместе с племянницей покойного, Матидией, перевезла урну с прахом в Рим и поместила в нишу у подножия воздвигнутой по велению самого императора колонны, покрытой барельефами,

изображающими многочисленные сцены войны с даками.

Адриан прекрасно понимал и ценил то, что сделала для него Плотина. Когда она умерла в 122 или 123 г., он не только в течение девяти дней соблюдал строгий траур, но даже сочинял хвалебные песни в ее честь, а впоследствии воздвиг в Немаусе (современный Ним) и назвал ее именем прекрасную базилику из белого мрамора, в которой был просторный зал для собраний. Почему именно там? Одни считают, что Плотина была оттуда родом, другие – что именно в Немаусе императора, возвращавшегося в Рим из Британии, застала весть о ее смерти. Адриан построил ей храм и в Риме, поскольку сенат причислил ее к сонму богов как Diva Plotina – Божественную Плотину. Прах ее, вероятнее всего, был захоронен рядом с прахом мужа – под колонной Траяна.

Сабина

Vibia Sabina

Первая и единственная жена императора Адриана, правившего в 117-138 гг.

Родилась около 85 г.

Вышла замуж за Адриана до 100 г.

Титул августы получила до 128 г. – с этого года чеканились монеты с ее именем и титулом.

Умерла в 136 или 137 г.

Не позднее 138 г. была причислена к сонму богов как Diva Sabina. Потомства не оставила.

Отцом Сабины был консул 97 г. Луций Вибий Сабин, матерью – Матидия, дочь сестры императора Траяна. В возрасте около 15 лет Сабина вышла замуж за Адриана, который был почти на десять лет старше жены. В то время он лишь стоял на пороге великолепной карьеры. Адриан уже успел отслужить в армии – трибуном трех разных легионов. К моменту женитьбы он как раз вступил в должность квестора, которая представляла собой, как мы сегодня сказали бы, первую ступень служебной лестницы, ведущей к высшим министерским должностям.

Брак Адриана с Сабиной состоялся прежде всего по настоянию Плотины, которая была подругой Матидии. Траян, похоже, относился к этому союзу без особого одобрения, хотя молодой человек был его земляком – оба они родились в одном и том же испанском городе Италика.

В последующие годы Плотина активно помогала в развитии карьеры молодого человека, чего он, впрочем, более чем заслуживал, обладая незаурядной энергией, прекрасными способностями в области военного дела и талантом организатора. И именно Плотина сделала все от нее зависевшее, чтобы в августе 117 г. было объявлено о том, что император официально усыновил Адриана. Говорили, что для этого она даже пошла на некоторые нарушения формальной процедуры и сама выступила в роли режиссера-постановщика нужной сцены, исполненной у ложа умирающего супруга. Итак, Адриан был провозглашен императором благодаря стараниям трех женщин – императрицы Плотины, своей тещи Матидии и жены Сабины. Надо признать, что Адриан должным образом оценил их благосклонность. Что касается двух первых дам, он совершенно открыто демонстрировал им свою благодарность. Каждая из них в свое время получила надлежащие почести и привилегии, включая обожествление. Когда в 119 г. Матидия умерла, Адриан сам

произнес в честь тещи траурный панегирик, который впоследствии был высечен на мраморной плите, благодаря чему и дошел до нас хотя бы частично. На этой плите мы читаем чудесные слова: «При жизни она была любима мужем. После его смерти долго оставалась вдовой, хотя была женщиной во цвете лет, к тому же очень красивой внешности и кристально чистых помыслов. Матери своей она выказывала надлежащее послушание, сама же как мать была более чем снисходительна. Ни с кем она не была сурова, никого в жизни не побеспокоила. Даже меня она никогда ни о чем не просила, хотя сам я просто жаждал этого. Она предпочитала бескорыстно радоваться тому, как меня вознесла судьба, чем этим пользоваться».

Что же касается третьей из женщин – его жены Сабины, – то и тут, казалось бы, все складывалось благополучно. Но так казалось лишь тому, кто смотрел со стороны, кто жил за пределами двора и столицы. Их брак продолжался 35 лет. Сабина сопровождала мужа в его многочисленных путешествиях (хотя и не во всех), получила она от него и титул августы. Жители многочисленных городов по всей империи ставили в ее честь статуи, упоминали в различных надписях наравне с супругом. Но в сущности оба они в этом браке не были счастливы. Конечно, обладая лишь обрывками информации, во многом тенденциозной и деформированной, нам трудно оценить, кто из них в этом был более виновен.

Слова самих супругов лучше всего демонстрируют, как они друг к другу относились.

Адриан так отзывался о жене: «Если б я не был публичным человеком, я бы давно с ней развелся, – столько в ней упрямства и так отвратителен характер!»

Сабина, в свою очередь, говорила: «Как же я была права, постаравшись от него не забеременеть – это могло бы привести к гибели всего рода человеческого!»

Совершенно неожиданные слова, ведь нам Адриан видится одним из лучших римских императоров. И хотя в самом начале своего правления он отказался от завоеванной своим предшественником Месопотамии, попытки удержать ее слишком дорого обошлись бы государству, так что решение это было правильным. Адриан укрепил границы огромной империи на всем их протяжении, постоянно заботился о боеспособности армии и сохранении в войсках дисциплины. За двадцать лет своего правления он, как настоящий хозяин, посетил все провинции и провел инспекцию многих военных лагерей. Он совершенствовал и кодифицировал законы, изменив их так, чтобы они защищали также и рабов. Адриан проводил разумную налоговую политику. Он был страстным поклонником культуры, в особенности

греческой, окружал неподдельной заботой людей искусства, а также учреждения культуры и памятники древности. Он и сам обладал незаурядными творческими способностями: сочинял стихи, занимался музыкой и пением, проявил себя как архитектор, философ и даже астролог. Памятниками силы и величия Римской империи периода правления остались шедевры архитектуры, которые и сегодня производят огромное впечатление: огромный мавзолей в Риме (впоследствии ставший частью замка Святого Ангела), храм богинь Венеры и Ромы на Форуме, реконструированный Пантеон, комплекс великолепных зданий поблизости от столицы (вилла Адриана), храм Зевса Олимпийского в Афинах. Адриан жаловал статус города военному поселению Аквинкум (современный Будапешт) на Дунае и наградил своим именем город Адрианополь (ныне Эдирне в европейской части Турции).

Однако современники оценивали Адриана более сдержанно, а порой и очень критически, и виноваты в этом были некоторые черты его характера – император был человеком переменчивым, раздражительным, нервным. Нередки у него были вспышки мелочности и зависти, в том числе и творческой – ее жертвой пал великий архитектор Аполлодор, построивший Форум Траяна. За критику представленного императором проекта храма Венеры и Ромы он был отправлен в ссылку, а впоследствии, возможно, и приговорен к смерти. В спорах Адриану всегда следовало уступать – даже в философских. На эту тему один интеллектуал заметил едко, но справедливо: «Да можно ли не разделять мнения хозяина тридцати легионов?» С ним и сегодня согласятся представители творческих профессий многих стран – в том числе и тех государств, что жаждут считаться демократическими. А уж что касается политики, то здесь Адриан бывал жесток и решителен в отношении всех представителей высших аристократических кругов, хотя бы заподозренных в принадлежности к оппозиции. Многих он отстранил от публичной жизни, нередки были и смертные приговоры. Поэтому и отношения императора с сенатом складывались не лучшим образом.

Нет сомнений, что в ухудшении взаимоотношений в семье виновна была и Сабина. Возможно, что те черты, которые отметил в своей реплике о ней Адриан, делали ее тяжелым в повседневном общении человеком. Но кто ж сегодня может взвесить все достоинства и недостатки супругов, чтобы рассудить справедливо?

Наверняка известно, что до острой конфронтации между ними дело дошло в 122 г. Вероятно, это случилось тогда, когда

император находился в Британии, осуществляя надзор за строительством грандиозной системы пересекавших остров оборонительных сооружений, известных нам как вал Адриана. Укрепления эти возводились для защиты средней и южной части острова от вторжений пиктов, проживавших на землях современной Шотландии.

Как раз в это время император отстранил от двора и снял с должностей префекта преторианцев Септиция Клара и ответственного за переписку секретаря Светония Транквилла, обвинив их в том, что они превысили допустимую степень свободы в отношениях с его супругой, проявив неуважение к императорскому дому. Именно тогда Адриан и заявил, что будь он частным лицом, давно развелся бы с Сабиной. По сути дела эти вырвавшиеся у него слова характеризуют его с положительной стороны – император считал себя обязанным подавать положительный пример, заботясь о сохранении брака, даже если тот и не был удачным. Ясно, что Адриан не одобрял разводов, хотя в Риме разводились часто и легко – особенно в кругах знати.

Упомянутый выше Светоний – это тот самый знаменитый писатель, из-под пера которого вышла популярная и ныне «Жизнь цезарей», в которой он приводит множество интересных деталей из жизни правителей (в том числе и личной). К сожалению, его труд заканчивается описанием периода правления Домициана – то есть 96 г. Возможно, он поступил так вполне сознательно, не желая заниматься современной ему историей, которой он был свидетелем и в которой сыграл определенную роль как человек, занимавший высокую должность, посвященный в придворные тайны и имевший доступ к императорским архивам. А жаль! В противном случае в нашем распоряжении были бы сейчас достоверные отчеты, написанные рукой автора, прекрасно ориентировавшегося во всех секретах большой и малой политики своего времени, – хотя, конечно же, небеспристрастного. Добавим здесь, что свой исторический труд Светоний посвятил уже упомянутому префекту Септицию Клару и что писателя связывали тесные дружеские отношения с

Плинием Младшим – автором известных «Писем» и уже цитированного восхваления Траяна.

У нас нет достаточных оснований утверждать, что Сабина сопровождала мужа в этой поездке в Британию и что именно там разгорелся конфликт. Вполне возможно, что она оставалась в Риме и в отсутствие мужа свободно принимала у себя придворных сановников, а вести о том, что происходит во дворце, были незамедлительно получены императором благодаря прекрасно

организованной им «спецслужбе». Сетью доносчиков руководили так называемые frumentarii – в дословном переводе «хлеботорговцы», поскольку ранее те же службы осуществляли контроль за поставками зерна для армии. Впоследствии они получили хорошо известное и в наши дни название «тайных агентов» – agentes in rebus. Чрезмерное расширение секретных служб не делает особой чести Адриану, так же как и его чрезмерное пристрастие к доносам и сплетням о частной жизни окружающих (и прежде всего ближайших друзей), о супружеских изменах и предательствах. Особую радость доставляла ему возможность поражать близких своей неожиданной осведомленностью о подробностях их интимной жизни.

Видимо, впоследствии взаимоотношения императорской пары улучшились, поскольку не позднее 128 г. Сабина получила титул августы, который появился и на монетах с ее изображением. Известно также, что в 128 г. она вместе с мужем отправилась в длительную поездку по восточным провинциям. Сначала Адриан и Сабина побывали в Афинах, посетили Элевсин и Олимпию, затем через Малую Азию и Сирию летом 130 г. добрались до Александрии. Оттуда они поплыли вверх по Нилу, осматривая по дороге знаменитые памятники времен фараонов. Таким образом, они как бы повторяли путешествие, совершенное за сто пятьдесят лет до них Цезарем и Клеопатрой, которые в 47 г. до н.э. после снятия осады с их дворца в Александрии проехали точно по тому же маршруту, с той, однако, весьма существенной разницей, что для Цезаря и Клеопатры это было путешествие двух влюбленных, а для Адриана и Сабины – официальный визит, совмещенный с туристической поездкой.

Во время плавания вверх по Нилу произошел несчастный случай. Однажды ночью в конце октября по непонятной причине и при невыясненных обстоятельствах в реке утонул обожаемый Адрианом юноша Антиной, который путешествовал вместе с ним. Адриан уверовал в то, что юноша принес свою жизнь в жертву богам, и повелел в это поверить всем, кто сопровождал его в плавании – чтобы избежать несчастий, предсказанных ему жрецами. Император, как истинный властелин мира, постарался воздать покойному несравненные почести. По велению Адриана Антиноя возвели в ранг богов, и в разных городах по всей империи ему возводили храмы, ставили статуи, чеканили монеты с его именем и изображением. Пошел слух, что Антиноя видели среди звезд на небе, и его именем назвали созвездие. В память о юноше неподалеку от того места, где он утонул, по воле Адриана построили город Антинополис. Но все это было сделано в последующие несколько лет, а пока император не стал прерывать

своего плавания по Нилу.

Однако смерть Антиноя проливает свет еще на одну черту личности Адриана – на его несомненную склонность к гомосексуализму. Поговаривали, что еще до того, как он был провозглашен императором, Адриан предавался этой страсти в весьма рискованных обстоятельствах – соблазняя фаворитов Траяна. Хотя известно, что замужних женщин он также соблазнял весьма активно, не пренебрегая и женами близких друзей.

Утро 20 ноября 130 г. застало Адриана и Сабину у подножия величественного монумента близ Фив – древней столицы Египта. Греки именовали эту огромную статую колоссом Мемнона, хотя в действительности она является изображением египетского фараона Аменхотепа III. Под влиянием прохождения быстро нагревающегося воздуха сквозь трещины в камне колосс на восходе солнца издает своеобразный свист, который в те времена повсеместно считался пением самого Мемнона. И множество древних туристов оставляли на памятнике автографы – в знак того, что они это пение слышали. Среди таких туристок оказалась и дама из свиты императрицы Сабины, Юлия Бальбилла – на левой ноге статуи она нацарапала короткий стишок, безграмотный и ничем с точки зрения поэзии не примечательный. Однако для истории он оказался просто бесценным, поскольку древнеримская графоманка снабдила его не только своей подписью, но еще и годом, месяцем, числом и даже временем дня осмотра достопримечательности.

Весной 131 г. в Александрии императорская пара приняла участие в пышных празднествах в честь нового бога Антиноя. А потом Адриан и Сабина отправились обратно – через Сирию, Азию и Афины. И в 132 г., после занявшей немало времени дороги, возвратились в Рим.

Тем временем в Иудее вспыхнуло и стало быстро шириться восстание евреев. Во главе восставших стоял Шимон Бар-Кохба (в переводе с арамейского – Сын Звезды). Непосредственных причин для восстания было две. Во-первых, Адриан запретил обрезание, считая его не менее варварской процедурой, чем кастрация. Во-вторых, началось восстановление разрушенного Иерусалима. Город лежал в руинах 60 лет, со времен предшествующего восстания евреев против Рима – так называемой «Иудейской войны» времен императора Веспасиана. Теперь разрушенный город, на месте которого была основана римская колония Элия Капитолина, получившая свое название от родового имени императора Адриана, решено было отстроить заново, а на месте Иерусалимского храма воздвигнуть храм Юпитера Капитолийского. Восстание Бар-Кохбы удалось подавить лишь в

135 г., после трех с лишним лет сражений, о ходе которых мы знаем лишь в общих чертах, поскольку он не был подробно зафиксирован летописцами. Известно однако, что жертвами этих на редкость кровопролитных событий стали более полумиллиона иудеев, сотни тысяч их сородичей были проданы в рабство, сотни городов и деревень – стерты с лица земли, а уцелевшим иудеям был запрещен вход на территорию Иерусалима.

Как относилась императрица Сабина к этим драматическим событиям? Благоволила ли она к иудеям, как до нее жена Нерона Поппея и жена Траяна Плотина? В любом случае это ничего бы не изменило, поскольку никакого влияния на политику она не имела. А даже если бы она попыталась за них вступиться, результат мог оказаться прямо противоположным, поскольку отношения между супругами снова испортились. Император, если верить источникам, вел себя с женой крайне оскорбительно – как с рабыней и наверняка прямо или косвенно был причастен к ее кончине: как свидетельствуют одни, он довел ее до самоубийства своим отношением или, как говорили другие, сам избавился от нее с помощью яда. Возможно, что все эти обвинения напрасны, однако в них явно отразилось эхо ходивших в то время слухов о происходящих в императорском дворце событиях.

Сабина умерла в конце 136 г. или в начале следующего года. И независимо от того, что стало причиной ее смерти, император сделал все, чтобы достойно почтить ее память. Но возможно, что он так демонстративно оказывал ей почести как раз для того, чтобы заглушить порочащие его слухи. По велению Адриана Сабину объявили богиней, и она получила собственный храм и жриц. Прах императрицы был захоронен в гробнице, построенной ее мужем.

То ли в последние дни жизни Сабины, то ли сразу после ее смерти Адриан усыновил Луция Цейония Коммода, указав на него как на своего преемника и присвоив ему титул цезаря. С этого момента молодой человек носил новое имя – Луций Элий Цезарь. Конечно, учитывая, что брак Адриана с Сабиной остался бездетным, своевременная забота о будущем преемнике была понятной и разумной. Но только удачным ли был выбор кандидата? Адриан выбрал в наследники Цейония вопреки единодушному мнению окружающих. Молодой человек не имел никакого политического опыта (хотя, вне всякого сомнения, был хорошо образован), зато здоровьем он отличался крайне слабым и умер через год после объявления его наследником – 1 января 138 г. Вероятнее всего, причиной смерти стало вызванное чахоткой кровотечение.

Чем же объяснялось упорство императора, приложившего

немало усилий для утверждения преемником именно Цейония? Кем-то из более поздних авторов была высказана гипотеза, на которую стоит обратить внимание: а не был ли Цейоний сыном Адриана от одной из его любовниц, которая то ли впоследствии вышла замуж якобы за отца Цейония, то ли уже была замужем, когда будущий император соблазнил ее? Гипотеза эта интересна тем, что в какой- то мере объясняет отношения, сложившиеся между Адрианом и Сабиной. Ведь, в конце концов, их брак был заключен лишь по политическим соображениям, под давлением Плотины и Матидии. Объясняет она и то, почему Адриан усыновил Цейония лишь после смерти Сабины. Однако доказать достоверность этой теории не представляется возможным.

Уже через два месяца после смерти Цейония Адриан назначил нового преемника. Им стал Тит Аврелий Аррий Антонин – мужчина в расцвете лет, уже занимавший немало высоких должностей. Впоследствии он вошел в историю как император Антонин Пий. Однако, чтобы стать преемником, он должен был сразу же выполнить два необходимых для этого условия семейно-политического свойства; но об этом будет рассказано в биографии следующей императрицы – Фаустины Старшей.

Какими бы ни были провинности и даже преступления Адриана, он сполна расплатился за них еще при жизни. В последние месяцы перед смертью он испытывал страшные физические страдания. Случались моменты, когда он порывался совершить самоубийство или умолял других прекратить его мучения мечом или ядом. Умер Адриан в возрасте 63 лет в Байях на берегу Неаполитанского залива. Это случилось 10 июля 138 г.

Имя Сабина пользуется огромной популярностью и сегодня. Известно несколько святых, носивших это имя, и самая старшая из них, как утверждают, приняла мученическую смерть как раз при Адриане. В Риме на Авентинском холме находится древняя базилика, которая носит ее имя. Но совершенно точно известно, что рассказ о мученичестве этой Сабины – вымысел, записанный в куда более поздние времена. Известно также, что хотя в начальный период правления Адриана кое-где и случались редкие преследования христиан, однако позднее он их категорически запретил. Христиан, конечно, судили и приговаривали – но не за веру, а за обычные преступления, как и всех остальных. И если столетия спустя автору, писавшему о мученической смерти Сабины, пришло в голову связать время ее гибели именно с правлением Адриана, наверняка это случилось лишь потому, что все еще жива была память о не слишком счастливой судьбе жены императора.

Фаустина Старшая

Aimia Galeria Faustina

Первая и единственная жена императора Антонина Пия, правившего в 138-161 гг.

Родилась в 100 г.

Вышла замуж за Антонина до 120 г.

Титул августы получила после 138 г. – с этого года также чеканились монеты с ее изображением, именем и титулом.

Умерла в конце октября 140 г.

Была причислена к сонму богов как Diva Faustina.

Имела четверых детей – двух сыновей и двух дочерей.

И отец Фаустины, и ее дед со стороны матери назначались консулами. Обе семьи владели крупной земельной собственностью, а также мастерскими по производству черепицы – об этом свидетельствуют штампы, обнаруженные на нескольких сохранившихся экземплярах. Прозвище Фаустина досталось ей от матери. Муж, Тит Аврелий Аррий Антонин, был значительно старше ее – разница в возрасте составляла около двадцати лет, так как известно, что он родился в 86 г. Он был владельцем обширных земель в Италии и в Южной Галлии (нынешний Прованс), в окрестностях Немауса (сегодняшний Ним), откуда и происходил его род. Антонин пользовался всеобщим уважением как человек образованный, порядочный и справедливый. Он дослужился до самых высоких должностей – успел побывать и консулом, и наместником провинции Азии, и членом императорского совета, а в феврале 138 г., через два месяца после преждевременной кончины Луция Цейония Коммода, которого Адриан назначил своим преемником, император усыновил Антонина; это означало, что он становится будущим правителем. Однако при усыновлении Антонину было поставлено одно условие: он, в свою очередь, тоже должен был усыновить двух молодых людей. Первым из них был семнадцатилетний Марк Анний, вошедший позднее в историю как император Марк Аврелий, обрученный с малолетней Цейонией Фабией – дочерью покойного Цейония, а вторым – восьмилетний сын все того же Цейония, носивший имя отца (правил впоследствии под именем Луция Вера).

У столь необычной заботы Адриана о том, чтобы его приемный сын заранее дал согласие на немедленное усыновление и таким образом сразу назначил себе преемников, были вполне обоснованные причины. Дело было в том, что оба сына Фаустины и Антонина умерли в раннем возрасте, то есть наследников

мужского пола у нового императора не было. Кроме того, Адриан стремился обеспечить детям так горячо любимого им Луция Цейония возможность в дальнейшем править империей, и это в какой-то мере подтверждает гипотезу о том, что он мог быть внебрачным сыном императора.

Старшая дочь Антонина и Фаустины также умерла рано, до 138 г. едва успев выйти замуж, и к моменту усыновления Антонина императором Адрианом у них оставалась лишь одна дочь, носившая то же имя, что и мать, Фаустина Младшая.

Когда Адриан умер, а это случилось 10 июля 138 г., императором стал Антонин. Его жена сразу же получила титул августы, а самого Антонина сенат наградил прозвищем Пий (Pijus) – Благочестивый. Так обычно называли человека, который с необычайным уважением относится к своим родителям и чтит их как богов, а именно так относился Антонин к своему отчиму. Он тут же добился от сената обожествления покойного императора и сразу приступил к возведению на Марсовом поле храма Божественного Адриана – до наших дней от него сохранились одиннадцать колонн с фрагментами стены и барельефов на площади Св. Петра (Piazza di Pietro), – а также закончил строительство величественного мавзолея Адриана.

Антонин Пий правил двадцать три года. Это были годы блаженного спокойствия. На границах не велось никаких серьезных военных действий. Народ был доволен жизнью в стабильном правовом государстве. Если где-то возникали волнения, то они были кратковременны и имели локальный характер. Конечно, не обошлось без природных катаклизмов, которые довольно часто навещали разные уголки империи – случались и землетрясения, и наводнения, и неурожай. Но власти действовали энергично, и последствия катастроф быстро устранялись.

Фаустине, напротив, жизнью в блеске славы суждено было наслаждаться не более двух с половиной лет. Она умерла еще до конца 140 г. в возрасте чуть более тридцати лет. Наверное, поэтому знаем мы о ней совсем немного.

В жизнеописании Антонина Пия, оставленном нам «Авторами истории Августов», о ней сказано следующее: «О его жене ходило много разговоров из-за ее слишком свободного и легкомысленного поведения, от чего он в глубине души много страдал». Как следует понимать эти слова? Имелась ли в виду лишь ее несдержанность в высказываниях и неуемное стремление к бурной светской жизни, или же речь шла о недопустимой свободе нравов? Не исключено, что в тексте вообще была допущена ошибка, и эта не самая лестная характеристика должна

была относиться к дочери Фаустины – Фаустине Младшей.

Приводятся также слова, сказанные Антонином жене в оправдание, когда та как-то раз стала упрекать его в скупости: «Но, глупая, ведь как только мы стали править империей, мы потеряли даже то, что имели раньше!» Как видно, отношение некоторых политиков древнего мира к доходности государственных должностей несколько отличалось от взглядов, господствующих в наши дни.

Однако вряд ли стоит сомневаться в том, что на некоторые важные семейно-политические вопросы Фаустина оказала серьезное влияние. Почти сразу же после смерти Адриана была нарушена часть условий, которые касались матримониальных планов относительно усыновленных Антонином мальчиков. Марку Аврелию пришлось разорвать помолвку с Цейонией Фабией и обручиться с Фаустиной Младшей – единственной оставшейся к тому времени в живых дочерью императора. Трудно себе представить, чтобы такое решение было принято Антонином без вмешательства его жены.

На подобное решение вопроса о предполагаемых в будущем браках могло повлиять то, что Цейоний и Фаустина были почти ровесниками, тогда как Марк Аврелий был старше ее по крайней мере на восемь лет, а в древности считалось, что муж должен быть значительно старше жены, поскольку биологические часы мужчин и женщин идут по- разному, и сорокалетнего мужчину невозможно сравнивать с сорокалетней женщиной, особенно в южном климате.

Фаустина наверняка была свидетельницей торжеств, состоявшихся по случаю обручения ее дочери с Марком Аврелием. Однако ей не суждено было дождаться их свадьбы, которая состоялась лишь спустя шесть лет, в 145 г., когда девушка достигла возраста 13-15 лет, который в те времена считался допустимым для замужества.

Прах императрицы был захоронен в мавзолее, построенном Адрианом еще при жизни. Туда же перенесли и прах двух ее рано умерших сыновей и старшей дочери. На могильных плитах поместили короткие надписи, которые, правда, до наших дней не сохранились, но известны нам по сделанным еще в Средние века копиям.

Сенат причислил покойную к сонму богов. Божественной Фаустине построили храм на Римском Форуме (Forum Romanian), и вторым его патроном стал после смерти ее муж Антонин. Надпись с их именами на фронтоне здания можно прочесть и сегодня. Здание прекрасно сохранилось, поскольку в Средние века храм Антонина и Фаустины стал католическим и был

переименован в собор Св. Лоренцо в Миранде. Ныне это один из самых величественных и знаменитых памятников архитектуры на древнем Форуме. В память о жене Антонин также учредил государственный фонд для девочек из бедных семей и сирот. Тех, кто получал пособие из этого фонда, стали называть puellae Faustinianae – дочерьми Фаустины.

В городе Остии, расположенном в устье Тибра, сохранилась надпись. В ней говорится о том, что городской совет постановил воздвигнуть алтарь императору Антонину Пию и Божественной Фаустине, чтобы почтить таким образом их супружеское согласие, а также для того, чтобы на этот алтарь приносили жертвы молодожены. Образцовое взаимопонимание императорской супружеской пары увековечено и на монетах. На одной из них изображена сцена, которую можно назвать иллюстрацией к постановлению городского совета Остии. Мужчина и женщина – это, конечно же, Антонин и Фаустина – протягивают друг другу руки. В левой император держит фигурку богини, а правые руки соединяются на алтаре. Между августейшими супругами художник изобразил фигурки мужчины и женщины меньшего размера, которые повторяют этот жест. Надпись же на монете гласит: concordia (согласие).

Антонин Пий никогда больше не женился, однако известно, что он имел любовницу, и была ею, по всей вероятности, вольноотпущенница Фаустины по имени Лисистрата.

Фаустина Младшая

Faustina Minor

Родилась после 130 г., в день 16 февраля.

Первая и единственная жена Марка Аврелия, правившего в 161-180 гг. Замуж за него вышла в 145 г. 1 декабря того же года получила титул августы, а в 174 г. была провозглашена «матерью воинских лагерей» – Mater castmrum.

Умерла летом 176 г. Была возведена в сонм богов как Diva Faustina Pia или же Diva Augusta Faustina.

Имела по крайней мере двенадцать детей – по всей вероятности, семерых сыновей и пять дочерей.

Фаустина родилась, когда ее отец, Антонин Пий, еще даже и не помышлял о том, чтобы стать императором. У нее было два брата и старшая сестра, но все они рано умерли и к 25 февраля 138 г. – то есть к тому дню, когда отец Фаустины был усыновлен императором Адрианом и стал его преемником, – она оставалась в семье единственным ребенком. В личной жизни девочки также произошли изменения: ее тут же обручили с ее ровесником, восьмилетним Луцием Вером, сыном умершего Луция Цейония. По воле императора Адриана мальчик был усыновлен Антонином, отцом Фаустины, и сложилась парадоксальная с юридической точки зрения ситуация: жених и невеста, будущие муж и жена, в то же время стали братом и сестрой!

Однако эта помолвка длилась лишь несколько месяцев. Сразу же после смерти императора Адриана, то есть после 10 июля 138 г., Фаустина и провозглашенный новым императором Антонин Пий изменили свой план, принятый по настоянию Адриана. Помолвка с Луцием Вером была разорвана – наверняка еще и потому, что они были ровесниками, а в древности считалось, что такой брак обречен на неудачу. Новым женихом девочки сразу же был объявлен Марк Аврелий (который для этого вынужден был разорвать свою помолвку с сестрой Луция Вера – Цейонией Фабией). Жениха сменили, а парадоксальная ситуация предстоящей женитьбы брата на своей сестре осталась – ведь Марк Аврелий также был уже усыновлен Антонином!

Брак Фаустины и Марка Аврелия был заключен лишь весной 145 г., когда девушка достигла необходимого для замужества возраста – то есть по меньшей мере тринадцати лет. Пышные свадебные торжества были яркими и запоминающимися, и в некоторой степени омрачало их лишь то, что на свадьбе не было матери невесты: она умерла за пять лет до этого события. Император, как мог, старался угодить единственной оставшейся в

живых родной дочери – своему горячо любимому ребенку. В одном из его личных писем другу есть такие слова: «Я предпочел бы жить с ней на Гиаросе, чем без нее на Палатине!» Упомянутый здесь Гиарос, или Гиара (Gyaros), – это маленький, почти необитаемый остров в Эгейском море, который во времена Римской империи был местом ссылки преступников. В честь состоявшейся свадьбы была выпущена монета – на ней двое молодых людей держатся за руки, а над ними возвышается богиня Согласия -

Concordia. По этому же случаю была выплачена и добавка к солдатскому жалованию. 30 ноября 147 г. молодая жена родила первенца – девочку, которая получила имя Домицилла Фаустина (Domitilla Faustina). Уже через два дня после этого, 1 декабря того же года, сенат по воле счастливого деда – императора Антонина Пия – присвоил юной матери титул августы. Исключительность данного события заключалась в том, что у мужа Фаустины этого титула не было – Марк Аврелий тогда и еще в течение многих лет после этого, до самой смерти Антонина Пия, имел лишь более скромный титул цезаря, которым в те времена награждали младшего соправителя.

Известно, что около 170 г. Фаустина родила своего двенадцатого или тринадцатого ребенка – девочку по имени Вибия Сабина (Vibia Sabina). А это значит, что в течение по меньшей мере 23 лет она рожала в среднем раз в полтора года. Из всей этой стайки ребятишек к моменту смерти их матери в живых осталось лишь пять дочерей и один – единственный сын. Так что эти годы для августейшей пары были непрерывной чередой личных трагедий: дети умирали один за другим, и в основном очень рано, еще в колыбели несмотря на то, что находились под наилучшей опекой, которую в то время можно было обеспечить. За их здоровьем лично следил один из лучших врачей того времени – Гален. К примеру, нам известно, что императрица Фаустина горячо благодарила его за излечение Коммода от болезни горла. Марк Аврелий был горд и счастлив тем, что семья его так многочисленна, а жена так плодовита. Об этом свидетельствуют различные выпуски монет того времени. На их лицевой стороне изображена Фаустина, а на обороте – богиня плодородия Фекундитас (Fecunditas), иногда с ребенком, в разных сочетаниях. Вообще изображения детей в этот период очень часто встречаются в римском искусстве – в тех жанрах, которые можно отнести к малым формам. А Фекундитас появляется на монетах, начиная с императрицы Фаустины Старшей.

Надо признать, что для человека, который искренне и всерьез интересовался философией, был постоянно занят вопросами

большой политики и к тому же много путешествовал и вел войны, Марк Аврелий исполнял свой супружеский долг на редкость прилежно, чего, пожалуй, нельзя сказать о прочих римских императорах ни до него, ни после. И дело тут прежде всего в том, что Марк Аврелий всегда старался наилучшим образом справиться с любой проблемой, выполнить любую задачу, поставленную перед ним жизнью, – как человек, муж и отец, как римлянин, вождь и властитель Империи. Прекрасно отдавая себе отчет в хрупкости и бренности человеческой жизни, он стремился, с одной стороны, по воле богов и согласно человеческой природе, обеспечить непрерывность своего рода, а с другой стороны – быть примером, также и семьянина, в обществе, которое не слишком-то заботилось о своем потомстве.

Таким образом, Марка Аврелия можно считать образцом христианского родителя, как это сейчас принято называть. Однако надо сразу сказать – к христианству Марк Аврелий относился не просто отрицательно, но даже враждебно: при его правлении (и с его ведома) гонения христиан нарастали. Почему? Потому что образованный человек тех времен должен был преодолеть в себе огромное сопротивление, чтобы принять основные положения новой религии, полностью противоречившие античному образу мышления. Имеются в виду прежде всего таких понятия, как первородный грех и божественное спасение, евреи как богоизбранный народ и воскресение тела. Читатель «Размышлений» Марка Аврелия без труда поймет (хотя напрямую это там и не сказано), что император видел в христианах чуждую Риму секту, расширяющую свое влияние в основном среди низших слоев населения и выходцев с востока, враждебную римской традиции и исконным родным богам, действующую исподтишка и угрожающую существующему общественному порядку.

А раз уж речь зашла о семейных делах, следует здесь же напомнить о том, что отношение христиан той поры к этому вопросу было совсем иным, чем в наши дни. Не многодетность, а воздержание и даже бездетность считались нормой христианского благочестия – ведь все еще считалось, что вскоре наступит пришествие Господа, а значит и конец света. И ориентиром для верующих служили тогда слова святого Павла: «Женатые, живите так, как если бы у вас не было жен!» Большинству христиан нашего времени трудно понять эти ожидания, тревоги и надежды их братьев по вере I-II веков. Однако к счастью всего рода человеческого, в конце концов, возобладала позиция вовсе не св. Павла, а скорее все-таки Марка Аврелия.

Если считать количество детей показателем гармонии в

супружеских отношениях, союз Марка Аврелия с Фаустиной следовало бы считать очень удачным. Однако простое наблюдение за внутрисемейными отношениями с древних времен до наших дней позволяет сделать вывод, что нет никакой прямой связи между взаимными чувствами мужа и жены и количеством их детей. А есть ли иные данные, на основании которых можно было бы оценить отношения августейшей пары?

Можно сказать, что нам повезло, поскольку сохранились записи императора, что-то вроде его философского дневника, о котором здесь уже упоминалось. Этот широко известный труд носит название «Размышления» и переведен на многие языки. Сохранилась также, хотя бы частично, и переписка Марка Аврелия с Марком Фронтоном, который сначала был приставленным к нему Антонином Пием воспитателем, а впоследствии стал его другом. Благодаря этим двум источникам, а особенно первому из них, мы можем заглянуть прямо во внутренний мир правителя, в его образ мыслей и способ оценки людей и событий. Из всех знаменитых персон древнего мира нам столь же хорошо известны – изнутри, из собственных высказываний и оценок – до него – лишь Цицерон и после – император Юлиан Отступник и святой Августин.

Если вернуться к «Размышлениям», то там мы найдем лишь одно, притом очень короткое, высказывание по поводу Фаустины. А именно, в I книге император благодарит богов за все оказанные ими благодеяния в его жизни. А именно за то, что у него были хорошие родители, хороший дед, хорошая сестра, хорошие родственники и учителя – и так далее. Здесь же он перечисляет и то, что по милости богов дети его не лишены способностей и не отмечены никакими телесными изъянами. И наконец в конце этого длинного списка благодарностей включена также и такая: «И что жена у меня именно такая, какая есть: такая преданная, такая любящая, такая простая». Обычные, короткие слова – но какие содержательные и красивые. Написаны они были еще при жизни Фаустины, но могли бы служить и эпитафией, сложенной любящим мужем возлюбленной жене.

В переписке императора с Фронтоном имя Фаустины встречается часто, причем как в письмах Марка Аврелия, так и в письмах его адресата. Марк Аврелий пишет: «Фаустину сегодня лихорадило, во всяком случае, мне показалось, что я это почувствовал. Но, слава богам, она сама меня успокаивала, так послушно демонстрируя покорность». Или: «Каждый день поутру я молюсь богам за Фаустину». И наконец: «Приближается день, когда Фаустина должна родить. Мы должны верить в благосклонность богов». В свою очередь Фронтон пишет

императору: «Я видел твою дочь. Мне показалось, что я вижу сразу вас обоих – и тебя, и Фаустину. Столько доброты обоих ваших лиц в ней соединилось». И еще в другом месте: «Слышал я, госпожа твоя болеет. Пусть боги позаботятся о ее здоровье».

И опять – самые обычные слова, никакой витиеватости выражений, лишь искренняя забота о здоровье близкого человека, сердечные упоминания, какие и по сей день повторяются в переписке любящих друг друга супругов. Конечно, мы бы предпочли, чтобы сохранилась переписка императора с самой Фаустиной, их письма друг другу, как переписка короля Яна с Марысенькой. Однако, принимая во внимание пропасть времени, отделяющую нас от II века, мы и так должны быть благодарны судьбе за то, что сохранились хотя бы эти фрагменты.

Конечно, все это не означает, что муж и жена всегда и во всем были единодушны. Споры, как это бывает даже в самых удачных браках, могли случаться по поводу выбора мужей для их дочерей. Так вот, пять выживших дочерей от этого брака были выданы замуж за мужчин намного старше их – по крайней мере на 10-20 лет. Как уже говорилось, в те времена это было практически правилом, но здесь это была не просто дань традиции, а предельно последовательная династическая политика. Император хотел, чтобы его единственный сын Коммод, который был еще очень юн, став правителем, имел при себе круг зрелых и опытных людей, связанных с ним родственными узами. Точно так же он связал с собой Луция Вера, который правил совместно с ним после кончины Антонина Пия. В 164 г. Марк Аврелий выдал за него свою дочь Луциллу. Однако, когда спустя пять лет Луций Вер умер, в мужья Луцилле был выбран прекрасный военачальник Помпеян, который был старше нее на двадцать лет. Так вот, в этом случае обе женщины, и Фаустина, и Луцилла, пытались воспротивиться браку. Не устраивала их, похоже, не разница в возрасте, здесь дело было в их излишних амбициях: как можно было допустить, чтобы имеющая титул августы Луцилла стала женой человека более низкого достоинства!

Знаменательно, что Фаустина сопровождала мужа во многих его поездках и даже в военных походах. А вести войны императору приходилось, поскольку именно его правление – правление императора-философа! – не было столь же спокойным и безмятежным, как период правления его предшественника. На восточные провинции напали парфяне. Туда был послан Луций Вер, и его полководцы вытеснили врага. Мир с парфянами был заключен в 166 году, однако вернувшаяся армия принесла с собой в Рим заразу, которая в течение последующих лет долго еще опустошала почти все провинции империи. В это же время шли

тяжелые бои с племенами варваров – в основном, германскими, – которые пытались вторгнуться в границы империи в Европе, и прежде всего в районе среднего течения Дуная. В 169 г. варвары добрались аж до Аквилеи. Поскольку в начале этого года Луций Вер умер, император Марк Аврелий вынужден был сам отражать нападения врагов, которые в 170 г. прошли разрушительной волной по центральной Греции. Кроме того, вспыхивали восстания в Египте, а мавры из Африки вторглись в Испанию. Но в течение нескольких последовавших за этим лет император перешел к наступательным действиям: он перешел через Дунай и приступил к покорению земель, на которых ныне расположены Чехия и Словакия, а тогда жили германские племена маркоманов и квадов. Именно тогда, в 174 году, Фаустина вместе с маленьким Коммодом сопровождала его и получила титул mater castrorum – «мать лагерей».

Тем временем весной 175 г. наместник восточных провинций Авидий Кассий объявил себя императором. Позднее ходили слухи, что фактической виновницей узурпации власти была Фаустина. Якобы она боялась, что тяжело болевший тогда Марк Аврелий может умереть, что лишило бы трона и ее, но прежде всего – угрожало бы ее детям. Говорили, что она втайне подбивала Авидия Кассия на то, чтобы тот опередил ход событий и сам надел пурпурную тогу, а после смерти императора взял бы Фаустину в жены, что легализировало бы его претензии на власть. Эта сплетня по многим причинам кажется неправдоподобной – против нее набирается немало косвенных свидетельств. В том числе и то, что, получив сообщения о событиях на востоке, Марк Аврелий отправился туда вместе с женой. К счастью, до вооруженного столкновения не дошло, поскольку в июле узурпатор был убит одним из своих офицеров. Все документы его канцелярии были уничтожены – император даже не стал их просматривать, потому что не хотел знать, кто из его приближенных принимал участие в заговоре. Впрочем, и с теми, кто был в нем явно замешан, он обошелся очень мягко.

О Фаустине ходили и куда более мерзкие сплетни, по крайней мере о них упоминают некоторые источники. Поговаривали о том, что в известном приморском городке Кайета она выбирала себе любовников среди матросов и гладиаторов и что Коммод был плодом одной из этих связей. Была в ходу и еще более абсурдная сплетня: якобы однажды, увидев отряд гладиаторов, Фаустина возжаждала одного из них. Не сумев добиться своей цели, она пожаловалась мужу, и тот по совету астрологов нашел выход: гладиатора убили, Фаустина омылась его кровью и так отправилась к мужу – в результате был зачат

Коммод. Говорили, что были у нее любовники и из числа знатных граждан. Однажды император застал ее за завтраком с неким Тертуллом, и слух об этом распространился очень широко – это событие попало даже на театральные подмостки. Как говорят источники, императора повсеместно осуждали – за то, что он либо ни о чем и не подозревал, либо просто притворялся, что ни о чем не знает. А когда ему осмелились намекнуть на поведение жены и посоветовать с ней развестись, он ответил: «Это невозможно, потому что придется тогда вернуть ей приданое!» А приданым, разумеется, была империя.

Что же служило источником этой злобной, а порой до абсурда глупой клеветы? Все дело в том, что сын Марка Аврелия Коммод практически во всем оказался полной противоположностью своего отца. Ему нравилось проливать кровь, он любил бои гладиаторов, погряз в разврате. Общественное мнение не могло понять, как этот человек мог быть сыном такого прекрасного отца. На это можно ответить, что еще Сократ часто задавал вопрос: и как это так получается, что сыновья стольких прекрасных его современников – люди посредственные, а порой и полные ничтожества. Другим источником грязных сплетен о Фаустине была сознательная политика последующих императоров, стремившихся очернить память о своем великом предшественнике. А услужливые историки, как обычно это и бывает, фабриковали соответствующие материалы. Ведь людям так нравится верить всяким поклепам и наветам, тем более если они касаются высокопоставленных особ.

Зиму 175/176 г. императорская чета провела в Александрии Египетской. В следующем году на обратном пути в Рим Фаустина умерла в местечке Халала на побережье Малой Азии. Ей было чуть больше сорока лет. Марк Аврелий сильно горевал об этой утрате.

Место, где она умерла, он повысил до статуса колонии и назвал Фаустинополем. Здесь он построил храм в ее честь. Римский сенат по просьбе императора не жалел почестей для покойной. Фаустина была причислена к сонму богов. Серебряные статуи ее и Марка Аврелия были установлены в храме Венеры и Ромы. Был возведен алтарь, на который возлагали свои жертвы молодожены. В Рейнской области было найдено обручальное кольцо – три небольших медали, на средней из которых изображены две соединенных руки, а на боковых – портреты Марка Аврелия и Фаустины. На кольце имеется сокращенная латинская надпись, которую можно понять как девиз: будь всегда с ним единодушна! Считается, что это кольцо, которое невеста

получала во время принесения жертвы на этот алтарь в храме Венеры и Ромы. Каждый раз, когда император присутствовал в театре, в зал вносили золотую статую, изображавшую Фаустину сидящей на троне, и рядом с ней рассаживались самые достойные матроны. По образцу уже существовавших ранее учрежден был фонд имени Фаустины для опеки над девушками из бедных семей.

В «Размышлениях», хотя последние их книги были написаны уже после смерти Фаустины, мы не найдем никаких прямо выраженных проявлений горя и скорби. Нет здесь и никаких упоминаний о смерти кого-либо из их детей, хотя столько их умерло, и все они были так сильно любимы. Эта сдержанность, нежелание показать боль, подавление в себе любого проявления страдания предписывались суровыми римскими обычаями. И особенно – императору. Вместо этого в «Размышлениях» мы находим массу рассуждений о неизбежно ожидающей каждого смерти. И эти рассуждения тем грустнее, что в отличие от последователей многих языческих верований и от верующих христиан Марк Аврелий не верил в бессмертие души каждого покойника.

Марк Аврелий никогда больше не женился, хотя его бывшая невеста, Цейония Фабия, явно стремилась склонить его к браку. Он однако удовольствовался любовницей, не желая давать оставшимся в живых детям мачеху.

Луцилла

Atrnia Aurelia Galena Lucilla

Родилась 7 марта вероятнее всего 149 г.

Первая и единственная жена императора Луция Вера, который был соправителем Марка Аврелия в 161-169 гг.

Вышла за него замуж в 164 г.

Получила титул августы.

После смерти Луция Вера была выдана замуж за Клавдия Помпеяна. Примерно в 182 г. по приказу своего брата, императора Коммода, была приговорена сначала к изгнанию, а затем к смерти.

От брака с Луцием Вером имела дочь, от брака с Помпеянам – сына.

Марк Аврелий очень любил свою мать, Домицию Луциллу. О ней он неоднократно вспоминает в «Размышлениях», и всегда с огромным уважением. Именно ее пример заставлял его стремиться к тому, чтобы быть щедрым и благочестивым, стараться никого не обидеть даже в мыслях. Поэтому и к имени второй своей дочери он присоединил ее прозвище – Луцилла. Первая его дочь звалась по матери Фаустиной, но она умерла еще ребенком. Свою бабку Луцилла могла видеть лишь в самом раннем детстве – она умерла довольно рано, около 155 г.

После смерти Антонина Пия в 161 г. власть перешла к его приемным сыновьям – Марку Аврелию и Луцию Веру. Тогда же было решено, что для укрепления родственных связей между ними Луций Вер обручится с Луциллой, которой в тот момент было 12 или 13 лет. Торжественное событие отметили очень разумно – созданием нового фонда поддержки мальчиков и девочек из бедных семей, названного именами императоров. Вскоре после этого, весной 161 г., Вер выехал на восток, чтобы задержать наступление парфян. С этой задачей успешно справились его полководцы, так как сам Вер в основном проводил время в Сирии, предаваясь разнообразным утехам. Широко известна была его связь с девушкой по имени Пантея и с мальчиком Пергамоном. Поскольку дела могли выйти из-под контроля, а Луцилла тем временем подросла, достигнув необходимого для замужества возраста 15 лет, император Марк Аврелий решил отправить ее на восток, чтобы там и справить свадьбу.

Первоначально Марк Аврелий намеревался сам сопровождать дочь, однако потом отказался от этой идеи: причиной послужили ходившие по столице сплетни, что свадьба лишь предлог, а вообще- то император направляется на восток, чтобы лишить Вера

причитающейся ему славы за победоносную войну с парфянами! Поэтому император проводил дочь лишь до Брундизии, а далее ее сопровождала сестра Вера – Цейония Фабия. Девушка получила великолепное приданое, однако император предупредил наместников провинций, через которые должна была проезжать Луцилла, чтобы никаких официальных приветствий ей не устраивали. Этим он хотел подчеркнуть, что его дочь путешествует как частное лицо.

Луций Вер выехал навстречу невесте. Свадьба состоялась в Эфесе, приморском городе в Малой Азии. Луцилла получила мужа, который был старше ее почти на 20 лет. Он был высок, красив и светловолос (волосам его добавляли блеска, посыпая их золотой пудрой). По совету своей сирийской любовницы Луций Вер носил длинную бороду, однако серьезен он был только с виду и к своим обязанностям правителя относился весьма небрежно. Искренний интерес он проявлял лишь к азартным играм, зрелищам, охоте, пирам и роскоши.

В 166 г. после заключения мирного договора с парфянами Вер и Луцилла возвратились в Рим.

октября состоялся триумф обоих императоров в честь одержанной победы, отмеченный, как положено, гладиаторскими играми, а также выпуском монет с соответствующей символикой. В том же году, еще до наступления сентября, Луцилла родила своего первого ребенка – девочку, имя которой нам не известно. По этому поводу были выпущены монеты с надписью Junoni Lucinae – то есть посвященные покровительнице родов Юноне. Сохранилась также копия надписи, гласившей, что казначей коллегии городских сторожей выделил деньги на возведение этой богине алтаря во здравие обоих императоров и Луциллы.

Вскоре после этого возникла угроза нападения германских племен, и оба императора, а также, как можно предположить, и их супруги, отправились сначала в окрестности Аквилеи, а затем за Альпы, на берега Дуная. Возможно, что они покинули столицу (о чем Луций Вер очень сожалел) еще и по причине бушевавшей в городе эпидемии, привезенной вернувшимися с востока войсками. После отражения нападений варваров Луций Вер рвался поскорее вернуться в Рим. Оба императора отправились в путь на юг в конце 168 г. Они задержались на какое-то время в Аквилее, а в начале следующего года отправились дальше. Однако во время путешествия с Луцием Вером случился апоплексический удар.

Итак, едва достигнув 20 лет, Луцилла уже осталась вдовой. Как это обычно бывает в случае чьей- то внезапной смерти, о причинах и обстоятельствах кончины Вера поползли слухи – один

чуднее другого. Рассказывали, что этот распутник не постеснялся соблазнить даже собственную тещу, императрицу Фаустину, а когда признался в этом жене, был отравлен Фаустиной устрицами, сбрызнутыми ядом. Иные приписывали преступление самой Луцилле, которая якобы не могла стерпеть огромного влияния, которое оказывала на Вера его сестра Цейония Фабия. Еще одна сплетня гласила, что это Луций Вер с сестрой готовили покушение на Марка Аврелия, но их план был раскрыт и Фаустина успела опередить Вера. Или же, наконец, что это сделал сам Марк Аврелий, подав соправителю кусок мяса, отрезанный ножом, одна сторона которого была смазана ядом.

Каждый, кто не вчера на свет родился, прекрасно знает, какие мерзкие и абсурдные предположения высказываются еще и сегодня, спустя почти два тысячелетия, о подобных происшествиях в правящих кругах – об их преступлениях, злоупотреблениях, извращениях. Хорошо известно и то, с каким удовольствием люди слушают даже самую глупую клевету и пересказывают другим, добавляя всякие подробности. Хотя в древности в этом плане дело обстояло все-таки несколько проще – ведь тогда еще не было журналистов, которые кормятся прежде всего за счет подобных сенсаций. Зато были историки – а это еще опаснее, поскольку к излагаемым ими сведениям обычно относятся с куда большим доверием.

Вдовство Луциллы было очень непродолжительным. Император постановил выдать ее замуж, не дожидаясь даже окончания официального траура. В мужья дочери он выбрал опытного полководца Клавдия Помпеяна. Он был старше Луциллы более чем на 20 лет. Но не это стало причиной возражений против брака как со стороны самой Луциллы, так и со стороны ее матери. Дело было в том, что Луцилла уже имела титул августы, и подобное замужество дамы считали ниже своего достоинства. Однако император не принял во внимание их возражений. Родственный союз с человеком, к которому он испытывал огромное уважение, был ему особенно нужен в преддверии войны на берегах Дуная. Однако Марк Аврелий пошел на определенную уступку в отношении Луциллы, оставив ей титул и связанные с ним почести и привилегии – к примеру, право занимать место в императорской ложе.

После смерти Марка Аврелия в 180 г. (это скорее всего произошло в Виндобоне – современной Вене) власть перешла к его сыну Коммоду, который ни в чем не напоминал отца. Он сразу же отказался от только что завоеванных земель за Дунаем (то есть от территорий современных Чехии и Словакии). Трудно представить себе другое принятое одним человеком решение,

которое оказалось бы более чревато последствиями для империи, для Европы и для всего мира. Интересно, как сложилась бы дальнейшая история, если бы границы империи в течение более долгого времени простирались до Судет и Карпат? Об этом теперь можно только гадать. Коммод принял это решение вопреки мнению всех членов своего военного совета, в том числе и мужа Луциллы Помпеяна, – так уж ему торопилось насладиться комфортом и развлечениями столицы.

Сразу же после вступления Коммода во власть ярко проявились неприятные и даже опасные черты его характера: непредсказуемость, безответственность, жестокость, склонность ко всевозможным оргиям. А поскольку он так разительно отличался от своего отца, трудно удивляться тому, что очень скоро – уже в 182 г. – был раскрыт первый заговор сенаторов, целью которого было устранение Коммода. Источники единогласно свидетельствуют, что в организации заговора очень важную, а возможно даже и главную роль играла Луцилла. Утверждают, что именно она склонила к участию в заговоре и Помпеяна Квинциана, который вероятнее всего был сыном брата ее мужа й одновременно ее зятем, поскольку он был женат на ее дочери от брака с Луцием Вером. Поговаривали, что этот молодой человек жил не только с женой, но и с тещей – Луциллой. Среди заговорщиков был и сенатор Уммидий Квадрат – внук сестры Марка Аврелия.

Когда император направлялся в свою ложу в амфитеатре, в проходе Помпеян кинулся на Него то ли с кинжалом, то ли с мечом, крича при этом: «Вот что посылает тебе сенат!» Он ранил Коммода, но был тут же обезоружен. Все заговорщики за свои действия поплатились жизнью. Луцилла была сначала сослана на Капрею (Капри), а вскоре там же и была убита. Было ей тогда чуть больше тридцати лет.

Участие Луциллы в заговоре не подлежит сомнению, однако ее муж Помпеян избежал какого- либо наказания. Впрочем, он успел отойти от политической жизни, ссылаясь якобы на ухудшающееся зрение. Остался жив и сын Луциллы и Помпеяна Квинций, поскольку в следующем поколении появляется сенатор с таким именем. И это был один из последних пра- или праправнуков Марка Аврелия, о которых нам известно.

Остается все же еще один вопрос: что заставило Луциллу стать зачинщицей, а если и не зачинщицей, то по крайней мере участницей покушения на жизнь собственного брата? Возможно, ей снова руководили ненасытные амбиции и она надеялась, что в случае успеха императором станет ее зять. А может, она так жаждала смерти своего брата потому, что была слишком на него

похожа? Поговаривали также, что она смертельно ненавидела жену Коммода Криспину, завидуя ее положению императрицы и сопутствующим ему почестям, которые, как считала Луцилла, должны были принадлежать лишь ей одной. Ирония судьбы была такова, что этих женщин ждала смерть от руки одного и того же человека.

Криспина

Bruttia Crispina

Родилась чуть позже 160 г.

Первая и единственная жена императора Коммода, правившего в 180-192 гг.

Вышла замуж летом 178 г.

После 187 г. была приговорена императором к изгнанию, а затем к смерти.

Потомства не оставила.

Ее отцом был Гай Бруттий Презент, консул 153 г., наместник провинции Африки, причисленный императором Антонином Пием к патрициям, член жреческих коллегий божественного Адриана, божественного Антонина Пия, божественного Вера, один из полководцев в придунайских войнах. Даже этот неполный список его достижений показывает, насколько ответственно император Марк Аврелий подходил к выбору лиц, с которыми собирался вступить в родственные связи. Свою дочь Луциллу он выдал за опытного политика и успешного полководца Помпеяна, своего многолетнего товарища в придунайских войнах. С теми же критериями он подошел и к выбору дочери Бруттия в жены своему сыну.

Свое прозвище Криспина унаследовала от матери и бабки. В качестве любопытной подробности заметим, что бабка Криспины, как нам известно из одной сохранившейся надписи, отличалась исключительно длинным даже для своего времени именем: Laberia Marcia Hostilia Crispina Moecia Comelial В те времена, руководствуясь модой и отчасти снобизмом, римляне довольно часто усложняли свои имена, присоединяя к ним те или иные части имен родителей, дедов и даже прадедов. Следует заметить, что как Бруттии, так и Криспины происходили из южной Италии, из местности под названием Бруттиум. Семейство имело там крупную земельную собственность.

Брак молодых был заключен летом 178 г., то есть перед отправкой императора и отца Криспины в новый военный поход за Альпы. Молодожены были почти ровесниками: Коммоду было 17 лет, Криспине наверняка чуть меньше. Для того времени такая разница в возрасте была на редкость мала. Юная супруга сразу же получила титул августы.

Зная характер и склонности Коммода, можно себе представить, что супружеская жизнь вряд ли складывалась удачно. Когда Марк Аврелий умер и его сын почувствовал себя абсолютным властелином, взаимоотношения супругов стали еще

хуже, а после 182 г., то есть после покушения на жизнь Коммода, они испортились окончательно. В покушении была замешана сестра Коммода Луцилла, а одним из участников заговора был Уммидий Квадрат. Император приговорил Квадрата к смертной казни и обратил внимание на его любовницу Марцию. С тех пор она пользовалась особым вниманием императора и фактически была его женой. Разумеется, официально супружество Коммода и Криспины должно было считаться прямо-таки образцовым. О том же должен был свидетельствовать и сохранившийся медальон с надписью Concordia – Согласие и изображениями обоих августейших супругов.

Коммод, который позволял себе самые изощренные извращения, обвинил жену в прелюбодеянии. Она была сослана на Капрею (остров Капри), так же как ранее Луцилла, и, по всей вероятности, точно так же вскоре убита.

Когда это случилось? Вероятнее всего, лишь после 187 г., а возможно даже и в последний год правления Коммода, поскольку в 187 г. консулом был брат Криспины. Он наверняка не получил бы этой должности, если бы император к этому времени уже порвал с его сестрой.

Марция

Вероятнее всего, ее полное имя было Marcia Aurelia Ceionia Demetrias Была любовницей императора Коммода в 182-192 гг.

Приговорена его преемником к смертной казни и убита весной 193 г.

Марция никогда официально не была императрицей, да и не могла быть, так как она была вольноотпущенницей, то есть отец ее когда-то был рабом. В то время еще обращали внимание на столь серьезные различия в общественном положении, хотя уже в недалеком будущем многое изменилось. И все же Марция заслуживает того, чтобы занять место в галерее портретов императриц, и тому есть три важные причины. Во-первых, все источники явно указывают на то, что фактически она занимала рядом с Коммодом место жены, не имея, разумеется, титула августы и таких привилегий, как, например, факелоносцев или чеканки монет с ее изображением. Во-вторых, и это тоже засвидетельствовано источниками, в течение целых десяти лет она оказывала на императора серьезное влияние, сыграла важную роль в том, как сложилась в конце концов его судьба и повлияла на выбор его преемника. И наконец, в-третьих, через столетие после Домициллы она оказалась первой из занимавших столь высокое положение придворных дам, о ком наверняка известно – она не только благоволила христианам, но и оказывала им конкретную помощь. Некоторые прямо утверждают, что она сама была христианкой. В одном из греческих источников ее именуют theophiles pallake – «благочестивой любовницей».

Надпись, обнаруженная в италийском городе Анагния гласит, что городской совет и жители города постановили поставить статую достопочтенной госпоже Марции Аурелии Цейонии Деметри- ас, которая за свой счет восстановила городские бани и по случаю их открытия раздала членам совета по пять денариев, служащим – по два, гражданам – по одному, а также организовала всем щедрое угощение. В этом же городе сохранилась надпись почти такого же содержания в честь Марка Аврелия Сабиниана, освобожденного обоими императорами – Марком Аврелием и Луцием Вером. Речь, несомненно, идет об отце Марции.

В античном Риме немало вольноотпущенников приобрело огромные состояния, поскольку именно люди из низших слоев могли браться за любые доходные предприятия, пользуясь, к тому же, покровительством своих бывших влиятельных хозяев. Так что не стоит удивляться щедрости, проявленной отцом и дочерью по отношению к городу, к которому они чувствовали определенную

привязанность. Иной источник, на этот раз христианский, приводит информацию о том, что воспитателем Марции был некий Гиацинт – евнух-вольноотпущенник, возможно пресвитер римской церкви.

Марция была наложницей, любовницей, конкубиной, или как хотите назовите, молодого сенатора Уммидия Квадрата, вероятнее всего внука сестры Марка Аврелия. За участие в покушении на жизнь императора Уммидий заплатил жизнью, а Марция, которая приглянулась Коммоду, оказалась при его дворе. Возможно, при ее содействии там же оказался и другой императорский вольноотпущенник, бывший до этого спальником (камердинером?) Ум- мидия – некий Эклект, египтянин по происхождению, ставший впоследствии мужем Марции.

По мнению современников, Марция очаровала Коммода своей красотой и талантом гетеры. Она разумно пользовалась своим влиянием на него, хотя впоследствии, уже после падения Коммода, некоторые обвиняли ее в участии в его преступлениях. Во всяком случае лишь она, имея свободный доступ в императорские покои, в драматический момент опасного возмущения против Клеандра, имела смелость заставить Коммода выдать своего любимца и этим успокоить волнения. Хотя по иной версии это сделала не Марция, а сестра императора Фадилла.

Однако не подлежит никакому сомнению то, что Марция, даже если сама и не была христианкой, поддерживала новую религию. Известно, что тогдашний епископ Рима Виктор часто и свободно с ней общался. Он передал ей список христиан, осужденных на работы в шахтах Сардинии, и она добилась у императора их освобождения. Передавая этот список, Виктор сознательно не включил в него имя Каликста – будущего епископа Рима и святого, и сделал он это, вероятно, по причине личной неприязни. Однако Каликст все равно был освобожден – возможно, также не без помощи Марции. В этом месте стоит обратить внимание читателей на один парадоксальный факт. Именно при Коммоде, одном из самых кровавых императоров в римской истории, преследования христиан почти совершенно прекратились, тогда как во времена его отца, благородного философа Марка Аврелия, их преследовали беспощадно и жестоко. Как это можно объяснить? Марк Аврелий действовал как истинный римлянин, защищая традиции и извечные ценности, которым христианство якобы угрожало, тогда как Коммоду все это было совершенно безразлично.

Решающую роль Марция сыграла в падении Коммода. Непосредственным поводом к этому стала его идея отметить новый год 1 января в полном вооружении в казарме гладиаторов.

Марция в слезах умоляла его, упав к его ногам, не оскорблять гордости римлян в этот священный день, но добилась лишь того, что император тайно составил список тех, кого он намерен казнить в следующем году – и ее имя оказалось в нем на первом месте.

Совершенно случайно этот список, набросанный на табличках, взял в спальне императора один из его любимых мальчиков. И не менее случайно отобрала у него этот список проходившая по коридору Марция. Она думала, что таким образом спасает от потери или бессмысленного уничтожения какие-то государственные документы, но когда взглянула на таблички и увидела свое имя вместе с именами многих других близких ей людей, она тут же начала действовать. Марция показала список префекту преторианцев и Эклекту, а также тем, кому угрожала опасность. Было решено избавиться от императора немедленно. Отравленное вино подала Коммоду пользовавшаяся его полным доверием Марция. Император, уставший после длительных упражнений в фехтовании, тут же заснул, но вскоре проснулся, и рвота вывела весь яд из его организма. Перепуганные заговорщики призвали тогда придурковатого силача Нарцисса, который и задушил Коммода своими руками.

Возможно, что это драматическое повествование об убийстве императора – лишь литературная обработка фактов, поскольку древние охотно приукрашивали истории подобного рода, а границы между историей как наукой и литературой были в их понимании достаточно гибкими и не слишком существенными. Но есть и иная версия, переданная Кассием Дионом. Он ничего не говорит о случайно обнаруженных Марцией табличках, но признает за ней не менее важную в этих событиях роль – роль одной их троих соучастников заговора.

Все происходило не в императорском дворце на Палатине, а в другом – в так называемом доме Вектилиана, на Делийском холме. Как всегда в новогоднюю ночь царили шум и неразбериха, поэтому никто не заметил, что император слишком долго отсутствует. Думали, что он спит, опьяненный вином, как это нередко бывало. Поэтому заговорщикам удалось быстро вывезти тело убитого, а потом они сообща решили, кто должен стать новым властителем империи. Выбор пал на Пертинакса. Он в то время был городским префектом, в 192 г. он был консулом. 60-летний Пертинакс обладал немалым опытом полководца и администратора. Сам он был крайне поражен случившимся..Когда ночью в его дом прибыла делегация заговорщиков с известием о смерти Коммода и одновременно с просьбой стать императором и взять на себя управление страной, Пертинакс сначала был уверен

в том, что это солдаты, которым приказано убить его или же просто провокаторы.

Преторианцы и сенат приняли этот выбор. На заседании сената убитого осыпали всяческими оскорблениями и поливали грязью, и официально приговорили его к damnatio memoriae, то есть к забвению и полному уничтожению его имени во всех документах. До Коммода это уже случилось с императором Домицианом.

Но прозвучали и голоса, осудившие заговорщиков. Один из консулов прямо обвинил Пертинакса: «Нам уже понятно, каким ты будешь правителем, если за тобой стоят Лет и Марция, помощники Коммода в его преступлениях!» На что Пертинакс ответил: «Ты еще молод и не знаешь, что такое необходимость склоняться перед обстоятельствами. Им против воли пришлось повиноваться Коммоду. Но как только представилась возможность, они продемонстрировали, к чему всегда стремились!»

Но уже через три месяца после этого Пертинакс погиб – его убили взбунтовавшиеся преторианцы. Вместе с ним был убит сражавшийся среди защитников императора Эклект, который тогда уже был мужем Марции. Но и она ненадолго пережила его – следующий император Дидий Юлиан приговорил ее к смерти уже весной 193 г.

Тициана

Flavia Titiana

Жена (не известно, первая ли) императора Пертинакса, правившего с начала января до 28 марта 193 г.

Вышла замуж за Пертинакса около 175 г.

От этого брака имела сына и дочь.

Отцом Тицианы был Флавий Клавдиан Сульпициан из сенаторского сословия, человек, принадлежавший к древнему жреческому братству, которое носило название Fratres Arvales – Арвальские (или Сельские) Братья. Иначе говоря, он принадлежал к высшим аристократическим кругам тогдашнего римского общества. Муж ее, Гельвий Пертинакс, напротив, был сыном вольноотпущенника. Родился он, правда, в Италии, хотя и вдали от столицы – в Северных Апеннинах, в небогатой семье. В молодости он работал учителем, но из-за слишком скудного вознаграждения выбрал службу в армии. Благодаря незаурядным способностям и энергичности он быстро продвигался по службе, как в армии, так и в администрации. Пертинакс служил на высоких должностях в разных провинциях империи. В 175 г. был консулом. Были у него и влиятельные покровители, среди них был даже муж Луциллы, дочери императора Марка Аврелия.

Совершенно очевидно, что сын вольноотпущенника мог жениться на дочери аристократа лишь в том случае, если сам уже пробился в элиту правящих кругов, то есть не ранее 170 г. Поскольку родился он в 144 г., то даже если Тициана выходила замуж в возрасте 20 лет, что в те времена для невесты было очень много, разница между ними составляла не менее 25 лет. А это даже для тех времен было немало.

Если уж отец Тицианы решил выдать свою дочь за сына вольноотпущенника, даже занимавшего высокие должности и владевшего значительным состоянием, значит, у него были для этого веские причины. Может быть, Тициана была не слишком красива? Или ее приданое было скромным? Или же он поступил так под влиянием высокопоставленных покровителей Пертинакса? Во всяком случае, Тициана наверняка чувствовала себя в какой- то мере униженной таким браком.

Тициана подарила мужу сына и дочь. В 193 г., когда Пертинакс стал императором, сын его был еще мальчиком, изучавшим основы наук – значит, он родился не ранее 180 г. И это дополнительный аргумент в пользу предположения, что брак был заключен не ранее 170 г.

В тот же день, а вернее, в ту же ночь с 31 декабря на 1 января

193 г., когда Пертинакс был провозглашен императором, сенат принял постановление о присвоении его супруге титула августы, а сыну – титула цезаря. Однако Пертинакс решительно отверг привилегии, пожалованные его близким. Современник описываемых событий историк Кассий Дион предполагает, что для этого отказа могло быть две причины: возможно, Пертинакс считал, что его власть еще недостаточно укрепилась, или же он просто не хотел позорить титул августы, поскольку жена его не отличалась примерным поведением.

По мнению «Авторов истории Августов» (Scriptores Historiae Augustae) Пертинакса мало интересовало как общественное мнение по поводу его жены, так и то, что у нее был любовник – певец-кифарист. Впрочем, он и сам был не без греха и вряд ли мог являться наилучшим примером, поскольку совершенно не скрывал своих отношений с дочерью Марка Аврелия Корнificией. Однако с другой стороны, когда он обедал дома в узком кругу, за стол садились он, Тициана и его бывший коллега – учитель. Так что, вероятно, можно сказать, что, в сущности, это был современный брак, в котором царили взаимопонимание и снисходительность.

Если говорить о титуле августы, то документы свидетельствуют: в некоторых провинциях воля правителя не была исполнена, или же информация о его отказе от титула для жены дошла до них слишком поздно. В современном Мече, который в римские времена именовался Диводурум, на прекрасно украшенном алтаре, возведенном на пожертвования Океануса – чиновника, надзиравшего за торговлей и распределением зерна, сохранилась надпись с пожеланием благополучия императору Пертинаксу и августе Тициане. В Александрии Египетской чеканились также монеты с ее титулом. А 6 марта наместник Египта направил письмо жителям Александрии и чиновникам округов провинции: «У нас новый император!» В этом письме упоминаются также и августа Тициана, и ее сын-цезарь, и здесь же говорится о том, что на празднование этого события отводится 15 дней.

До Верхнего Египта это письмо должно было добраться в конце марта, и праздновать приход Пертинакса к власти там начали тогда, когда его уже не было в живых. Он погиб 28 марта в своем дворце на Палатине от рук взбунтовавшихся преторианцев. Первой, кто вбежал в его покои с криком о том, что бунтовщики уже поднимаются на холм, была Тициана. В следующее мгновение ее супруг, оставленный всеми приближёнными, но, несмотря на это, мужественно пытавшийся противостоять вооруженной толпе и даже остановить мятежников речью, пал от

удара меча. Его отрубленную голову насадили на копье и с триумфом носили по всему городу.

Тициана, однако, осталась в живых. Она нашла голову мужа и похоронила ее вместе с останками тела в гробнице своего деда. Достойное погребение предшественника организовал его преемник, Дидий Юлиан, а впоследствии император Север устроил Пертинаксу торжественные похороны. Пертинакс был причислен к богам, а его сын был назначен членом жреческой коллегии зачисленного в сонм богов отца. Во всех этих торжествах еще участвовала и Тициана. Возможно, однако, что к своему счастью она не дожила до 212 г., когда ее сын был убит по приказу императора Каракаллы.

Скантилла

Manlia Scantilla

Жена (скорее всего, первая) императора Дидня Юлиана, правившего с 28 марта до 1 июня 193 г.

Сенат присвоил ей и ее дочери титулы август, которых они были лишены в день смерти мужа.

Возможно ли, что именно Скантилла и ее дочь убедили колебавшегося Дидия Юлиана вступить в борьбу за пурпурную императорскую мантию, когда по городу разнеслась весть об убийстве Пертинакса взбунтовавшимися преторианцами? Собственно, это была даже не борьба, а обычный торг: кто даст больше золота солдатам императорской гвардии – Дидий Юлиан или префект Флавий Сульпициан. И выиграл его, к несчастью своему и обеих своих женщин, именно Дидий. Впрочем, у него были и иные существенные преимущества перед конкурентом: ему было уже 60 лет, и за плечами у него была прекрасная карьера полководца, наместника различных провинций, консула 175 г.

Итак, по мнению одних, в решении Дидия повинны были жена и дочь, иные же считали, что как раз они перебирались в императорский дворец с чувством тревоги и беспокойства, как будто предполагая, что их ожидает.

Сенат тут же признал за ними титулы август, а предусмотрительный Дидий официально эмансипировал свою дочь Дидию Клару и передал ей часть своего состояния. Ее мужа, Корнелия Репен- тина, он назначил городским префектом. Однако новый правитель с самого начала был встречен настороженно как сенатом, так и народом. И это неблагоприятное отношение к нему продолжало усиливаться по мере того, как уже в апреле начали приходить сообщения о бунте придунайских легионов. Они провозгласили императором своего полководца Севера и двинулись из-за Альп маршем на Рим, нигде не встречая сопротивления.

июня сенат лишил власти Дидия, а у его жены и дочери отобрал титулы август. Император, оставленный почти всеми своими приближенными, был убит во дворце. У его дочери конфисковали имущество. Позднее тело Дидия было отдано вдове и дочери, которые похоронили его в гробнице прадеда, у пятого мильного камня по Лабиканской дороге.

Юлия Домна

Iulia Domna

Вторая и последняя жена императора Септимия Севера, правившего в 193-211 гг.

Родилась до 170 г. Вышла замуж за Севера между 185 и 187 гг.

Титул августы получила в 193 г.

Умерла в 217 г., покончив жизнь самоубийством.

Была причислена к сонму богов как Diva Iulia Domna.

В браке с Септимие Севером родила двух сыновей.

Родным городом Юлии Домны была сирийская Эмесса (ныне Хомс) на реке Оронт. Ее прозвище Домна латинского происхождения, это деформированный перевод арамейского имени Марта, что означает госпожа. У нее была сестра по имени Юлия Меза. Их отец, Юлий Бассиан, был потомственным жрецом местного бога Элагабала, что в восточных языках означало «Хозяин горы». Жертвоприношения ему приносились не у статуи бога, а у черного конусовидного камня. Говорили, что этот камень когда-то упал с неба, так что это наверняка был метеорит. Вследствие похожего звучания имени бога греки отождествляли Элагабала со своим богом солнца Гелиосом, поэтому позднее и стали говорить о Гелиогабале. В культе рядом с ним часто присутствовали богини Юнона Небесная, а также Афина (тоже Небесная) и Афродита, то есть троица, как это часто бывает в восточных религиях.

Юлий Бассиан, как указывает его имя, имел римское гражданство, а его высокая и очень прибыльная жреческая должность говорит о том, что он принадлежал к местной аристократии. Таким образом, Юлия Домна происходила из сирийской, но уже эллинизированной семьи, гордившейся римским гражданством, но сохранившей верность своим старым богам и местным культам. Это была ситуация, типичная для высших аристократических кругов местного населения практически всех провинций Римской империи, где встречались и причудливо переплетались разные народы, языки и религии. Римская империя была настоящим плавильным котлом, сплавлявшим воедино различные этнические и культурные элементы, чем-то напоминающая современные Соединенные Штаты, и чем в ближайшее время может стать Европейский Союз, который по сути своей является возвратом к идее «римского мира» – Pax Romana – повсеместного мира в пределах одного государства, спустя 15 веков националистического безумия и религиозных войн.

Но и будущий муж Юлии Домны, Септимий Север, являл собой пример интеграции различных наций огромного государства. Семья его отца принадлежала к местной аристократии ливийского города Лептус Магна (руины этого города до сих пор производят огромное впечатление) и явно имела пунические – то есть семитские корни. Семья матери была из Италии. Септимий Север, пройдя обучение в области права, благодаря богатству и семейным связям (двое его близких родственников уже были сенаторами) быстро продвигался вверх по служебной лестнице. Отметим лишь основные этапы его карьеры: квестор, наместник провинции Африки, претор, верховный судья в одном из регионов Испании. Начиная с 182 г. он командовал Четвертым «скифским» легионом, размещенным в Сирии. Здесь он несомненно и познакомился с совсем юной в то время Юлией Домной. Видимо, чем-то она ему запомнилась, поскольку через несколько лет, пребывая в совсем другой стране, он выбрал себе в жены именно ее. Но тогда, когда они встретились впервые, Септимий Север был уже женат. Вероятно, Паккия Марциана (так звали его первую жену) подарила ему двух дочерей, но нам о них ничего не известно, а сама Марциана вскоре умерла. Муж, однако, не забыл ее, о чем свидетельствует надпись в ее честь, выполненная по заказу четырех городов одной из африканских провинций.

В 185 г. Септимий Север, после пребывания в Афинах, где он проходил обучение, стал наместником Лугдунской Галлии со столицей в Лугдуне (нынешний Лион). И уже здесь, недавно овдовев, он через своих друзей занялся организацией своего следующего брака – с девушкой, встреченной им несколько лет назад в Сирии. В 187 г. он женился на Юлии Домне.

Нет ничего удивительного в том, что его современникам было непонятно, зачем это наместнику Галлии понадобилось жениться на девушке из столь далеких краев. Как будто нет подходящих невест ни в самой Галлии, ни в Италии, ни, наконец, в родной Ливии?! И из-за этого возникла совершенно фантастическая история, которая, однако, вполне типична для иллюстрации верований тех времен. Дело в том, что в те времена астрология практически была чем-то вроде религии. Так вот, пошли слухи, что, овдовев, Север стал срочно искать себе новую достойную жену. А достойную – это значит такую, у которой был бы удачный гороскоп, соответствующий его стремлениям и амбициям. Узнав, что именно в Сирии живет девушка, которой звезды предсказали, что она выйдет замуж за правителя, Север с помощью хороших друзей постарался получить ее себе в жены.

Однако более правдоподобной здесь выглядит романтическая

причина – а именно то, что красота Юлии Домны произвела на Севера неизгладимое впечатление и девушка крепко запала ему в сердце. К сожалению, нам трудно сказать, была ли она такой уж поразительной красавицей. На монетах ее лицо, так же как и лица других императриц, представлено в профиль. Мы видим крупный, типично восточный нос, большие глаза, маленький рот, красиво уложенные волосы. Единственное живописное изображение сохранилось в Египте. Картина написана на деревянном основании и представляет все семейство Септимия Севера в фас. И хотя портрет ничем не отличается от типичных для своего времени изображений, стоит признать, что лицо Юлии Домны на нем производит сильное впечатление. Кстати, если уж речь зашла об этом, стоит заметить – как же ущербны наши знания об античном мире, если практически бесследно исчезли две такие важные области культуры того времени, как живопись и музыка!

И еще об одном следует напомнить относительно женитьбы Септимия Севера: нет никаких сомнений в том, что приданое дочери верховного жреца из Эмессы было очень богатым.

Юлия Домна, которой в то время было около 15 лет, выходила замуж за сорокалетнего вдовца, красивого и представительного, седеющего или уже поседевшего, с длинной бородой, громким и звучным голосом. Север хорошо знал греческую и римскую литературу, но самым главным для него, как для настоящего римлянина, был его долг перед отечеством. Она же была девушкой очень умной, с разнообразными интересами, в чем впоследствии мы сможем убедиться.

В 186 или 187 г. в Лугдуне появился на свет их первенец, которого назвали Луций Септимий Бассиан, дав ему прозвище деда со стороны матери. Однако в историю он вошел как Каракалла – так назывался любимый им галльский плащ с капюшоном. Второй сын родился в 189 г., и ему дали прозвище Гета – такое же, какое носил его дядя по отцу.

Тем временем Септимий Север продолжал делать карьеру. В 189 г. он стал наместником Сицилии, в следующем – консулом, в 191 г. – наместником Верхней Паннонии, занимавшей часть современных Австрии, Хорватии и Венгрии. Именно здесь в апреле 193 г., получив известие об убийстве в Риме Пертинакса и о выкупе власти от преторианцев Дидием Юлианом, легионеры в военном лагере в Карнунте провозгласили императором своего полководца Септимия Севера. 1 июня сенат признал его законным правителем, а 9 июня состоялся триумфальный въезд нового императора в столицу. Разумеется, Юлия Домна незамедлительно получила титул августы.

Пожалуй, ни одна римская императрица не получала такого

количества почетных званий, и наверняка ни одной из них не посвящалось столько статуй и алтарей с такими прекрасными надписями во всех уголках империи. Это свидетельствует прежде всего о том, с каким уважением относился к ней сам супруг и как он велел уважать ее другим.

Уже в 195 г. она получила титул mater castrorum («мать лагерей») – такой же, каким за четверть века до этого Марк Аврелий наградил свою жену Фаустину Младшую. Эта преемственность титулатуры имеет свое глубокое обоснование. Дело в том, что именно в это время Септимий Север оформил свое официальное усыновление родом Марка Аврелия, то есть стал сыном божественного Марка Аврелия. И хотя нам это может показаться странным чудачеством, в таком поступке был заложен серьезный смысл. Северу важно было подчеркнуть, что его правление является законным продолжением правления доброго и мудрого Марка Аврелия, а жена его – вторая Фаустина Младшая.

У этой правовой фикции было однако одно неожиданное последствие: пришлось аннулировать осуждение такой позорящей род фигуры, какой был Коммод. Нельзя же, в конце концов, было допустить, чтобы у приемного сына Марка Аврелия братом был человек, приговоренный к забвению! Поэтому сенат не только отозвал свое решение, принятое за 2 года до этого, но даже причислил Коммода к сонму богов.

Когда Север сделал своего старшего сына Каракаллу цезарем, тут же у Юлии Домны появился следующий титул – mater Caesaris, позднее же, когда Каракалла стал августом, а младший – Гета – цезарем, – mater Augusti et Caesaris. С 209 г., когда оба брата стали августами, появляется титул mater Augustorum. И наконец, с 211 г. Юлию Домну почитают как mater castrorum et senatus et patriae – то есть «мать лагерей, сената и отчизны».

На монетах ее изображение, а иногда вместе с ее мужем, часто чеканилось вместе с соответствующей символикой и с надписями, прославляющими «Счастье нашего века», «Общественную безопасность», «Благополучие», «Плодородие», «Скромность», «Согласие».

Этому последнему символу придавалось особое значение: наблюдалось явное стремление представить императорскую семью как идеал гармонии, как между супругами, так и между детьми и родителями. Нам, знающим дальнейший ход событий, воспевание в надписях и на монетах Согласия именно в этой семье кажется особенно трагичным. Могла ли Юлия Домна предвидеть весь ужас того, что случится в будущем с ней и ее близкими, глядя на изображенные на монетах сценки: она сама,

сидя, кормит маленького Гету, а рядом с ними стоит мальчик Каракалла, и надпись рядом гласит Fecunditas – «Плодородие»? А на арке, воздвигнутой на родине Севера, в городе Лептис Магна, сохранился барельеф, изображающий императора и Каракаллу, протягивающих друг другу руки, а боги и Юлия Домна с маленьким Гетой наблюдают за ними.

Юлия Домна сопровождала мужа почти во всех его походах и путешествиях. В 195 г. она вместе с Севером отправилась на Восток. Через два года она принимала участие, по крайней мере, в первой фазе его похода против парфян. Затем императорская пара побывала в Сирии, а затем по следам Цезаря и Клеопатры, а также Адриана и Сабины посетила достопримечательности Египта, проехав от Александрии до Фив, и возвратилась в Рим через Сирию и Малую Азию. Это был 202 г.

В том же году их первенец Каракалла женился на Плавтилле, дочери префекта преторианцев Плавция (Plautian)- самого влиятельного человека после императора. Если верить слухам, он был смертельным врагом Юлии Домны, очернял ее перед супругом, вел себя по отношению к ней высокомерно. Плавций вел против нее расследования, пытался собрать компрометирующие доказательства, не чураясь пытками выбивать показания даже у приближенных к ней дам. Именно поэтому, как, по крайней мере, утверждает свидетель этих событий сенатор Кассий Дион, Юлия Домна обратилась к философии и охотнее всего проводила время с софистами – так в ту пору называли людей, которых сегодня назвали бы интеллектуалами.

Трудно, однако, представить, что императрица пассивно наблюдала за предпринимавшимися против нее действиями. Возможно, именно она подстрекала сына к выступлению против тестя. А Каракалла был человеком импульсивным, подозрительным и просто необузданным. В этой тихой, но беспощадной войне обе стороны не пренебрегали никакими приемами и клеветой. Плавций представлял собой легкую мишень, поскольку, будучи полностью уверен в прочности своего положения, злоупотреблял своей властью, а возможно и совершал преступления. Он считал себя почти равным императору, о чем свидетельствуют некоторые сохранившиеся до наших дней надписи – а когда-то их должно было быть великое множество, но после его упадка большая их часть была уничтожена либо из них было вымарано его имя.

Итак, Юлия Домна, так же как и ее августейшие предшественницы, стала предметом самых грязных сплетен. Поговаривали, что она изменяет мужу, который, как некогда Марк Аврелий, великодушно притворяется, что ни о чем не знает.

Ее даже обвиняли в участии в заговоре против императора. Ходили слухи и о том, что Каракалла – вовсе не ее сын, а родился он от первой жены Септимия, она же, будучи ему мачехой, вступила с ним в любовную связь. Все эти абсурдные домыслы, наверняка сфабрикованные и пущенные в ход сторонниками Плавция, находили своих слушателей, так что следы их остались и в более поздних трудах древних историков.

Эта война при дворе – или, как сегодня сказали бы, «в верхах» – имела, по крайней мере, одно косвенное последствие, очень интересное в особенности для культурологов. Среди софистов, общавшихся в то время с Юлией Домной, оказался и Флавий Филострат. До наших дней дошли его письма, литературные эссе и жизнеописания софистов, а также интересное произведение необычного содержания, созданное по инициативе императрицы, – биография Аполлония Тианского. Этот мудрец I в., бродячий проповедник, якобы даже чудотворец, был (как утверждают некоторые рассказы) живым взят на небо. Юлия Домна уговорила Филострата заняться этой темой, предоставив ему материалы, якобы собранные учеником Аполлония. Труд этот занял много лет, поэтому закончил его Филострат и опубликовал лишь после смерти Юлии Домны. Книга была встречена с большим интересом, ее охотно читали, и она даже сыграла определенную роль в споре между христианами и почитателями традиционных богов, поскольку в Аполлонии видели языческий аналог Христа.

В связи с этим возникает вопрос, немаловажный для оценки личности и взглядов Юлии Домны: стремилась ли дочь жреца языческого бога таким образом помочь антихристианской пропаганде? Намеревалась ли она напомнить своим современникам о том, что рассказы о всяческих чудесах, миссионерских путешествиях, призывы к благодетельной безгрешной жизни не являются привилегией одной лишь религии? А может быть, она просто хотела побольше узнать о жившем в Тиане – так близко от ее родной Сирии – человеке, о котором она много слышала?

Эти вопросы, конечно, останутся безответными. Точно так же как не узнаем мы сейчас и отношения Юлии Домны к новой религии. Известно, что в начале своего правления Септимий Север относился к христианам равнодушно, а иногда даже и сочувственно. Но после 202 г. отношение это резко изменилось, и начались гонения. Трудно себе представить, чтобы императрица ничего об этом не знала. Вероятнее всего, Септимий Север хотел своими действиями подчеркнуть связь проводимой им политики с политикой своего великого предшественника Марка Аврелия и выступить в роли хранителя староримских традиций и защитника

веры отцов.

В 203 г. для увековечения побед Севера и его сыновей сенат постановил воздвигнуть на Римском Форуме триумфальную арку, которая и ныне не утратила своего великолепия. В том же году императорская чета вместе с обоими сыновьями, невесткой и Плавцием отправилась ненадолго в Ливию. В следующем 204 г. на так называемом Форуме Боариум в Риме была воздвигнута небольшая, но красивая арка в честь всей императорской семьи – построили ее на деньги банкиров и торговцев этого района. На одном из барельефов арки представлены Септимий Север с Юлией Домной, совершающие жертвоприношение, а на другом Каракалла – один, потому что вторая фигура, изображавшая Плавтиллу, вскоре была уничтожена.

Возведение этой арки несомненно было частью великолепных торжеств, проходивших в этом году, – так называемого праздника столетия Ludi saeculares. По традиции его праздновали раз в 110 лет, поскольку считалось, что это максимальный возраст, которого может достичь человеческая жизнь, иначе говоря, никто из смертных не может участвовать в этом празднике дважды. Самые пышные празднества состоялись во времена правления императора Августа, за 220 лет до этого. В тех, которые проходили в 204 г., немалую и очень почетную роль играла императрица Юлия Домна, стоявшая во главе приближенных к ней благородных матрон.

Тем временем Каракалла, наверняка не без ведома и молчаливого согласия матери, пытался избавиться от своего тестя Плавция. До нас дошли два описания последней, самой драматичной сцены этой схватки. Различаются они лишь в деталях, но суть того, что произошло 22 января 205 г. в императорском дворце, одна, и это сомнению не подлежит. Плавций был приглашен на аудиенцию к императору. Войти он был вынужден один. И тогда в присутствии отца Каракалла обвинил его в подготовке государственного переворота. Префекту не дали даже слова сказать в свою защиту. Каракалла тут же сорвал с него плащ и, указывая на надетый под ним панцирь, закричал, что вот оно – доказательство преступных помыслов Плавция. Императорская стража убила его на месте. После чего Каракалла своей рукой вырвал из бороды префекта клок волос и с триумфом ворвался в комнату, где находились Юлия Домна и дочь убитого Плавцилла. Потрясая выдранными волосами, Каракалла вскричал: «Вот он, ваш Плавций!» Что, как добавляет Кассий Дион, вызвало радость одной и ужас другой женщины.

Ближайших родственников Плавция – его сына и дочь Плавциллу – сослали, по одним источникам – на Сицилию, по

другим – на один из Липарских островов.

Смерть всесильного префекта имела неожиданное и роковое для императорской семьи последствие: незамедлительно обнаружились скрывавшиеся до того недоброжелательность, враждебность и даже ненависть между братьями Каракаллой и Гетой. Мать, похоже, больше любила младшего сына.

Несмотря на всю эту внутреннюю напряженность, в 208 г. вся семья отправилась в Британию, которой все еще угрожали набеги племен из горных областей нынешней Шотландии. Они пробыли там три года – до 211, то есть до смерти Септимия Севера, все сильнее страдавшего от приступов подагры. Юлия Домна была второй после Сабины римской императрицей, посетившей этот остров, и первой, которая пробыла на нем так долго. Как она переносила эти холодные зимы, дожди и туманы, как воспринимала яркую зелень полей и тьму дремучих лесов – она, женщина родом из Средиземноморья, привычная к мягкому климату и совершенно иной растительности?

Императрицу удивила свобода нравов, царившая среди британских женщин, и она сделала замечание по этому поводу одной из заложниц, на что та ей ответила: «Мы куда честнее вас, римлянок. Мы просто открыто делаем то, что естественно, выбирая себе лучших, а вы позволяете худшим тайком соблазнять вас!»

Высказывание это наверняка выдумано, но весьма показательно и разумно.

Император умер 4 февраля 211 г. в своей резиденции в городе Эбуракум (сегодняшнем Йорке). Ему было 65 лет, 18 из них он правил империей, а с Юлией Домной прожил в браке больше четверти века. Ей в момент смерти мужа наверняка было уже более сорока лет. Она присутствовала при смерти мужа вместе с младшим сыном Гетой. Старший, Каракалла, в это время командовал войском. В последних своих словах умирающий просил сыновей жить в согласии и хорошо платить солдатам, а всем остальным и всеми остальными они могут пренебречь.

Прах императора с почестями доставили в Рим. Сопровождали прах вдова и сыновья покойного. По дороге везде их приветствовали с надлежащими почестями и выражениями траура. Возводились памятники и алтари, возносились молитвы богам за благополучное возвращение обоих сыновей и Юлии Домны – матери августов и военных лагерей, как ее официально именовали. Урну с прахом императора поместили в мавзолей Адриана.

Каракалла и Гета оказались верны всем заветам отца, за исключением первого. Их взаимная ненависть перешла в

открытую фазу и угрожала интересам государства: двоевластие долго длиться не могло. Поэтому возник проект территориального разделения империи. Восточные провинции и Африку взял бы в управление Гета, а все западные провинции вместе с Римом – Каракалла. Однако Юлия Домна очень эмоционально воспротивилась такому решению, со слезами вопрошая, каким же образом они собираются делить мать?

Но все ее старания, все мольбы, все уговоры примириться оказались тщетными. Каракалла готовил окончательную развязку. В конце 211 г. или в начале 212 г. он упросил мать выступить посредницей при разговоре его с Гетой. Оба они пришли в ее покои без оружия. Но как только появился Гета, на него с мечами бросились несколько офицеров. Сын искал спасения у матери, и в ее объятиях и был убит. Кровь из его ран залила ей все платье. И сама Юлия Домна была ранена в руку.

Каракалла заявил, что это он должен был быть жертвой заговора, втайне подготовленного его братом. Тут же началась резня всех, кого только можно было заподозрить в симпатиях к Гете. Среди жертв оказалась и последняя из оставшихся в живых дочерей Марка Аврелия, Корнифиция, которая осмелилась посетить Юлию Домну и выразить соболезнования по поводу смерти сына, нарушив суровый запрет каким-либо образом демонстрировать траур, который в том числе касался и матери.

Ничего удивительного, что после этой страшной трагедии Юлия Домна пыталась отойти от политической жизни и снова углубиться в литературу и философию. Но ей это не совсем удалось.

Весной 214 г. Каракалла двинулся на восток. Он намеревался, отправившись по следам Александра Македонского, добиться великих побед. Матери пришлось сопровождать его в этом походе. В Малую Азию они отправились через балканские провинции. Зиму провели в Никомедии. Юлия Домна пыталась противостоять кровавым стремлениям сына, его безрассудствам и расточительности. Но разумные советы не приносили никаких результатов. Однако она была окружена почетом и получала всяческие почести. Именно ей доверил Каракалла в этом походе контроль за греческой и латинской перепиской, за исключением вопросов особой важности, и в письмах к сенату всегда упоминал о ней с величайшим уважением. Юлия Домна участвовала во всех торжествах наравне с императором. Затем они отправились в Сирию. Возможно, что мать сопровождала сына и в его путешествии по Египту.

Когда в 217 г. Каракалла двинулся в поход против парфян, Юлия Домна осталась в Антиохии. Здесь в апреле она и получила

известие о том, что ее сын был убит, а императором провозглашен Макриний, префект преторианцев.

Реакция Юлии Домны была импульсивной. Она попыталась покончить жизнь самоубийством, но лишь нанесла себе тяжелую рану в грудь. Как утверждает Кассий Дион, она сделала это не от горя, причиненного смертью сына, которого она ненавидела, но от отчаяния, что лишится всех почестей и привилегий, став частным лицом. Успокоило ее лишь письмо Макриния, который заверял ее в том, что она сможет и дальше пользоваться всеми правами, соответствующими ее положению, в том числе и личной охраной. Отблагодарила она его тем, что начала подбивать воинов выступить против нового императора. Но поскольку все ее попытки оказались бесплодны, она решила совершить самоубийство, уморив себя голодом. В сущности, однако, ее смерть и так была неизбежна: она страдала от рака груди, который стал бурно прогрессировать после того, как она сама себя ранила. Прах ее впоследствии был помещен в мавзолее Адриана. В том же году сенат причислил Юлию Домну к сонму богов.

Плавцилла

Publia Fulvia Plautilla

Первая и единственная жена императора Каракаллы, правившего вместе с отцом в 197-211 гг. и единолично в 211-217 гг.

Родилась до 190 г.

Вышла замуж за Каракаялу в 202 г., в том же году получила титул августы.

Была сослана в 205 г. Убита по приказу Каракаллы в 211 г.

Плавцилла была дочерью Гая Флавия Плавциана (Plautianus). Этот земляк и друг Септимия Севера был назначен императором на должность префекта преторианцев и стал самым влиятельным после правителя человеком в государстве. Плавций был человеком, обладавшим огромными богатствами и не меньшим тщеславием, его обвиняли во множестве различных злоупотреблений и даже в преступлениях. Когда император искал жену для своего старшего сына Каракаллы, он уделил внимание кандидаткам из самых знатных семейств, остановив свой выбор, разумеется, на Плавцилле. После короткого периода обручения в апреле 202 г. был заключен брак. Свадьбу справили с неслыханной пышностью, тем более что она совпала по времени с десятилетием правления Септимия Севера.

Свидетель и участник торжеств, Кассий Дион, рассказывает, что Плавций дал своей дочери такое приданое, которого с избытком хватило бы для пятидесяти принцесс. «Мы все видели это приданое, когда его несли по Форуму во дворец.

Участвовали мы и в свадебном пире, который был организован наполовину по-царски, а наполовину – по-варварски. На стол подавали жаркое из мяса всех известных животных, но кроме этого еще и сырое мясо. Состоялись и разнообразные зрелища по случаю возвращения Севера и десятилетия его правления».

Плавцилла, 25-летняя жена не намного старшего, чем она Каракаллы, имевшего уже титул августа, то есть формально являвшегося соправителем своего отца, также, разумеется, получила этот титул и все связанные с ним привилегии. В числе этих привилегий было и право чеканки монет с ее изображением. Обращает на себя внимание факт, что чеканилось их очень много, особенно в греческих городах восточных провинций. Это тем более поразительно, что правление Плавциллы, разумеется, лишь формальное, продолжалось всего три года. Так что это сравнительно большое количество выпусков монет было, скорее

всего результатом услужливости и подхалимажа городов, желавших понравиться влиятельному вельможе, тем более что сам Плавций не имел права помещать на монетах свое изображение – это была привилегия лишь тех членов императорской семьи, которые имели соответствующие титулы.

Латинские серии монет с изображением Плавциллы были не так многочисленны, но они особенно интересны своими надписями и символикой: Согласие августов, Счастливое согласие, Радость, Диана Лучезарная, Венера Счастливая (Благословенная), Венера Победоносная.

Столь же высокопарно воспевалась любовь к императорской семье и во всевозможных надписях. Однако на большинстве из тех, которые дошли до наших дней, имя Плавциллы, так же как и имя ее отца и Геты, было впоследствии вымарано.

Так что с виду все выглядело как нельзя лучше, однако в действительности складывалось так, что хуже некуда. Тут в сведениях разных историков нет никаких противоречий. Геродиан пишет: «Антонин (то есть Каракалла) был совершенно не рад этому браку. Он женился не по своей воле, а по приказу отца. К жене и к ее отцу он относился крайне недружелюбно. Он не спал с женой и даже за стол с ней вместе не садился, демонстрируя свое к ней отвращение. Часто он даже угрожал, что как только станет единоличным правителем, прикажет убить и ее, и ее отца. Плавцилла, конечно, тут же повторяла все это своему отцу, вызывая этим его ярость».

Это был воистину змеиный клубок взаимной ненависти и интриг. Ни тогда, ни, тем более, сейчас никто не мог разобраться, на которой из сторон лежала большая часть вины. Каракалла, человек импульсивный, болезненно честолюбивый и подозрительный, склонный к насилию, явный психопат? Или же Плавций – не менее честолюбивый, который в какой-то момент не мог не понять, что на карту поставлено абсолютно все? Не осталась в стороне наверняка и Юлия Домна, враждебно относившаяся к Плавцию, который пытался отодвинуть ее в тень. А также и сама Плавцилла – если обвинения в безнравственном поведении, которые выдвигал против нее муж, имели под собой основания. Может, именно поэтому муж так отвратительно к ней относился и именно из-за этого он угрожал ей?

В 205 г. Плавций был убит при участии Каракаллы, прямо в присутствии императора, который не помешал свершиться убийству. Плавцилла находилась во дворце в покоях Юлии Домны, когда туда ворвался ее муж с клоком волос, вырванным из бороды Плавция, в руках.

В одно мгновение Плавцилла лишилась всего, что имела. Она

потеряла отца и мужа, титулы и имущество, и даже свободу. Ее приговорили к забвению, что означало, что из всех надписей и документов вымарывалось ее имя, а ее изображение уничтожалось на всех скульптурных формах. Плавциллу вместе с братом сначала сослали, скорее всего, на Сицилию, обеспечив ей средства к существованию. Затем местом изгнания был избран один из Липарских островов, где оба они жили в постоянном страхе, унижении и нищете. А как только Каракалла стал единоличным правителем, то есть в 211 г., он тут же приказал убить обоих. Так он сдержал свое слово.

Нония

Nonia Celsa

Жена императора Макрина, правившего в 218 гг.

Имела, по крайней мере, одного сына.

О ней говорится и имя ее упоминается лишь в одном источнике, к тому же не вызывающем особого доверия – то есть в труде под названием «Авторы истории августов» (Scriptores Historiae Augustae). В разделе, посвященном ее и Макрина сыну, малолетнему императору с длинным прозвищем Диадумениан, цитируется письмо к ней самого Макрина:

«Опелий Макрин шлет привет своей жене Ионии Цельсе. Трудно переоценить, жена моя, сколь велико полученное нами благо. Ты, наверное, думаешь, что я говорю об императорской власти? Нет, не есть она столь уж велика, если судьба порой дает ее даже тем, кто ее не достоин. Я счастлив тем, что стал отцом Антонина, а ты – его матерью! Боги благословили нас, судьба оделила наш дом огромной радостью, и как же прекрасна с этого мгновения стала слава счастливой власти! Пусть боги и добрая богиня Юнона, которой ты поклоняешься, сделают так, чтобы сравнялся он своими заслугами с Антонином Пием, а я, отец его, в глазах всех был того достоин!»

И мы были бы не менее счастливы, если бы перед нами было подлинное письмо к жене, написанное римским императором. Но это, к сожалению, совсем не так. Документ, вне всякого сомнения, придуман с начала и до конца. И все же он достоин некоторых пояснений.

Когда император Каракалла в апреле 217 г. был убит по дороге из Эдессы в Карры одним из своих воинов, новым правителем империи легионеры провозгласили префекта преторианцев Макрина. Конечно, сенат узаконил эту ясно выраженную армией волю. Дождь высокопарных титулов и почестей хлынул на голову Диадумениана – малолетнего сына Макрина. Среди этих почестей было и присвоение ему имени Антонина – мальчика усыновили, как это ранее было сделано с Септими- ем Севером и Каракаллой, в род Антонина Пия и Марка Аврелия. Настолько яркой и живой была память об их полном славы правлении.

Однако счастливая судьба Макрина и его сына была очень краткой: летом 218 г. оба были убиты, даже не успев доехать до Рима.

Так почему же все-таки считается, что Нония Цельса – вымышленная фигура? Конечно, у Диадумениана должна была

быть мать, но была ли она в тот момент жива? И действительно ли ее звали Нония? Не сохранилось ни одной монеты, ни одной надписи с ее именем. А ведь было правилом, даже если правление длилось очень кратко, награждать жену императора титулом августы, чеканить монеты с ее изображением и возводить в ее честь алтари и статуи! Сохранились, хотя и в очень небольшом количестве, монеты с изображением Диадумениана, но о Нонии Цельсе нигде более не упоминается.

Конечно же, тут появляется еще один вопрос: а чего ради автору упомянутого произведения понадобилось приводить это имя и придумывать фальшивое письмо? Возможно, он таким образом хотел почтить какой-то род или близкого человека, а может быть, польстить влиятельному лицу, покровительства которого он искал? Ведь проще всего завоевать чье-то расположение и благодарность, упоминая его имя как имя достойного, высокопоставленного в прошлом лица. Мера людского снобизма и жажда иметь возможность указать на отметившегося в истории предка просто не поддаются никакому описанию. На наших глазах происходит раздача аристократических титулов, фабрикуются генеалогические древа и гербы, выявляются не существовавшие никогда связи. Человеческая наивность и примитивный снобизм – бессмертны.

А что историки? Одни по разным причинам услужливо оказывали и продолжают оказывать любезности лицам, ищущим себе дедов и прадедов со славными или же просто звучными именами. Другие, в свою очередь, разоблачают эти выводы первых и тоже кое-что на этом выигрывают: по меньшей мере удовлетворение, а порой еще и позицию, способствующую научной карьере.

Юлия Павла (или Корнелия Павла)

Iulia Cornelia Paula

Первая жена императора Гелиогабала, правившего в 219-222 гг. Получила титул августы Развод состоялся в конце 220 или в 221 г.

Семнадцатилетний Гелиогабал торжественно въехал в Рим лишь летом 219 г., хотя стоявшие в Сирии легионы провозгласили его императором еще в мае 218 г. Несмотря на свой крайне юный возраст, он еще до этого исполнял должность верховного жреца бога Элагабала в сирийском городе Эмессе. Эта должность в его роду была наследственной. В его жизни решающую роль играли две женщины: Юлия Меса – сестра императрицы Юлии Домны и ее дочь – мать Гелиогабала, Юлия Соэмия. Когда Каракалла был убит и императором стал Макрин, обе женщины распустили среди воинов слух, что отцом мальчика в действительности был Каракалла, а не Варий Авит, муж Юлии Соэмии. И местные легионы, очень привязанные к имени Каракаллы, провозгласили юного верховного жреца императором. Летом 218 г. Макрин и его сын Диадумениан потерпели поражение и были убиты. Новый император не спеша отправился в Рим через Малую Азию и балканские провинции. Его имя официально звучало теперь так: Марк Аврелий Антонин, хотя современники нередко именовали его Лже-Антонином. Но чаще всего его называли Гелиогабалом – по имени бога, верховным жрецом которого он был до объявления его императором.

Отправляясь в Рим, новый император захватил с собой черный камень – символ бога-покровителя Эмессы, и объявил Элагабала верховным богом всей Римской империи. Впрочем, он проявлял терпимость по отношению ко всем религиям, в том числе и к христианству. Но кроме камня Гелиогабал привез в столицу восточные обычаи, безумства, разнузданные оргии и непредсказуемую, дикую жестокость. В Риме воцарился террор. Злым духом нового правителя стала его мать Соэмия, тогда как Юлия Меса как могла старалась сдерживать безумства внука. Каждая из этих двух женщин сразу же получила титул августы.

Интересно, кому пришло в голову сразу же по прибытии в столицу женить Гелиогабала – ему самому или же его матери и бабке? Сам он говорил, что сделал это для того, чтобы как можно скорее стать отцом. И это говорил человек, над которым современники издевались, что он даже и не мужчина! Выбор пал на красивую девушку по имени Юлия Корнелия Павла. Имя звучное, но о ее семье нам ничего не известно. Может быть, она

была родственницей известного юриста того времени Юлия Павла? Но это только домыслы, не имеющие никаких подтверждений.

Свадьба была на редкость пышной. Подарки по случаю бракосочетания императора получили не только сенаторы и всадники, но и их жены. Для рядовых граждан были накрыты столы: стоимость угощения составляла 600 сестерциев на каждого присутствовавшего. Для воинов тоже были устроены пиры – их стоимость на каждого приглашенного была на 400 сестерциев выше, чем для обычных граждан. Попотчевали всех и зрелищами – кроме гладиаторских боев в амфитеатрах проводились еще и охоты на диких зверей. Был убит один слон и пятьдесят один тигр – до сих пор такого в Риме не видели.

Итак, свадьба была пышной, но брак распался очень быстро: через несколько месяцев, самое позднее – через год с небольшим император отослал жену, якобы обнаружив у нее отметину на теле. По одним сведениям, он позволил ей на некоторое время оставить все привилегии императрицы, по другим – отобрал все и сразу. Юлия Павла стала частным лицом, и о ее дальнейшей судьбе нам ничего не известно.

Однако сохранились монеты с ее изображением. Чеканили их в основном в Риме, Антиохии и Александрии. На них можно увидеть также символы и надписи: Concordia – «Согласие», Felicitas temporum – «Счастье нашего времени», Venus genetrix – «Венера- Прародительница».

Аквилия Севера

Iulia Aquilia Severa

Вторая жена императора Гелиогабала, правившего в 218-222 гг. Вышла замуж за императора, скорее всего, в начале 221 г.

Получила титул августы. Через несколько месяцев император отослал ее, а затем (вероятно в конце 221) вернул обратно.

Потомства не оставила.

Аквилия Севера была весталкой, а это значит, что она происходила из семьи римских аристократов. Геродиан, современник событий, пишет: «Чтобы показать себя полноценным мужчиной, он притворился горячо влюбленным в жрицу Весты, деву, которой согласно священным законам было велено пребывать непорочной и до конца дней своих оставаться девственницей. Он, однако, похитил ее у богини, забрал из священного обиталища жриц-весталок и сделал своей женой. В письме к сенату он стремился оправдать этот нечестивый поступок и столь ужасное преступление. Он утверждал, что овладевшее им чувство было глубоко человечным и что он будто бы был весь охвачен любовью к этой деве. К тому же, как он утверждал, брак между жрецом и жрицей – поступок правильный и благочестивый, поскольку ни в чем не нарушает божественных законов. Но и эту девушку он вскоре отослал».

Другой свидетель, сенатор Кассий Дион, так описывает это событие: «Когда он отослал Павлу, будто бы потому, что обнаружил изъян на ее теле, он стал сожительствовать с Аквилией Северой, самым явным образом попирая все законы. Он самым безбожным образом опозорил женщину, посвященную Весте, и даже осмелился утверждать, что сделал он это для того, чтобы от него – жреца и от нее – жрицы родились богоподобные дети! Поступком, за который следовало бы протащить по Форуму, бросить в яму и в конце концов приговорить к смерти, он гордился! Но и эта женщина долго рядом с ним не прожила. Оставив ее, он женился на другой, потом – еще на одной, и еще. А после них он опять вернулся к Севере».

Сохранились монеты с изображением Акви- лии – римские, антиохийские, александрийские. На них виднеются надписи и прекрасные символы – Всеобщая справедливость, Согласие, Венера Счастливая (Благословенная?), Венера Небесная, Радость. И наконец, как будто в насмешку – Веста, богиня домашнего очага.

Аннія Фаустина

Annia Aurelia Faustina

По всей вероятности, третья жена императора Гелиогабала, правившего в

222 гг. Брак был заключен, скорее всего, в конце 221 г.

От своего предыдущего брака с Помпонием Бассом имела дочь (см. в конце текста).

Причиной трагедии Аннии Фаустины стало то, чем обычно более всего гордятся женщины – красота, достойный муж и аристократическое происхождение (она была правнучкой императора Марка Аврелия). Ее мужем был консул 211 г. Помпоний Басс, владелец огромных поместий, в том числе во Фригии, в Малой Азии, о чем свидетельствуют надписи. Возжелав Аннию Фаустину, Ге- лиогабал потребовал от сената приговорить Басса к смерти. Причину для этого он привел очень простую: этому человеку не нравится правление императора! Сенат, разумеется, незамедлительно разделил праведный гнев властителя.

Анния Фаустина вынуждена была сразу же выйти замуж за убийцу своего мужа. Ей не дали возможности ни оплакать убитого, ни надеть траур. Во дворце рядом с психопатом ее ждали невероятные унижения – то же самое, впрочем, было уделом и ее предшественниц. Гелиогабал обожал разыгрывать из себя женщину. Он посещал публичные дома, выступая там в роли проститутки, а когда это стало небезопасным для него, он устроил публичный дом прямо во дворце, выставляя себя на продажу перед одной из дворцовых комнат. Имелся у Гелиогабала и «муж» – юный золотоволосый цирковой возница, от которого он требовал, чтобы тот устраивал сцены ревности, не забывая при этом поколачивать императора. А поводов для таких сцен было предостаточно, поскольку император-проститутка любил не только женщин, но и красивых мужчин.

А государством в это время, не таясь, управляли две женщины – бабка императора Юлия Меса и его мать Юлия Соэмия. Первая из них весьма трезво оценивала поведение внука и ситуацию в целом, тогда как вторая закрывала глаза на все безумства сына, буквально купавшегося в крови и гнусном разврате. Обе они позволяли себе участвовать в заседаниях сената, а Юлия Соэмия даже созвала что-то вроде женского сената, который под ее руководством заседал на Квиринальском холме, занимаясь в основном вопросами этикета среди римских матрон.

Чтобы наконец хоть как-то отрезвить Гелиогабала и вместе с тем дать Риму хоть какую-то надежду на иного правителя в будущем, Юлия Меса заставила внука усыновить и сделать своим младшим соправителем – цезарем – его двоюродного брата Алексиана Бассиана. Он был сыном Юлии Мамеи – другой дочери Юлии Месы. Мальчику было лишь 13 или 14 лет. При усыновлении он получил имя Александра. Он был всего на 5 лет младше своего якобы отца Гелиогабала. Но тот не преминул воспользоваться подвернувшимся моментом, поздравив сам себя с тем, что стал отцом в столь раннем возрасте. Таким образом Анния Фаустина юридически стала матерью Александра. Она официально получила титул жены августа и матери цезаря, а также матери военных лагерей.

При всей своей неуравновешенности Гелиогабал все же не был настолько наивным, чтобы не отдавать себе отчета в том, ради чего был предпринят этот фарс с усыновлением. Конфликт в борьбе за власть между ним и «сыном», а также между Юлией Месой и Юлией Соэмией – матерью и дочерью – грозил взрывом. Чтобы противостоять этой опасности, в марте 222 г. Гелиогабал вместе с Соэмией и Александром отправились в казармы преторианцев якобы затем, чтобы провести там переговоры. Но здесь дело дошло до волнений среди разделившихся на два лагеря солдат. Верх взяли сторонники Александра. Его «отец» был убит вместе с матерью, а тела обоих протащили по улицам города и, в конце концов, бросили в сточный канал.

Какая судьба ждала Аннию Фаустину? Об этом источники умалчивают. Она наверняка осталась во дворце, так что вполне могла спастись. Во всяком случае, похоже, что ее дочь от первого брака Помпония осталась жива. Впоследствии она вышла замуж за Флавия Антиоханиуса, который был консулом в 270 г. И это был последний известный нам потомок Марка Аврелия.

Орбиана

Gneia Seia Herennia Sallustia Barbia Orbiana

Жена императора Александра Севера, правившего в 222-235 гг. Брак был заключен в 225 г.

Получила титул августы.

В 227 г. была отправлена в ссылку.

Полное имя Орбианы известно нам лишь из надписей и частично благодаря монетам, однако древние историки, говоря о ней, этого имени не приводят.

Александр, добавивший к своему имени прозвище Север, стал императором в возрасте лет, после кровавой гибели своего двоюродного брата Гелиогабала. Управлением страной фактически занимались две женщины – его бабка Юлия Меса и мать Юлия Мамея. К счастью для империи и для юного правителя обе они, по всей вероятности, наученные на примере трагической судьбы Гелиогабала, делали этб достаточно разумно, хотя Юлия Мамея и. отличалась неумеренной жадностью. Александр не причинял им хлопот, поскольку по натуре был скорее пассивен. Возможно, однако, что именно длительное пребывание под опекой двух женщин стало причиной того, что он так никогда и не стал энергичным мужчиной.

Жену ему выбрала мать. Ей стала дочь сенатора Луция Сея Саллюстия по прозвищу Макри- нус. Но вскоре дело дошло до конфликта по причине типично женской. Геродиан рассказывает об этом так: «Мать постаралась найти ему жену из знатного рода. Но когда они стали жить в любви и согласии, тут же удалила ее из дворца. Сделала она это из ревности, поскольку лишь сама хотела быть августой и завидовала невестке, которую титуловали императрицей. Спесь довела ее до того, что даже отец молодой женщины, человек, уважаемый Александром, не стерпел притеснений со стороны Юлии Мамеи по отношении к нему самому и к своей дочери. Он бежал в казарму преторианцев и оттуда, выразив благодарность самому Александру, выдвинул обвинение против Мамеи. Та же, не стерпев обиды, довела до того, что его покарали смертью, а дочь его, выгнав из императорского дворца, отправили в ссылку в Африку. Все это произошло вопреки воле самого императора, который находился под влиянием матери, имевшей над ним настолько безраздельную власть, что он исполнял все, что она ему приказывала».

Трагическому развитию событий способствовал и тот факт, что Юлия Меса к тому времени уже умерла – это случилось

между 224 и 226 гг. Неясная информация в книге «Авторы истории Августов» (Scriptores Historiae Augustae) позволяет прийти к выводу о том, что отец Орбианы, бежав в лагерь преторианцев, позволил провозгласить себя цезарем – то есть младшим по рангу соправителем Александра. А это можно расценить как попытку мятежа, что в какой-то мере оправдывает мгновенную и жестокую реакцию Юлии Мамеи.

У «Авторов истории Августов» (Scriptores Historiae Augustae) упоминается также и другая жена Александра, некая Мемия, дочь Сульпиция.

Но существовала ли она вообще? Нет ни одной надписи, ни одной монеты с ее именем и изображением. Неизвестно также, была ли она первой или второй женой императора. Поэтому предпочтительнее считать ее придуманной автором, а ее имя и происхождение сочиненными по образцу имени и происхождения жены императора Гальбы.

Павлина

Caecilia Paulina

Жена императора Максимина, правившего в 235-238 гг.

Брак был заключен до того, как Максимин стал императором. Получила титул августы Умерла скорее всего в 236 г.

Бала причислена к сонму богов как Diva Paulina.

По всей вероятности от этого брака родился сын Максимина – Вер Максим.

Полное имя Павлины известно нам лишь из одной надписи, которая наверняка была сделана уже после ее смерти, поскольку в ней она упомянута как Diva Caecilia Paulina. На крайне немногочисленных монетах с ее изображением ее титулуют Diva Paulina Augusta. Поэтому некоторые предполагают, что она умерла еще до того, как Максимин был провозглашен императором. Титул августы был в таком случае дарован ей посмертно, вместе с обожествлением. Однако этому противоречит упоминание о Павлине историка Аммиана Марцеллина. Правда, жил он спустя сто лет после описываемых событий, но приводимые в его трудах сведения вполне достоверны. Так вот, Марцеллин пишет, что «сурового императора Максимина к правде и человечности обращала жена своей женской мягкостью». И добавляет, что он уже писал об этом более подробно в книге (к сожалению, до нас не дошедшей) о деяниях императора Гордиана. Так что более правдоподобным следует считать то, что Павлина умерла уже во время правления своего мужа, но довольно рано – скорее всего в 236 г.

Может, и к счастью для себя, поскольку правление ее мужа хорошим не назовешь, а уж закончилось оно и вовсе трагично. Максимин, крестьянин из балканских провинций, начав службу, как гласит молва, простым солдатом, дослужился до высших военных должностей. И прежде всего благодаря своей физической силе, хитрости и наглости. Служить он начал еще при Септимии Севере, а когда в марте 235 г. в военном лагере под Могунци- ей были убиты Александр Север и его мать Юлия Соэмия, пурпурный императорский плащ солдаты отдали своему командиру, Максимину. Новый властелин империи был прекрасным вождем, храбро сражался на Дунае, но внутри страны правил как истинный тиран. Жертвами его террора пало множество сенаторов и иных высокопоставленных лиц. Он также развязал новые гонения против христиан, отношение к которым при предыдущих правителях, а в особенности при Каракалле, Гелиогабале и Александре, было вполне терпимым.

Наконец в 238 г. в Африке императорами провозгласили двух Гордианов – отца и сына. Оба они были признаны сенатом, однако оба вскоре погибли. Вместо них сенат провозгласил императорами двоих представителей своего круга: Пупиена и Бальбина. Максимин и его сын Вер Максим, которого он сделал своим младшим соправителем – цезарем, двинулись из-за Альп в Италию, но по дороге им надо было взять город Аквилею. Здесь в войсках и произошел мятеж, в результате которого они оба погибли.

До этой трагедии Павлина уже не дожила. Однако позднее пошла молва, которую повторяли и византийские писатели, о том, что и она также оказалась одной из многочисленных жертв, павших от террора ее мужа.

Орестилла

Fabia OrestUla

Жена императора Гордиана I, правившего около 20 дней между январем и мартом 238 г.

От этого брака имела сына и дочь.

Единственный источник, в котором встречается имя Орестиллы, – «Авторы истории Августов» (Scriptores Historiae Augustae) – сообщает, что она была правнучкой императора Антонина Пия. Вероятнее всего, что замуж за сенатора Гордиана, которому в то время было 30 лет, она вышла приблизительно в 190 г., поскольку их старший сын родился в 192 г. (ему было 46, когда он погиб в 238 г.). Муж Орестиллы был одним из самых богатых людей того времени. Будучи сенатором, он занимал различные высшие государственные должности, в том числе был консулом около 220 г., но по большому счету интересовала его только литература. Это ему посвящен известный труд греческого историка Филострата «Жизнеописания софистов», исключительно ценный для понимания (знакомства) интеллектуальной атмосферы того времени. В 237 г. Гордиан стал наместником провинции Африки. В начале следующего года местное население вынудило его принять императорский пурпур – или же он сам все таким образом инсценировал, предполагая, что его имя уже вошло в список приговоренных к смерти кровавым тираном, каким был император Максимин.

Гордиан сразу же сделал своим младшим соправителем – цезарем – своего сына, носившего то же имя, что и отец (Гордиан II), а римский сенат, ненавидевший Максимина, охотно утвердил его решение. Однако спустя примерно 20 дней своего правления сын Гордиана погиб в Африке в сражении с верными Максимину войсками. Узнав об этом, его отец покончил жизнь самоубийством в Карфагене.

Несмотря на столь краткий срок пребывания Гордианов у власти, сохранилось небольшое количество монет периода их правления, а также несколько посвященных им надписей. Однако нет ни одной монеты с изображением и именем Орестиллы, так же как и ни одного упоминания о ней в какой-либо надписи. О чем это может свидетельствовать?

Возможно, это вымышленный «Авторами истории Августов» (Scriptores Historiae Augustae) образ, использованный им для того, чтобы польстить кому-то из его современников. На возможность подобных авторских приемов мы как- то уже обращали внимание читателей. Однако не исключено, что она умерла до того, как ее

муж и сын стали правителями, а у них просто не хватило времени на то, чтобы провести в сенате постановление о причислении ее к сонму богов. Времени на это могло не хватить и в том случае, если она дожила до триумфа и трагедии мужа и сына. Однако стоит обратить внимание на то, что вскоре после этого внук Гордиана I, а значит и внук Орестиллы, став императором, причислил к богам деда и дядю. Почему же он при этом не вспомнил о бабке?

Вопросов остается множество. Можно делать самые разные предположения. Но при этом стоит иметь в виду, что если вдруг будет найдена хоть одна монетка с изображением Орестиллы, хотя бы фрагмент какой-либо надписи, одна информация об этом в Интернете может развеять все сомнения, сделав Орестиллу реальным историческим персонажем. Именно возможность подобных открытий делает столь увлекательным исследование античной истории.

Транквиллина

Furia Sabinia Tranquillina

Первая и единственная жена императора Гордиана III, правившего в 238-244 гг.

Брак был заключен в 241 г.

Получила титул августы.

Потомства не оставила.

Отец Транквиллины, имевший прозвище Тимо- зетей, управлял государственными делами в качестве префекта претория при юном Гордиане III. Мальчик получил пурпурную мантию императора, будучи по матери внуком Гордиана I – того, который в 238 г. покончил жизнь самоубийством в Карфагене, пробыв императором всего 20 дней, когда его сын и соправитель Гордиан II погиб в битве с войсками, сохранившими верность императору Максимину. Однако и Максимин спустя несколько месяцев принял смерть от рук собственных воинов. В самом Риме сенаторы в то время признавали лишь избранных ими двух императоров из своего круга – Папиена и Бальбина, но и им суждено было править лишь три месяца. Обоих убили преторианцы. Таким образом, в течение нескольких месяцев этого рокового года умерли насильственной смертью шесть императоров, включая и малолетнего сына Максимина.

13-летний Гордиан III находился в Риме. Его родителей наверняка уже не было в живых, во всяком случае, об их существовании нигде нет никаких сведений. Каким же образом мальчик в этих условиях смог выжить, стать императором и удержаться на троне в течение нескольких лет? Это произошло, скорее всего, вследствие овладевшего всеми ужаса, когда над страной нависла угроза гражданской войны. Только у Гордиана III было законное право наследовать пурпур после деда и дяди. Наиболее влиятельные сенаторы явно считали, что мальчик формально станет императором, а фактически править за него будет Тимозетей – человек опытный, проверенный на различных военных и административных должностях в разных провинциях.

В 241 г. готовился великий поход против персов. Но перед его началом юный император женился на дочери своего префекта. В документах жреческой коллегии Сельских братьев – Fratres Arvales – было прямо написано, что этот брак был заключен для того, чтобы рожать детей. Но в действительности этот брак имел политические мотивы: префект хотел связать с собой подопечного узами родства. Конечно, романтичнее было бы вообразить иную ситуацию: юный Гордиан III встретил красивую девушку,

влюбился в нее и сделал ее отца своим префектом, а как только вошел в предписанный возраст, официально женился на своей возлюбленной. Однако такое течение событий представляется мало правдоподобным.

Возвращаясь из благополучно завершившегося военного похода, Гордиан III умер где-то на пустынных просторах Месопотамии, в окрестностях современной границы Ирака и Сирии. Было ему в тот момент всего 19 лет. Умер он при невыясненных обстоятельствах. Возможно ли, что он погиб в бою, как хвастались об этом персы? Или его убили по наущению тогдашнего префекта Филиппа, как твердили враги этого последнего? Или же он умер естественной смертью, так же как чуть раньше во время того же похода и его тесть Тимозетей (как говорили, от поноса)? Эта последняя версия кажется наиболее правдоподобной.

О дальнейшей судьбе Транквиллины нам ничего не известно. Поскольку преемник Гордиана III, император Филипп, окружил память о своем предшественнике уважением и по его распоряжению сенат причислил его к сонму богов, можно предположить, что, по крайней мере, в период его правления юную вдову оставили в покое. Благая цель брака с Транквиллиной – рождение потомства – так и осталась нереализованной.

Сохранилось немного монет с изображением Транквиллины, а также несколько греческих и латинских надписей в различных провинциях. К примеру, найденная в Англии надпись гласит, что сделана она была в под контролем наместника Британии по заказу эскадрона Августа Гордиана, названного так за проявленное в боях мужество, командовал которым префект конницы Ноний Филипп, рожденный в Африке, в качестве пожелания благополучия правлению Гордиана и его жены, а также всех их близких. В двух других сохранившихся в самом Риме надписях, которые были выполнены на деньги чиновников низшего ранга, декларировавших свое безраздельное поклонение божественности и величию императора и его супруги, Транквиллина названа sanctissima Augusta – святейшая императрица.

Отацилия

Marcia Otacilia Severa

Жена императора Филиппа Араба, правившего в 244-249 гг. Брак был заключен до того, как Филипп стал императором.

Умерла, вне всякого сомнения, в 249 г.

Имела нескольких детей.

Поскольку в день своей гибели в 249 г. сыну Отацилии и Филиппа было 12 лет, можно предположить, что брак между ними был заключен не позднее 238 г. Филипп стал императором после смерти Гордиана III в Месопотамии. В тот момент он был префектом претория, поэтому ходили слухи, что именно он приложил руку к гибели молодого императора. Новый правитель происходил из небольшого сирийского городка, поэтому современники дали ему презрительное прозвище – Араб. Однако его полное имя – Марк Юлий Филипп – свидетельствует о том, что семья имела римское гражданство. Как Филипп, так и его брат Приск служили в армии и уже при Гордиане III дослужились до самых высоких должностей.

Придя к власти, Филипп тут же заключил мирный договор с персами, а все связанные с Востоком вопросы доверил своему брату, сам же двинулся в Рим, куда и прибыл в 244 г. Вскоре после этого он отправился в поход против народов, населявших нижнее течение Дуная.

О семье Отацилии нам ничего не известно, однако она была достаточно знатной, поскольку ее брат Север был главнокомандующим войсками в Мезии и Македонии. Как диктовала традиция, жена императора и его сын сразу же получили множество высокопарных титулов. Отацилла стала августой, матерью лагерей, сената и отчизны. Когда ее малолетнего сына сделали сначала цезарем, а потом и августом, ее стали называть также матерью цезаря и августа. Гармонию, царящую в семье императора, символизировали надписи на монетах и медалях. На одной представлены в профиль повернувшиеся друг к другу Филипп и его жена вместе с сыном, а круговая надпись гласит: Concordia Augustorum – Согласие Августов. Монет с именем и изображением Отацилии сохранилось довольно много, а в их символике присутствуют в основном Благочестие, Плодовитость и Скромность – как и приличествует императрице.

В апреле 248 г. состоялись пышные торжества по поводу тысячелетия Рима. В честь этого события устраивались игры, чеканились монеты, в том числе и с изображением Отацилии. И

хотя выпущены были также монеты с надписью-посвящением Вечному Риму (Roma Aetemae), подобные торжества в истории Рима были первыми и последними. Уже через сто лет, когда городу исполнилось 1100, никаких празднеств не было – сожалел историк Аврелий Виктор в середине IV века.

Но пока казалось, ничто не угрожает ни славе и мощи государства, ни счастью императорской семьи. Случались, правда, мятежи и попытки переворотов, но их успешно подавляли. Если же говорить о семье, то родителей беспокоила лишь одна проблема – сын рос странно угрюмым, с тяжелым характером. Он сам никогда не улыбался и сильно раздражался, когда видел улыбку на лице отца во время торжеств по случаю тысячелетия. Он как будто предвидел конец, который судьба уготовила всем им.

Рассказывали и еще об одном связанном с ним случае, хотя трудно сказать, правда это или вымысел. Однажды император увидел на римской улице мальчика-проститутку с лицом, очень похожим на лицо его сына. Он тут же строжайше запретил мальчишке заниматься своим промыслом. Как же справедливо это было и как же бесполезно! – восклицал через сотню лет после этого уже упомянутый здесь историк.

Филипп и Отацилия с большой симпатией относились к христианам. Позднее рассказывали даже, что оба они были приверженцами новой религии. Однако церковный историк Евсевий Кесарийский, живший в IV в., сам в это не верил. Непреложным фактом было лишь то, что христиане в период правления Филиппа пользовались всеми свободами и относились к ним терпимо. Известно также, что императорская чета состояла в переписке с самым известным христианским ученым того времени Оригеном.

Летом 249 г. придунайские легионы провозгласили императором наместника своей провинции – Мессия Деция, и он тут же двинулся походом на Италию. Филипп пытался преградить ему путь под Вероной и сам погиб в сражении. Вскоре после этого преторианцы убили в Риме и его сына. Скорее всего, та же судьба постигла и Отацилию. Были ли они после этого приговорены к забвению? Их имена действительно были уничтожены на некоторых надписях, но это могло случиться, как часто бывает и ныне, а не только в древности, лишь от чрезмерного усердия местных властей.

Эрения Этрусцилла

Herenia Capressenia Etruscilla
Жена императора Деция, правившего в 249-251 гг.
Брак был заключен, скорее всего, еще до 230 г.
Получила титул августы Имела двоих сыновей

Эрения, несомненно, происходила из знатного италийского рода, осевшего, как указывает прозвище, на землях Этрурии. В числе ее предков, вероятно, был и Cupressenius – консул 161 г. Муж ее, в свою очередь, родился, скорее всего, в Паннонии, в окрестностях Сирмии на Саве, в осевшей в тех местах зажиточной римской семье. Как сенатор он пользовался доверием императора Филиппа Араба, который доверил ему командование армией в низовьях Дуная. Деций вел там победоносную войну с готами и был – якобы помимо собственной воли – провозглашен императором воинами, которые предпочитали своего земляка какому-то «арабу». После этого Деций двинулся на Рим. Филипп пытался преградить ему дорогу, но погиб в битве под Вероной в конце лета 249 г. Эрения, как это было тогда принято, сразу же получила титул августы, а ее сыновья, Зрений и Гостилиан, были объявлены цезарями, а затем – августами, после чего Зрению стали звать также и матерью августов. На монетах с ее изображением присутствует типичная символика – Благочестие и Скромность.

В истории Деций остался правителем, который, после предшествовавшего длительного периода религиозной терпимости, возобновил преследования христиан. Сделал он это несомненно для того, чтобы защитить римские традиционные ценности, которым, по его мнению, угрожала новая восточная религия. Старые боги, на протяжении стольких веков окружавшие империю блеском мощи и славы, начинали оборачиваться против нее – а все потому, что римляне стали пренебрегать своими богами, и из-за этого на государство стали сыпаться всяческие беды и несчастья.

Слава и семейное счастье Эрении продолжалось всего два года. Летом 251 г. в битве с готами сначала погиб ее старший сын Эрений. Это случилось поблизости от городка Абритус, на территории современной Болгарии. Его отец, как и пристало истинному римлянину, даже не остановил военных действий, чтобы совершить положенные трауром церемонии, сказал: «Ничего особенного не случилось, погиб всего лишь один воин!» А вскоре после этого погиб и сам Деций, загнанный во время битвы в болото. Это был первый римский император, павший на

поле боя. Спустя небольшое время после этого умер и младший его сын, Гостилиан, став одной из жертв бушевавшей тогда эпидемии. Таким образом, в течение всего каких-то нескольких месяцев этого рокового для нее года Эрения потеряла мужа, сыновей и трон. И опять же остается открытым вопрос, была ли сама Эрения и ее семья подвергнуты позорному приговору забвения. Заметно, что на некоторых надписях их имена пытались уничтожить. Но может быть, и здесь, как и в случае с ее предшественницей Отацилией, все дело было лишь в излишней услужливости местных чиновников?

Афиния

Afinia Gemina Baebiana

Жена императора Требония Галла, правившего в 251-253 гг. Брак был заключен до того, как Требоний пришел к власти.

Имела сына и, возможно, дочь.

Все, что нам известно об Афинии, почерпнуто из короткой надписи, сделанной в италийском городе Перузия (сегодняшняя Перуджа). Слелал эту надпись (как он сам в ней сообщает) некий Вибий Талл для Афины Термины Бебианы – жены его патрона Вибия Галла.

Род Вибиев Галлов происходил как раз из Перуджи и имел земельные владения в этом регионе. Муж Афибии и патрон Талла – это Требоний Галл. При императоре Деции он был наместником обеих Мезий – провинций в низовьях Дуная. Когда Деций пал в битве с готами в окрестностях поселения под названием Abrittus, легионеры провозгласили императором Вибия Галла. Правил он около двух лет, поскольку уже летом 253 г. придунайские легионы провозгласили императором своего полководца Эмилиана. Тот двинулся на Рим, но до битвы дело не дошло, поскольку еще в Италии, поблизости от сегодняшнего городка Терни, Галла и его сына Волузиана убили его собственные солдаты.

Афиния наверняка либо уже умерла к тому моменту, когда муж ее был провозглашен императором, либо была с ним в разводе. Нет никаких монет с ее изображением и именем, никаких других надписей в ее честь. Так что почетного звания августы она не получила, но зато избежала и тяжкой доли стать свидетельницей трагического падения и кровавой смерти мужа и сына.

Корнелия Супера

Gaia Cornelia Supera

Жена императора Эмилия Эмилиана, правившего в течение 88 дней в конце лета 253 г.

Мужа Корнелии Суперы провозгласили императором воины придунайских легионов, но не прошло и трех месяцев, как он разделил судьбу своего предшественника, Требония Галла. Его убили собственные солдаты, когда под италийским городком Сполетиум (нынешний Сполето) он пытался сдержать наступление на Рим Валериана, которого провозгласили императором рейнские легионы. Несмотря на столь краткий срок пребывания у власти монетные дворы успели отчеканить немало разных посвященных этому императору монет. Но сохранились также и монеты, явно того же периода, с надписью Cornelia Supera Augusta. Давно уже предполагалось, что речь идет о жене Эмилия Эмилиана. И это предположение подтвердилось, когда в 1910 г. была обнаружена надпись, выбитая в честь императора Эмилиана и его жены Гаи Корнелии Суперы с благодарностью за восстановление дорог, разрушенных наводнением. Сделана она была по заказу жителей городка Кикул в Африке.

Мариниана

Egnatia Mariniana
Жена императора Валериана, правившего в 253-260 гг.
Умерла еще до того, как ее муж пришел к власти.
Была причислена к сонму богов.
Имела двоих сыновей.

Вскоре после прихода к власти император Валериан провел в сенате постановление о причислении его покойной жены к сонму богов. Если бы она умерла позже, после того как он стал императором, за ней наверняка признали бы титул августы. Сохранились монеты с ее титулом Diva Mariniana.

Мариниана, скорее всего, была дочерью Эгнатия Виктора Мариниана, который был наместником придунайской провинции Верхней Мезии, а затем Аравии. Род его происходил из города Фалерии в центральной Италии. Там же примерно в 218 г. появился на свет сын Маринианы – Эгнатий Галиен, с 253 г. бывший соправителем отца. Из этого можно заключить, что Мариниана родилась чуть позже 200 г. и прожила никак не более 50 лет. Если бы не забота мужа об увековечении ее памяти и несколько сохранившихся монет с ее божественным титулом, не осталось бы и следа ее существования.

Салонина

Cornelia Salonina Chrysogene

Жена (скорее всего, первая и единственная) императора Галиена, правившего в 260-268 гг. Получила титул августы.

В браке с Галитом родила троих сыновей.

Когда персы захватили императора Валериана в плен, из которого он уже не вернулся, власть перешла к его сыну Галиену, который до этого уже был соправителем отца и имел титул августа. В брак с Салониной он вступил почти за пару десятков лет до 260 г., поскольку их старший сын получил титул цезаря уже в 255 г., значит, он в это время был уже подростком. Нам ничего не известно ни о семье, из которой происходила Салонина, ни о том, где и когда она родилась.

Древние историки, под влиянием традиционно крайне враждебно настроенных по отношению к Галиену римских сенаторов, описывают его в очень неблагоприятном свете – как человека ленивого, распутного, прямо-таки утопающего в пороках, и все это в то время, когда империи грозил полный упадок. Однако современная наука существенным образом подретушировала этот образ. Да, действительно, в этот период на Востоке откололось от империи королевство Пальмира, которым правили Оденат и Зенобия, а на западе Галлия оказалась в руках узурпатора Постума. Галиен пытался воевать с ними, но именно благодаря этим буферным государствам у империи были обеспечены границы на Рейне и Евфрате. Сам Галиен мужественно отражал нападения германских народов, которые совершали набеги в глубь Балкан и даже в Италию. Ему также удалось подавить мятежи нескольких наместников. Галиен проводил важные реформы в администрации и в армии. И у сенаторов действительно были основания его ненавидеть, поскольку он последовательно избавлялся от представителей этого сословия на командных должностях в армии.

Если же обратиться к личностям августейших супругов, к их интересам и интеллектуальному уровню, то по этой части у нас есть подробные и в высшей степени достоверные сведения, поскольку их источник – современник, находившийся в то время в Риме. Порфирий, ученик знаменитого философа Плотина, который преподавал в те годы в столице империи, пишет в жизнеописании своего учителя:

«Исключительное уважение и почет оказывали Плотину император Галиен и жена его Салонина. Плотин, пользуясь их расположением, намекнул, что неплохо было бы отстроить один

город в Кампании, который издавна славился как город философов, но был впоследствии разрушен, и подарить заново отстроенному городу прилегающие к нему окрестности, и чтобы будущие его жители руководствовались законами Платона и называли свой город Платонополисом. Он пообещал также, что сам поселится в этом городе со своими учениками. И желание это без труда бы исполнилось, если бы не стали тому мешать некоторые придворные – из зависти ли или из вредности, или еще из каких-то низменных соображений».

Эта информация весит больше, чем вся та грязная клевета, обвинения и сплетни, какими изобилует биография Галиена в труде «Авторы истории

Августов» (Scriptores Historiae Augustae). Следует однако заметить, что по сведениям автора этой биографии у Галиена была любимая наложница по имени то ли Пипа, то ли Пипара – дочь князя какого-то варварского племени из-за Дуная, которому он взамен за эту девушку уступил часть провинции. И хотя монеты, как уже говорилось, не являются достоверным доказательством истинности чувств, в случае Галиена и Салонины имеет смысл считать красивым символом действительно существовавшей в этом браке гармонии монету, на одной стороне которой представлены повернутые друг к другу профили августейшей четы с надписью Concordia Augustorum – Согласие Августов, а на другой – коза Амалтея, кормящая маленького Зевса. Добавим к этому, что монет Салонины сохранилось довольно много, так же как греческих и латинских надписей в честь ее и её мужа.

Салонина была вместе с мужем также и в последние минуты его жизни, когда осенью 268 г. он осадил Медиолан (Милан), где скрылся поднявший бунт вождь Ауреол. Военные устроили заговор, и император был убит заговорщиками. Вместе с ним была убита и Салонина. Еще раньше они потеряли двух сыновей. Самый старший, Лициний Валериан, умер на Балканах в 258 г. Через два года после этого младший сын, Салоний, попал в руки Постума – самозванца, объявившего себя императором Галлии, – и погиб. А самый младший, Мари- ниан, был зверски убит столичной толпой уже после смерти отца и матери.

На оборотной стороне одной серии монет Салонины представлено изображение сидящей женщины с надписью по кругу: Augusta in pace подразумевается requiescat – то есть «Мир праху императрицы». Эта повсеместно известная с древних времен до наших дней христианская формулировка, которую произносят в память покойного. Это значит, что монеты были отчеканены после смерти Салонины и что ее тогда считали

христианкой или, по крайней мере, близкой к христианам. Об этом, однако, источники ничего не говорят, даже такие близкие по времени, как «История церкви» Евсевия Кесарийского. Против принадлежности Салонины к христианам свидетельствуют и ее отношения с философом Плотином, который по разным причинам не мог испытывать симпатии к новой религии. Так что вопрос, кем и почему была выпущена эта монета, остается для нас неразгаданной тайной.

Ульпия Северина

Ulpia Severyna
Жена императора Аврелиана, правившего в 270-275 гг.
Брак был заключен до прихода Аврелиана к власти.
Получила титул августы.
Имела дочь.

Непосредственный преемник Галиена, император Клавдий, прозванный Готским по причине своих побед на Балканах над этим германским народом, умер естественной смертью во время эпидемии. Это случилось в Сирмии летом 270 г. Его брат Квинтилл, которого сенат объявил наследником, пробыв императором всего 17 дней, расстался с жизнью в Аквилее – то ли от болезни, то ли убитый своими солдатами, то ли сам наложил на себя руки. В труде «Авторов истории Августов» (Scriptores Historiae Augustae) сказано лишь, что у Клавдия не было потомства, а Квинтилл оставил двоих сыновей.

Придунайские легионы провозгласили императором своего командующего конницей – Аврелиана. Это был один из самых выдающихся правителей в истории Рима. Он разгромил германские племена, от набегов которых уже страдали не только окраины, но даже Италия. Он же начал строительство мощных стен для обороны Рима, величественные остатки которых до сих пор носят его имя. Он вытеснил готов из Балканских провинций, однако вывел римские войска из Дакии – нынешней Румынии. На Востоке одержал победу над королевой Зенобией и покорил Пальмиру, подавил восстание в Египте. Он же положил конец независимости Галлии. Погиб Аврелиан от рук своих солдат – это произошло неподалеку от Византии.

Жена его оставалась в глубокой тени супруга, и нам почти ничего о ней не известно. О ней даже не упоминает ни один из древних писателей. О ее существовании и присужденных ей титулах – «мать лагерей, сената и отчизны» – мы знаем лишь из надписей и монет. Скорее всего, она была дочерью Ульпия Кринита, который, видимо, играл важную роль при императоре и хвастался своей принадлежностью к роду Траяна. Интересно, воспользовался ли Аврелиан, как зять, его поддержкой, или же наоборот, Аврелиан, став императором, так высоко вознес тестя?

Об отношении Аврелиана к двум самым близким ему женщинам сообщает лишь одно единственное упоминание в его биографии, помещенной в труде «Авторов истории Августов» (Scriptores Historiae Augustae). Там сказано, что он ежегодно дарил жене и дочери подарки, как каждый обыкновенный

человек. Здесь имеется в виду римский обычай в конце года, в последние дни празднования сатурналий, дарить друзьям и родным небольшие глиняные фигурки, которые назывались sigillaria. И сами праздники, и обычай дарить подарки живы и поныне – только под иным названием.

Урбика

Magnia Urbica
Жена императора Каринуса, правившего в 283-285 гг.
Получила титул августы.
Имела сына.

Преемниками Аврелиана в 275-283 гг. были Тацит, Флориан, Проб, Кар. Они сменялись на троне быстро и так же быстро уходили из жизни – насильственной смертью. Последний из них, Кар, умер при невыясненных обстоятельствах, даже ходил слух о том, что его ударило молнией. Если же говорить об их женах, то нам даже имена их не известны. Не сохранилось ни монет, ни надписей, и даже писатели о них умалчивают. Однако доподлинно известно, что у Кара было двое сыновей, Ну- мериан и Карин. Они пришли к власти после смерти отца, будучи примерно тридцатилетними мужчинами, так что их отец должен был вступить в брак около 250 г. Жена Кара скорее всего либо умерла, либо развелась с ним еще до того, как он стал императором, то есть до 282 г. И это бы объясняло, почему не сохранилось никаких монет и надписей с ее именем. Некоторые считают, что ее дочерью была Аврелия Павлина, которая в одной из сохранившихся надписей упоминается вместе с Карином и Нумерианом. А поскольку дочери часто брали родовое имя матери или какую-то его часть, то, возможно, что жену Кара звали Павлиной.

Так что первой императрицей после жены Аврелиана Ульпии Северины, о которой мы можем с полной уверенностью сказать, что она существовала, и после которой остались следы в виде монет и надписей, была жена Карина – Магния Урбика. С ее именем сохранилось немало монет и надписей в разных частях империи. На одной из них рядом с женской фигурой, символизирующей императрицу, стоят двое детей, а надпись гласит: Pudicitia – Felicitas – Скромность – Счастье. Однако это счастье продолжалось недолго. Сын Урбики Негриниан умер очень рано, еще до того, как отец его пришел к власти, поскольку был причислен к сонму богов. Сам Карин погиб от рук собственных солдат у реки Маргус – нынешняя Морава в Сербии. Произошло это после битвы с Диоклетианом, который покусился на власть, когда брат и соправитель Карина Нумериан умер во время похода против персов. Вся семья была приговорена Диоклетианом к забвению, о чем свидетельствуют надписи со следами удаления их имен, в том числе и имени Урбики.

Приска

Prisca

Жена императора Диоклетиана, правившего в 284-305 гг. Брак был заключен до прихода Диоклетиана к власти.

Имела дочь.

Диоклетиан оказал решающее влияние на создание новой формы государственного устройства римской империи. Мы называем ее доминатом. Он определил принцип совместного правления: два августа и два цезаря, которые через двадцать лет должны сменить августов и в свою очередь назначить себе цезарей, избрав самых достойных. Он ввел новое административное деление империи, новую налоговую систему, новую структуру армии. Верный староримским идеалам, он сурово преследовал христиан как элемент, враждебный государству. Он был единственным римским императором, который добровольно отрекся от власти и стал частным лицом, отстранившись от публичной жизни.

Приска же была первой по прошествии нескольких веков женой императора, которая не получила титула августы, да и никаких других тоже, так что с формальной точки зрения она осталась частным лицом. Ее имя никогда не появлялось на монетах и надписях. Она была также первой супругой римского императора, о которой доподлинно известно, что она была христианкой.

Диоклетиан происходил из низших слоев общества и изначально носил имя Диоклес, родился он на берегах Адриатического моря, в Далмации. У власти он оказался как дослужившийся до наивысших чинов военный после смерти Кара, во время похода против персов. Жена его наверняка также не принадлежала к семье с высоким общественным статусом. Приска вышла за Диоклетиана замуж еще до его прихода к власти, поскольку их единственная дочь Валерия в 293 г. уже вышла замуж, так что родиться она должна была раньше 280 г.

В городе Никомедии в Малой Азии, который был прекрасно отстроен Диоклетианом, использовавшим его в качестве любимого места пребывания, свои дворцы были также у Приски и ее дочери. Когда по приказу императора именно в Никомедии начались систематические преследования христиан, они вынуждены были осквернить себя жертвоприношением – так описывает это свидетель событий, христианский писатель Лактанций. А значит, обе они были христианками, поскольку в ином случае приношение жертв богам никто не счел бы

позорящим кого-то поступком. Возможно, именно христианская вера Приски стала причиной того, что Диоклетиан не пожаловал ей почетного титула августы и не позволял чеканить монеты с ее изображением. А с другой стороны, христиане могли счесть Приску вероотступницей.

Когда в 305 г. Диоклетиан, верный принципам, заложенным им во время реформы государственного строя, сложил с себя императорскую власть, он поселился в построенном им прекрасном дворце неподалеку от места своего рождения, в городе Сплит на побережье Далмации, и занимался в основном огородничеством. Вероятнее всего, Приска пребывала вместе с ним в этой резиденции, достойной августейшего пенсионера. Но она также сопровождала свою дочь Валерию, которая с 293 г. была женой императора Галерия, управлявшего провинциями на Балканах и в Малой Азии. Галерий умер весной 311 г. в Сердике (сегодняшней Софии). С этого момента судьбы Приски и Валерии были сплетены неразрывно – до их трагического конца в 315 г., когда по приказу императора Лициния обе они были казнены и тела их были брошены в море. Обо всем этом более подробно будет сказано в биографии следующей императрицы, Валерии.

Диоклетиан умер в 313 г., а возможно даже и в 316. Так что он, вероятно, был свидетелем страшных унижений, а затем и ужасной смерти своей жены и дочери.

Валерия

Galena Valeria

Вторая и последняя жена императора Галерия, правившего в 293-311 гг.

Получила титул августы.

Отец Валерии Диоклетиан и мать Приска вступили в брак, вероятнее всего, не позднее 280 г., поскольку уже в 293 г. она уже вышла замуж за Галерия. Галерий родился в окрестностях Сердики – современной Софии. Поговаривали, что в молодости он был пастухом. Вступив в армию, он быстро сделал карьеру, а затем связал свою судьбу с Диоклетианом, который в 293 г. возвел его в ранг цезаря, доверив управление балканскими и частью восточных провинций. Для этого Галерию, однако, пришлось развестись со своей первой женой, даже имя которой нам не известно, хотя она уже родила ему дочь, Валерию Максимиллу, и жениться на Валерии, дочери Диоклетиана. Когда тот в 305 г. отрекся от власти, Галерий вместо него стал императором-августом, а на освободившееся место цезаря назначил своего племянника, Максимина Даза. В том же году Валерия получила титул августы, став, таким образом, полноправной императрицей. В этом плане она вознеслась выше своей матери, которая так и не получила никаких титулов. Сохранились надписи, сделанные в честь Валерии, чеканились монеты с ее изображением. На реверсе одной из серий виднеется фигура богини Венеры, а также надпись Veneri victrici – Венера Победоносная. Возможно, что в этом супружестве Венера действительно играла какую-то роль, поскольку Галерий сделал красивый жест по отношению к жене: из провинции Паннония (современная Венгрия) он выделил отдельную провинцию и назвал ее именем Валерии.

К сожалению, брак этот остался бездетным. И Валерия сделала красивый ответный жест, усыновив сына любовницы своего мужа, Кандидиана. Мальчику в 305 г. было 9 лет, однако его уже обручили с дочерью Максимина Дазы, которая была еще младше него – несмотря на то, что они были довольно близкими родственниками. Но здесь все решали политические соображения: речь шла прежде всего об укреплении взаимосвязей между соправителями еще и родственными узами. Действительность же очень скоро показала, как мало значения имел этот факт.

В мае 311 г. Галерий умер в Сердике в страшных муках, скорее всего став жертвой рака. Лактанций в своем труде «Как умирали преследователи» с истинно христианским наслаждением

подробнейшим образом расписывает страдания императора в последние дни его жизни. В глазах писателя Галерия не спасло даже то, что он успел издать эдикт о терпимости, сделав это двумя годами ранее миланского эдикта императора Константина. По мнению Лактанция, император посмел поднять руку на Божьих людей и уже поэтому обязан был принять муки за свое преступление.

Умирающий император вверил жену и сына опеке своего друга и соправителя Лициния. Тот управлял придунайскими провинциями, а сразу же после смерти Галерия взял на себя и правление балканскими провинциями. Однако Валерия по каким-то причинам ему не доверяла. Она переселилась на восток, к Максимину Дазе, который к тому времени занял всю Малую Азию. Мать, по всей вероятности, отправилась вместе с дочерью. С этого момента и началось трагическое развитие событий. Лактанций так описывает происходившее: «Валерия считала, что во владениях Максимина Дазы окажется в безопасности, поскольку он был женат. Но проклятая бестия тут же запылала страстью. И хотя женщина все еще носила черное и время положенного траура еще не закончилось, он отправил к ней людей с требованием, чтобы она немедленно вышла за него замуж. Он готов был оставить жену, если бы получил согласие Валерии. Но та искренне ответила так, как следовало ответить. Сказала, что ни о каком браке не может даже помышлять, будучи в трауре, когда не остыл еще прах ее покойного мужа. И добавила, что отвергать верную жену – поступок безбожный, и ее бы наверняка в будущем ждало то же самое. И наконец, что было бы просто неслыханным, если бы женщина с ее именем и положением взяла себе второго мужа вопреки всем обычаям и традициям. Максимину передали все, что она посмела сказать. Страсть его тут же обернулась яростью и ненавистью. Он подписал Валерии приговор, отобрал имущество, лишил спутников, пытал и убил евнухов, а ее саму вместе с матерью отправил в ссылку, да к тому же не в какое-то заранее определенное место, а зловредно заставлял переезжать то туда, то сюда, а всех подруг ее покарал смертью – якобы за прелюбодеяние.

Валерия сумела тайно уведомить Диоклетиана о своей несчастной судьбе. Тот через своих послов просил отдать ему дочь, но все было напрасно, хотя он умолял не один раз, в том числе и через одного из своих родственников, очень влиятельного военного человека. Но и тот вернулся ни с чем».

Но самое худшее было еще впереди, и как раз после смерти Максимина. Весной 313 г. под Адрианополем он потерпел

поражение в битве с Лицинием, а через несколько месяцев после этого скончался в Малой Азии, в городе Таре. Говорили, что умер он в страшных муках, что с явным наслаждением смакует все тот же Лактанций. Одержавший победу Лициний решил, что ему необходимо обеспечить политическое будущее своей семьи, убрав с дороги всех, кто так или иначе был связан с Максимином. Были убиты его восьмилетний сын и малолетняя дочь – невеста Кандидиана, а их мать утопили в водах сирийской реки Оронт.

В этой ситуации Валерия проявила удивительную отвагу и искреннюю привязанность к своему пасынку Кандидиану. Она стремилась быть рядом с ним и позаботиться о его судьбе. Переодетая, она тайно сопровождала свиту Лициния, который уже был в Малой Азии – в Никомедии, где в это время находился Кандидиан, который поначалу был окружен надлежащим почетом и не подозревал ничего дурного. Но его ждала смерть. Услышав о его гибели, Валерия сумела бежать. В течение 15 месяцев она скрывалась вместе с матерью, переодевшись в скромные одежды и переезжая из одной провинции в другую. Схватили их обеих в Салониках. Там, приговоренные к смерти, они шли к месту казни, сопровождаемые толпами сочувствующих. Обеим женщинам отрубили головы, а тела их бросили в море. В этом случае Лактанций проявил хотя бы минимум такта, не упрекая их в том, что встретившая их кара была справедливым наказанием за отступничество от веры во время преследований.

Случилось это в 315 г. Диоклетиан к тому времени, скорее всего, был уже мертв.

Эвтропия

Eutropia

Жена императора Максимиана, правившего в 285-305 гг., а затем в 307-311 гг.

Максимиан был ее вторым мужем.

Брак был заключен до 280 г., то есть до его прихода к власти.

От первого брака имела дочь, от второго – сына и дочь.

Эвтропия родилась в Сирии, вероятнее всего – в греческой семье, на что указывает ее имя. Ее первый муж также, скорее, имел восточные корни, так как получил прозвище Ганнибалиан, выдающий семитское происхождение. Несомненно, он служил в армии вместе с Максимианом и очень скоро уступил жену Максимиану, хотя у них уже была дочь Теодора. Покинула ли Эвтропия Ганнибалиана добровольно, и это произошло с согласия всех троих, либо мужчины решили вопрос между собой, даже не спросив ее мнения? Во всяком случае, все прошло без неприятных последствий, если говорить о взаимоотношениях между бывшим и настоящим мужем Эвтропии, поскольку сразу же после прихода к власти Максимиан назначил Ганнибалиана своим префектом преторианцев – то есть практически наивысшим чиновником в своей части империи. Конечно, можно считать назначение на эту должность чем-то вроде жеста благодарности за то, что тот отдал ему жену, однако брак Эвтропии с Максимианом должен был быть заключен еще до 280 г., поскольку дети от этого союза, сын Максенций и дочь Фауста, после 290 г. уже могли вступать в брак.

Максимиан родился не позднее 250 г. в бедной семье в окрестностях города Сирмия на реке Саве. В армии он встретился и подружился с Диоклетианом. В 285 г. Диоклетиан сделал его цезарем, а в следующем повысил до ранга августа и поручил управление западными провинциями. В качестве полководца он прекрасно проявил себя, успешно подавляя мятежи и отражая набеги варваров. В 305 г. по примеру Диоклетиана ему пришлось отречься от императорского пурпура. Сделал он это в Милане и поселился в своем поместье на юге Италии. Однако он отказался от власти крайне неохотно, и как только в 306 г. в Риме его сын Максенций объявил себя императором, он встал рядом с ним в качестве второго августа. Затем между ними произошел конфликт. Максимиан отправился в Галлию, которой в то время правил Константин, а затем снова на какое-то время отказался от власти, но не надолго – вскоре он вновь пытался надеть пурпурную мантию, пока Константин воевал на Рейне. Он был захвачен народом в Марселе, лишен власти и выдан Константину,

по приказу которого и был убит – Максимиана повесили, пытаясь выдать смерть за самоубийство. Отвратительный пример болезненного старческого честолюбия и судорожного цепляния за власть.

И в течение всех этих лет, так богатых на всяческие бурные события, Эвтропия по всей вероятности находилась в Риме рядом со своим сыном Максенцием. Но тут дело дошло до войны с Константином, и в 312 г., потерпев поражение в битве у Мульвийского моста поблизости от Рима, Максенций утонул в Тибре во время отступления. Его отрубленную голову воины победившего императора насадили на копье и носили так по улицам столицы, а имя его приговорили к забвению.

И тогда произошло нечто неслыханное. Эвтропия, мать убитого в столь драматических обстоятельствах и поруганного после смерти Максенция, заявила, что он вообще не был ее и Максимиана сыном! Она утверждала, что сама коварно подменила его во время родов, так как очень хотела удержать при себе мужа, родив ему страстно желаемого сына. А это означало, что Константин имел все законные основания выступить против Максенция, поскольку у подкидыша неизвестного происхождения не было никаких прав на власть. Императрица решилась на это признание по вполне понятным причинам: она пыталась таким образом спасти свое положение и положение своей дочери Фаусты, которая была женой победителя. Редкий случай в истории государства, причем не только римского, чтобы мать таким образом отрекалась от собственного ребенка.

А Эвтропия уже тогда была (или стала вскоре после этих событий) христианкой. Она поселилась в Палестине, неподалеку от своей родины, и в 325 г. доказала свое религиозное рвение.

Поблизости от Хеврона находилось местечко Мамре, ныне Рамат аль Халил, куда стекалось множество пилигримов, которых привлекала туда легенда о том, что под здешним дубом некогда поставил свою палатку Авраам, расставшись с Лотом, и именно здесь снизошел к нему Господь, предрекая величие его и Сарры рода, а также гибель Содома и Гоморры. Христианский писатель Созомен утверждает, что посещали это место и жаждавшие почтить Авраама евреи, и язычники – поскольку здесь спускались на землю ангелы, которых они считали богами, и христиане – потому, что здесь произошло богоявление. Проходившие здесь ежегодно торжества имели, в сущности, языческий характер – приносились жертвы из самого удачного за год приплода, устраивалось угощение. Однако ничего неприличествующего там не происходило, как замечает Созомен, хотя мужские и женские палатки и стояли рядом. На всем огромном поле не было ни

одной постройки, кроме той, что стояла у дуба – той, что якобы некогда принадлежала Аврааму. Там же был и колодец. Во время празднеств воду из этого колодца не брали – одни гасили в нем горящие свечи, другие выливали в него вино, масла и бальзамы, кидали хлеб, а третьи бросали монеты.

Однажды это увидела Эвтропия, сильно возмутилась и донесла обо всем императору Константину. А тот незамедлительно отправил епископам Палестины письмо, начинавшееся так: «Моя богобоязненная теща совершила богоугодный поступок, уведомив нас в письме, что у вас все еще живо проклятое безумие». Выполняя требование императора, епископы Палестины разрушили тамошние алтари, сожгли деревянных идолов и приступили к строительству церкви. Церковь была построена, но языческие обряды исполнялись в Мамре еще долгое время после этого. Сегодня на месте всех этих построек, в большинстве своем разрушившихся от старости, располагаются православный храм и монастырь, но можно увидеть также и колодец, остатки стен, алтарь и даже древний дуб.

Во всей этой истории с Мамре представляют особый интерес три момента. Во-первых, это, по всей вероятности, самый старый документально подтвержденный пример решительного вмешательства римской императрицы в борьбу за искоренение старых языческих традиций. Во-вторых, он показывает, насколько верны были первохристиане второй заповеди, строжайше запрещающей поклонение любым изображениям, которые они беспощадно уничтожали, даже если в них можно было узреть лишь скульптуры ангелов. И наконец, в-третьих, описание обрядов и празднеств в Мамре доказывает, сколь живучи некоторые разновидности религиозных обрядов, которые проходят сквозь века, лишь изменяя свое название.

Теодора

Flavia Maximiana Theodora

Жена императора Констанция I, правившего в 293-306 гг.

От этого брака имела шестерых детей – троих сыновей и трех дочерей.

Теодора была дочерью Эвтропии от ее первого брака с Ганнибалианом и падчерицей императора Максимиана. Брак с Констанцием наверняка был заключен еще до 293 г. и определенно имел политические причины, как и все браки в семьях соправителей того времени. Такова была воля Диоклетиана. Поскольку Констанций правил западными провинциями, и прежде всего Галлией, и пребывал в основном в Тревире, там же должна была жить и Теодора. Она родила мужу шестерых детей: сыновей Далмация, Юлия Констанция и Ганнибалиана (конечно, названного так в честь деда) и дочерей Констанцию, Эвтропию и Анастазию. Обращает на себя внимание последнее из имен, явно связанное с греческим словом anastasis, что означает воскрешение. Могло ли это свидетельствовать об интересе императорской четы к христианской религии? Во всяком случае факты свидетельствуют о том, что в провинциях, которыми правил Констанций I, преследований христиан практически не было.

Констанций умер в 306 г. в Британии, в городе Эбуракум (современном Йорке). Власть от него перешла к его первенцу Константину, рожденному от его первого брака с Еленой. Отношения Константина со сводными братьями и сестрами не всегда складывались наилучшим образом, что, впрочем, вполне понятно. Дочери Теодоры вышли замуж. Известно, что Констанция стала женой императора Лициния, а Анастазия поселилась с мужем в Константинополе и построила там бани, названные ее именем. О судьбе самой Теодоры источники умалчивают. Скорее всего, она умерла вскоре после мужа.

Максимилла

Valeria Maximilla

Первая и единственная жена императора Максенция, правившего в 306-312 гг.

Имела двоих сыновей.

Максимилла была дочерью императора Галерия от его первого брака с женщиной, имя которой нам не известно. Родилась Максимилла ранее 280 г., а вышла замуж приблизительно в 290 г. – за Максенция, сына Максимиана. Диоклетиан, выбирая себе соправителей – августов и цезарей, – обращал особое внимание на то, чтобы теснее связывать между собой узами брака как их самих, так и их потомство. В момент заключения брака Максенцию было около 15 лет, Максимилла была чуть младше него. Их первенец родился около 295 г. и получил имя Ромул. Имя это было ему дано не с мыслью об основателе Рима, а в честь матери Галерия Ромулы. Затем появился на свет еше один сын, имени которого мы не знаем.

У дороги Via Labicana, ведущей из Рима на юг, сохранились две короткие надписи, видимо помещенные здесь когда-то рядом со статуями Максимиллы и Максенция. Обе надписи повелел сделать их сын Валерий Ромул. Первая надпись посвящена «господину и отцу моему Марку Валерию Максенцию, достойнейшему мужу, отцу наимилостивейшему, от любимого и любящего сына». Вторая – «Валерии Максимилле, благороднейшей женщине, дражайшей матери, с любовью за любовь». Сделаны обе надписи не позднее 305 г., поскольку уже в следующем году Максенций стал императором, и тогда уже его имя должно было бы сопровождаться соответствующими титулами.

Ромул был любим своими родителями. Будучи еще совсем юношей, он успел уже дважды побывать консулом, а после его безвременной смерти в 309 г. он был причислен к сонму богов. Отец возвел ему храм и названный его именем стадион у Аппиевой дороги – там же, где находился его загородный дворец. Неизвестно, как сложилась судьба Максимиллы и ее второго сына после трагической смерти Максенция, утонувшего в водах Тибра во время битвы с Константином у Мульвийского моста. Возможно, они остались в живых и продолжали жить как частные лица. Помочь им в этом могла Фауста, сестра Максенция и жена победителя – Константина.

Елена

Fulvia Iulia Helena

Была любовницей, или женой правившего в 293-306 гг. императора Констанция до его прихода к власти.

Около 325 г. получила титул августы.

Имела одного сына.

Елена родилась чуть позже 250 г., скорее всего в городке Дрепанон в Малой Азии, в провинции Вифиния, протянувшейся между побережьями Черного и Мраморного морей. По происхождению она явно была гречанкой. Впоследствии этот городок по повелению ее сына был переименован в ее честь в Еленополис. В молодости она была либо хозяйкой таверны, либо просто в ней прислуживала. Видимо, как раз там она и познакомилась с будущим императором Констанцием, который в то время был офицером высокого ранга. Их единственный сын Константин родился не позднее 280 г. в городе Наисс на реке Мораве в нынешней Сербии. Когда, много лет спустя, Константин пришел к власти, некоторые утверждали, что Елена была женой его отца, стремясь этим угодить императору. Однако маловероятно, чтобы офицер настолько высокого ранга женился на женщине низкого происхождения. Однако стоит заметить, что военные пользовались особыми привилегиями: их внебрачные дети приравнивались к рожденным в законном браке.

Констанций расстался с Еленой еще до того, как пришел к власти, поскольку по велению Диоклетиана заключил брак с Теодорой – падчерицей Максимиана, своего боевого товарища, который с 293 г. стал его соправителем в западной части империи. Когда в 306 г. Констанций умер в Британии, его сын, Константин, провозгласил себя императором и стал постепенно расширять свою власть с западных провинций на всю империю в целом. Правителем всей империи он стал в 324 г. С самого начала правления Константина стало возрастать значение Елены, поскольку сын относился к ней с искренним почтением и буквально на каждом шагу это показывал. Одной из причин столь демонстративного возвышения матери Константином, вне всякого сомнения, был тот факт, что оба они в течение многих лет вынуждены были сносить унижения, когда место Елены рядом с отцом заняла Теодора и ее дети, а ему самому тем временем пришлось быть заложником у Диоклетиана и Галерия.

Елена пребывала при дворе своего сына. Одни утверждали, что именно под ее влиянием Константин постепенно становился все более ревностным христианином. Другие же считали, что все

было с точностью до наоборот. Благодаря пожалованиям императора Елена стала владелицей огромных земельных владений в разных частях империи, она также могла свободно пользоваться его казной. На эти деньги она поддерживала христианские общины, строила церкви, особенно в новой императорской столице – Константинополе, щедро одаривала друзей, жертвовала средства на нужды армии.

Сначала мать императора именовали nobilissima femina – благороднейшая женщина, а примерно в 325 г. по милости сына она получила титул августы. В ее честь воздвигались статуи, вырезались В камне напыщенные надписи – такие как, например, «Госпоже нашей Флавии Юлии Елене, наиблагочестивейшей августе, родительнице господина нашего Константина, счастливейшего и наимилостивейшего августа, бабке Константина и Констанция – счастливейших и наипрекраснейших цезарей, от правителя округа Юлия Максима, безраздельно преданного и преклоняющегося перед ее великолепием и благочестием». Чеканились и монеты с ее именем и изображением. Однако на них, так же впрочем, как и на монетах самого Константина, не было никаких христианских символов. Текст надписи – «Всеобщий мир и Безопасность». Одной из своих дочерей император дал имя матери – Елена.

Однако отношения в семье первого императора-христианина были весьма далеки не только от христианских идеалов мира и взаимной любви, но даже от элементарной доброжелательности. Вполне понятно, что Елена не могла питать теплых чувств к Теодоре, женщине, которая заняла ее место рядом с Констанцием, а также и к ее многочисленному потомству – все они были очень опасными потенциальными соперниками ее сына в борьбе за власть. Не любила она и жену сына, Фаусту, что, впрочем, достаточно типично для внутрисемейных отношений между свекровью и невесткой во всех странах и во все эпохи. Однако к внуку Криспу Елена питала искреннюю привязанность. Мальчик родился от внебрачной связи Константина и некой Миневрины. О ней нам ничего не известно кроме имени. Родился он еще до того, как Константин пришел к власти. На него возлагались огромные надежды – до тех пор, пока в 326 г. не произошла страшная трагедия, и юноша был казнен по приказу отца. Было ему в тот момент чуть больше двадцати лет. Причиной трагедии, как говорили, стали козни императрицы Фаусты, которая обвинила Криспа в попытке соблазнить ее. Елена, шокированная смертью внука, в свою очередь обвинила Фаусту в прелюбодеянии. И император этому обвинению поверил. Фауста была коварно и жестоко убита. Об этом будет подробнее

рассказано в ее биографии.

Вскоре после этого Елена стала одной из первых императриц, совершивших паломничество в Святую Землю. Этим ставшим впоследствии знаменитым паломничеством, о котором часто вспоминают в разных источниках, она создала новый образец благочестия и пример для подражания для многочисленных пилигримов последующих времен, до сегодняшнего дня включительно. С огромной признательностью говорилось о ее благотворительной деятельности в Палестине, а также о скромности, примером которой она стала, когда, пригласив на прием монахинь, сама им прислуживала. Однако прежде всего она стремилась удовлетворить свое благочестивое любопытство, посещая места, связанные с жизнью Христа. В Вифлееме она разыскала пещеру, где он родился, посетила место его распятия и могилу в Иерусалиме, где произошло его воскресение. Несомненно, именно с этим паломничеством связано строительство первых храмов в этих местах, а также на Масличной горе.

Несколько позже начали говорить, что и древо Святого Креста нашла тоже Елена. Утверждали, что она обнаружила остатки трех крестов. На котором из них был распят Иисус, определили, касаясь кусочком от каждого креста тела тяжело больной женщины – только один из трех сразу сотворил чудо исцеления, а возможно даже и воскрешения. Часть креста осталась в Иерусалиме, а другую часть императрица забрала с собой в Константинополь, так же как и гвозди с креста и табличку, которая была к нему прибита.

И хотя современники Елены, среди которых был и Евсевий Кесарийский, христианский историк, живший в Палестине, совершенно умалчивают об обнаружении каких-либо бесценных реликвий, однако с годами эта история обрастала все большим количеством деталей и подробностей, сформировавшись окончательно к концу IV века – практически через два поколения после смерти Елены. Рассказ этот имел огромное значение для создания и закрепления той специфической формы проявления благочестивости, каковой является разыскивание и окружение поклонением действительных или же мнимых реликвий.

Елена умерла приблизительно в 330 г., вернувшись из путешествия по святым местам. Она прожила около восьмидесяти лет. Сын был рядом с матерью, когда она умирала.

Останки Елены наверняка упокоились в римской гробнице у дороги Via Labikana, неподалеку от того места, где находился ее дворец. Это был целый комплекс, строить который начал еще Септимий Север, и где впоследствии часто бывал Гелиогабал. Все

постройки комплекса, в состав которого входил собственно дворец, а также амфитеатр и термы, именовались общим названием sessorium. Сохранившаяся надпись свидетельствует о том, что термы его были отстроены после пожара как раз императрицей Еленой. Сегодня от них остались лишь руины. А большой зал дворца после ее смерти был переделан в храм, который известен ныне как базилика Святого Креста в Иерусалиме. В крипте храма стоит статуя, представляющая Елену с крестом в руке. В действительности это статуя Юноны, найденная некогда в Остии, которой заменили голову и приделали руки вместе с крестом. Вот уж истинный символ бренности и одновременно преемственности религиозных культов.

Спустя примерно сто лет после смерти Елены ее стали считать святой в восточной части империи, а в западной ее признали святой в IX веке. Поклонению, которым окружено ее имя, не помешал даже тот факт (о котором до сегодняшнего дня умалчивают как жития святых, так и серьезные энциклопедии), что Елена была виновницей смерти Фаусты и что она была ярой сторонницей арианства, той самой доктрины, сформулированной Арием в начале IV века, которая гласила, что Иисус был не сыном, а совершеннейшим созданием Бога, и которая была объявлена ересью Никейским собором 325 г.

Фауста

Flavia Maxima Fausta

Вероятнее всего, первая и единственная жена императора Константина Великого, правившего в 306-337 гг.

В 325 г. получила титул августы.

Была убита по приказу мужа в 326 г.

Имела двух или трех сыновей и двух дочерей.

Фауста родилась в Риме не ранее 290 г. Она была дочерью императора Максимиана и его второй жены Эвтропии. Ее обручили с Константином, когда оба они была еще детьми. Известно, что это обручение было представлено на символической картине в императорском дворце в Аквилее – на ней маленькая девочка с трудом протягивала мальчику золотой шлем, украшенный драгоценными камнями и плюмажем из перьев. Свадьба состоялась лишь в 307 г. Скорее всего, это событие произошло в Арелате (сегодняшний Арль), в Южной Галлии.

Во время свадебной церемонии, как это было принято в то время (традиция эта дошла и до наших дней), была произнесена торжественная речь, текст которой полностью сохранился. Речь эта не совсем обычна для такого случая, поскольку представляла собой не поздравление и пожелания молодым, а панегирик в честь тестя – императора Максимиана и его зятя Константина. Так что перед нами нечто вроде политического манифеста, гласящего самыми разумными словами, какое же счастье ждет римлян и всю империю благодаря укреплению власти обоих победоносных, великолепных, питающих друг к другу искреннюю дружбу императоров, с этого момента связанных еще и семейными узами. И, по правде говоря, автор был совершенно прав, акцентируя внимание именно на этом аспекте свершившегося брака. Он был своеобразной политической сделкой, благодаря которой оба правителя подтверждали правомочность своих императорских титулов, крайне сомнительную с юридической точки зрения. О невесте в панегирике автор едва упомянул, зато не преминул подробнейшим образом описать ту картину в аквилейском дворце и выразить надежду на то, что от этого брака родятся потомки, которые принесут счастье и родителям, и всему миру.

Чтобы жениться на Фаусте, Константину пришлось расстаться с женщиной, с которой он жил до этого. Звали ее Минервина и она, вероятнее всего, была его любовницей, а не официальной женой. Источники никаких подробностей о Минервине не

сообщают, хотя она была матерью первенца Константина – Криспа. В момент женитьбы отца на Фаусте он был подростком, ненамного моложе своей новой мачехи. И никому из участников пышных свадебных трожеств даже в голову не могло прийти, как вскоре повернутся судьбы Максимиана, Фаусты, Криспа!

В период с 307 по 312 г. Фауста вместе с мужем пребывала в Галлии, где его главной резиденцией был Тревир. Константин победоносно воевал с германцами, а тем временем обуревавшая Максимиана жажда власти осложняла внутреннюю ситуацию. Сначала он пожелел отстранить от власти в Риме собственного сына – брата Фаусты Максенция. После этого он отрекся от императорской власти. И наконец, в 310 г. он прибыл в Галлию, где попытался подбить стоявшие на юге войска на мятеж против собственного зятя Константина, пока тот воевал на Рейне. Однако в Марселе Максимиан попал в руки Константина, а вскоре после этого был найден повешенным. Официальная пропаганда объявила эту смерть самоубийством, хотя в действительности речь, скорее всего, шла об убийстве по политическим мотивам. Распускали слухи, что Максимиан до последней минуты продолжал плести интриги против своего зятя, пытаясь втянуть в них еще и Фаусту. Говорили, что Максимиан убеждал ее оставить открытой дверь в супружескую спальню и таким образом помочь его убить, но Фауста рассказала об этом плане Константину. В императорской постели вместо Константина оказался евнух, а Максимиана поймали с ножом в руке, когда он пытался нанести смертельный удар. Эта не слишком правдоподобная история должна была объяснить и оправдать устранение императорского тестя при столь таинственных обстоятельствах. Надо признать, что Константин был мастером фабрикации подобных слухов, которые должны были разъяснять общественному мнению те или иные его политические шаги. После этого первого преступления Константина против члена собственной семьи, совершенного спустя всего три года после его свадьбы с Фаустой, не за горами были и другие, еще более ужасающие.

Тем временем разгорался конфликт между Константином и правителем Рима Максенцием. Летом 312 г. Константин вторгся в Италию, а уже в конце октября он одержал победу над своим противником в битве у Мульвийского моста неподалеку от Рима. Максенций утонул в Тибре, а его отрезанную голову солдаты триумфально носили по всему городу – наверняка не без ведома и согласия победителя. Эту битву впоследствии сочли (и считают до сих пор) первой победой христианского правителя Константина над язычником Максенцием – то есть одной из решающих побед в истории. Но при этом забыли, что Максенций

вовсе не был врагом новой религии! Так что идеологию под этот конфликт подвели спустя много лет. И это еще один пример успешной пропаганды Константина.

В течение всего лишь двух лет Фауста потеряла отца и брата – оба они погибли если и не от руки ее мужа, то по его приказу. Тем временем ее мать, Эвтропия, отреклась от Максенция, публично заявив, что он был всего лишь подкидышем, которого она воспитала, поскольку ее муж так жаждал иметь сына. Возможно, однако, что эта женская ложь сыграла свою положительную роль: Константин не удалил от себя Фаусту, хотя с политической точки зрения она была ему уже не нужна.

В начале 313 г. в Милане состоялась встреча Константина, владевшего к тому времени уже всей западной частью империи, с Лицинием, правившим большей частью восточных провинций. На этой встрече они фактически договорились о разделе империи. Чтобы подкрепить договоренность, Константин там же выдал за Лициния свою сводную сестру Констанцию. Было решено вести согласованную политику по отношению к христианам, и результатом этого решения стал знаменитый миланский эдикт, который, по правде говоря, был практически копией изданного за два года до этого эдикта Галерия.

Фауста наверняка приезжала в Милан, хотя бы для того, чтобы участвовать в свадебных торжествах. Она наверняка с одобрением встретила Миланский эдикт о свободном вероисповедании для христиан, поскольку и сама она симпатизировала христистианам. Это она доказала в 313 г., предоставив свой римский дворец для заседаний епископского синода. Он был созван в связи с угрозой раскола в христианских общинах африканских провинций. Эта схизма вошла в историю под названием донатизма – по имени ее инициатора, епископа Карфагена Доната.

Дворец Фаусты стоял на латеранском холме – поблизости от сегодняшнего собора Святого Иоанна Крестителя на Латеранском холме. Незадолго до Второй мировой войны там проводились археологические раскопки, во время которых были обнаружены остатки дворцовых построек, в том числе и большого зала. Возможно, это как раз и был дворец Фаусты, в зале которого заседал синод. Об отношении Фаусты к христианству следовало упомянуть еще и потому, что позднее, уже в византийскую эпоху, получила распространение совершенно абсурдная история о том, что она якобы пыталась отвратить Константина от новой веры, за что Бог покарал ее проказой.

Брак Лициния с Констанцией не дал никакого политического эффекта, поскольку Константин сам стремился к конфликту. И в

317 г. дело дошло до битвы в Паннонии у городка под названием Ци- балы (Кибалы). Разбитому в ней Лицинию пришлось уступить победителю часть придунайских провинций.

Этот год был удачным для Константина и Фаусты также и в плане семейном: 7 августа в Сирмии на реке Саве появился на свет их первенец, получивший имя деда – Констанций. Однако в источниках есть сведения и о втором сыне, Константине, причем все они приводят одну и ту же информацию – что родился он в Арелате. Что касается даты его рождения, одни считают, что это случилось в 316 г., другие – что в 317. Если предположить, что верна вторая дата, то Фауста никак не могла быть его матерью, поскольку доподлинно известно, что она родила Констанция, которого везде называют внуком Максимиана, тогда как Константина так нигде не называли. Бросается в глаза и то, что на некоторых монетах и надписях Фаусту именуют Noverca caesarum – мачехой цезарей. Одним ее пасынком, как известно, был Крисп, но кто тогда был вторым? Может быть, имелся в виду как раз младший Константин? А если так, то возникает еще один вопрос: кем была его мать? Маловероятно, что это могла быть мать Криспа Минервина. Но о каких-либо любовницах императора источники умалчивают – возможно, еще и потому, что христианскому правителю иметь их не пристало.

В 320 или 323 г. Фауста родила еще одного сына, Констанса. Даты рождения дочерей, Константины и Елены, нам, к сожалению, неизвестны. Елена, по всей вероятности, была самой младшей из детей и родилась в 325 г. И именно тогда Фауста, которую до сих пор именовали лишь nobilissima femina – благороднейшая женщина, получила наконец титул августы, то есть официально стала считаться императрицей. Стоит обратить внимание на то, что она очень долго не удостаивалась этого титула. Интересно, что было тому причиной, тем более, что она подарила мужу законных наследников – будущих преемников власти? Может, виной тому была неблагожелательность к ней Елены – как к дочери Максимиана и сестре Максенция?

В 324 г. Константин одержал победу над мужем своей сестры и правителем восточных провинций Лицинием, а затем повелел казнить его в Фессалониках – в том же городе, где за десять лет до этого по приказу Лициния казнили жену и дочь Диоклетиана. В войне с Лицинием важную роль сыграл командовавший флотом Крисп – первенец Константина. Но в том же 325 г. этот молодой человек разделил судьбу Лициния – его убийцей был собственный отец.

Эта драма разыгрывалась по канонам античных трагедий, однако, в отличие от них, происходила в условиях исторической

реальности – при дворе, где в атмосфере лицемерия и ханжества плелись всевозможные интриги. Говорили, что императрица Фауста влюбилась в своего пасынка Криспа и пыталась соблазнить его, но была отвергнута. Оскорбленная гордость толкнула женщину на ложное обвинение, и она пожаловалась мужу, что Крисп пытался склонить ее к прелюбодеянию. По приказу Константина его первенца тут же схватили и затем казнили, отрубив ему голову неподалеку от города Пула в Истрии. Так повторился миф о Федре, влюбленной в своего пасынка Ипполита, но отвергнутой им и склонившей своего мужа Тезея отомстить за то, на что якобы отважился Ипполит. Уже в древности обращали внимание на поразительное сходство двух этих историй, однако никто не посмел усомниться в том, что именно таковы были причины, развитие и финал событий. Конечно, сегодня мы можем выдвигать любые предположения и доискиваться до более глубоких причин столь невероятного даже для тех времен преступления, совершенного к тому же якобы христианским правителем. Может, все дело было в заговоре и попытке государственного переворота? А может, Фауста обвинила Криспа, чтобы устранить препятствие на пути к власти для своих сыновей?

Это преступление потянуло за собой и следующее, вина за которое легла как на Константина, так и на его мать Елену. Мать императора, потрясенная гибелью внука, решила отомстить за его смерть и погубить Фаусту. Она обвинила невестку в том, что та повинна в прелюбодеянии, да еще с кем! С посыльным – человеком низкого происхождения. И император поверил. Он расправился с Фаустой на редкость коварно и жестоко. По его приказу евнухи заперли ее в бане и разогревали ее до тех пор, пока бедная женщина не испустила дух. Конечно, можно потом сожалеть, что причиной ее смерти стал несчастный случай. Но никто из современников не сомневался, где надо искать истинного виновника ее гибели.

Ходили слухи, что сам Константин, ужаснувшись совершенным преступлениям, пришел к языческому жрецу и попросил очистить его. Но тот отказал ему, утверждая, что есть такие преступления, которых боги никогда не прощают. И лишь тогда, как гласила молва, император обратился к христианским епископам, а те сказали, что все грехи будут ему отпущены, если он покается и примет крещение. И именно таким способом, по мнению язычников, император сделался приверженцем новой религии.

Конечно, это объяснение изрядно расходится с действительностью, поскольку, уже начиная с 313 г., император

все более открыто поддерживал христианство. Однако правда и то, что он очень долго оттягивал с крещением. Константин крестился лишь на смертном одре – он верил, как и многие его современники, что этот ритуал смоет с него все, даже самые тяжкие, преступления и он предстанет перед Господом безупречно чистым.

В мрачной галерее самых страшных злодеев среди римских императоров особенно выделяются трое, если иметь в виду прежде всего преступления против своих близких. Это матереубийца Нерон, братоубийца Каракалла и, наконец, Константин. На совести этого последнего – жена, сын, тесть, два зятя, не говоря уже о жертвах, не принадлежавших к кругу его семьи. Но поскольку он стал ярым приверженцем единственной истинной религии, провозгласившей своими ценностями любовь к ближнему и запрет убийств, а впоследствии даже открыто принял христианство, ему все простили, за все помиловали и обо всем забыли. Однако, поскольку он был арианином, в формальной канонизации ему было отказано.

Констанция

Flavia Iulia Constantin
Жена императора Лициния, правившего в 308-325 гг.
Возможно, получила титул августы.
Имела сына.

Констанция была одной из трех дочерей императора Констанция I и Теодоры. Родилась она, скорее всего, в Галлии не позднее 300 г. Уже в 311 или 312 г. ее сводный брат, император Константин Великий, обручил ее с императором Лицинием, правителем придунайских и балканских провинций. Таким образом, Константин, готовивший войну против Максенция, хотел подстраховаться от нападения с востока. После победы над Максенцием, в начале 313 г., Константин и Лициний встретились в Медиолане (Милан), и там состоялась свадьба Констанции с Лицинием. Ходили слухи, что на бракосочетание был приглашен и бывший император Диоклетиан, который в то время жил как частное лицо в своем дворце в Далмации. Но тот отказался от приглашения, ссылаясь на преклонный возраст и слабое здоровье. Оскорбленные отказом родители новобрачных не преминули припомнить старику, что он тайно поддерживал их врагов. И эти зловещие намеки привели Диоклетиана в такой ужас, что он совершил самоубийство, уморив себя голодом, лишь бы только избежать смертного приговора и позорной казни. И если считать эту историю невыдуманной, то получается, что свадьба Констанции стала косвенной причиной гибели

Диоклетиана. Но мы никогда не узнаем, правда это или ложь, тем более что неизвестен даже год и точная дата смерти Диоклетиана.

В момент женитьбы на Констанции Лицинию было уже не менее сорока лет, тогда как ей было никак не больше пятнадцати. Разница в возрасте была очень велика, даже для тех времен, когда считалось, что жених обязательно должен быть старше невесты. И что еще хуже, Лициний был простолюдином, он происходил из низов общества и даже не получил почти никакого образования. Свое презрение к деятелям культуры и просто к образованным людям он демонстрировал злобно и неприкрыто, называя их заразой и отравой общества. Лициний был человеком жестоким, склонным к внезапным вспышкам гнева, а его любимым занятием были самые вульгарные развлечения. При всем при этом он, и этого никто не отрицает, сочувствовал простому народу, и прежде всего крестьянам, и прекрасно поддерживал дисциплину в армии.

В браке с Лицинием Констанция родила сына. Он родился

летом 315 г. и уже через 20 месяцев после рождения получил титул цезаря. Лициний тогда как раз праздновал десятилетие своего правления, хотя власть его была существенно ограничена после того, как он потерпел поражение в Паннонии от Константина Великого.

Учителем сына Констанции стал Флавий Оптат, сделавший впоследствии головокружительную карьеру. Он женился на красавице – дочери богатого хозяина таверны и после окончательного падения Лициния благодаря деньгам тестя и красоте жены стал при Константине патрицием и даже консулом – что, впрочем, не спасло его впоследствии от трагической кончины.

Лициний и его жена пребывали в основном в малоазиатском городе Никомедия. Тамошний епископ Эвсебий был ярым приверженцем учения Ария и обратил в свою веру также и Констанцию, которая до самой смерти так и осталась арианкой.

Тем временем в 324 г. Лициний потерпел еще одно поражение от Константина Великого и с остатками своих войск укрылся в стенах Никомедии. Констанция взяла на себя защиту мужа и сына. Она одна отправилась в лагерь победителя – своего сводного брата – и получила заверения в том, что с ними ничего плохого не случится, если Лициний сам отречется от императорской власти. Лициний последовал этому совету, но вынужден был теперь оставаться в Фессалонике и жить как частное лицо. Однако уже в следующем году он был там убит по приказу вероломного как всегда Константина. Мотивом убийства послужило то, что Лициний якобы пытался склонить к бунту городской гарнизон. Таким образом, он встретил свою смерть в том же самом городе, где за десять лет до этого сам жестоко расправился с женой и дочерью Диоклетиана.

Но самый страшный удар ждал Констанцию в 326 г., когда Константин приговорил к смерти ее 12-летнего сына. С точки зрения императора этот шаг был неизбежен, поскольку он не мог позволить подрасти возможному мстителю за гибель отца. И он устранил эту угрозу со свойственной ему безжалостностью.

Если верить источникам, сама Констанция пользовалась расположением брата, как будто ничего и не случилось, как будто не по его приказу она потеряла мужа и сына. Именем Констанции был назван город в Палестине, она имела титул Nobilissima femina – «Благороднейшая дама», так что была одной из наиболее высокопоставленных особ в государстве. Констанция в основном посвятила себя вопросам религии. И хотя во время Ни- кейского собора она советовала брату, чтобы он проддержал истинную веру, впоследствии она, однако, снова поддерживала ариан.

Говорили, что именно она убедила брата, который посетил ее, уже сильно больную и страдающую, чтобы тот вернул из изгнания Ария. Во всяком случае, непререкаемым фактом является то, что император открыто поддерживал ариан и крещение принял из рук арианского епископа.

Неизвестно, когда умерла Констанция, но это, несомненно, случилось еще до смерти Константина Великого – то есть до 337 г. Она умерла, как и большинство женщин в те времена, сравнительно молодой, не дожив даже до своего 40-летия.

Олимпиада

Olympias

Много лет была невестой императора Констанса, правившего в 337-350 гг.

Умерла, не дожив до 360 г.

Потомства не оставила.

После смерти Константина Великого в 337 г. империю поделили между собой трое сыновей Константина. Но перед этим они довели до военного мятежа в Константинополе и поубивали сводных братьев своего отца – опасаясь, как бы те не стали их политическими соперниками. Константин II получил Запад, а Констанций II – Восток. Оба они родились в 317 г. Самый младший из братьев, 17-летний Констанс, получил центральную часть империи – то есть Италию, Африку и часть балканских провинций. Двое старших братьев были уже женаты. Оба они вступили в брак незадолго до смерти отца. Известно, что свадьба Констанция была отмечена пышными торжествами, а города и провинции прислали молодоженам дорогие подарки. На свадьбу прибыли даже послы из Индии, которые привезли великолепные драгоценные камни, экзотических зверей, статуи из благородных металлов. Но, как ни парадоксально, о женах этих двоих ничего не известно. Мы даже их имен не знаем. Потомства они также не оставили. Муж первой из них, Константин II, пал в битве со своим братом Констансом уже в 340 г., так что, скорее всего, его вдова с тех пор жила в полном забвении. Жена Констанция II умерла, не дожив до 353 г., поскольку в этом году он женился вторично, но об этом речь пойдет в отдельной главе.

Что же касается третьего сына, то еще при жизни отца его обручили с девушкой по имени Олимпиада – дочерью префекта преторианцев Аблабия. Сам Аблабий погиб от рук своих солдат в 337 г., но помолвка с его дочерью не была разорвана.

Констанс взял невесту с собой на запад, но годы шли, а он под разными предлогами тянул со свадьбой. Его сторонники утверждали, что император не вступает в брак, поскольку больше всего иного стремится хранить чистоту. Он, и правда, был ревностным христианином. Однако истинная причина нежелания Констанса вступать в брак ни для кого не была тайной: император был гомосексуалистом и не скрывал этого. Он предпочитал германских мальчиков, которые пребывали у него при дворе в качестве заложников.

В начале 350 г. в Галлии произошла попытка государственного переворота. Один из высокопоставленных

офицеров, Магненций, провозгласил себя императором. Констанс, покинутый всеми своими сторонниками, бежал, но был настигнут в небольшом городке у подножия Пиренеев и там убит прямо у алтаря.

Олимпиада возвратилась на восток – скорее всего, в Константинополь. Однако пробыла она там не долго, поскольку по велению Констанция II была выдана замуж за короля Армении Арсака. Брак, видимо, оказался не особенно удачным, к тому же ситуацию осложняли типично восточные придворные интриги. И, не дожив до 360 г., Олимпиада умерла. Скорее всего, она была отравлена. Поскольку она ожидала покушения на свою жизнь, то была особенно осторожна с едой, которую ей подавали. Ходили слухи, что ее врагам не оставалось ничего иного, как подсунуть ей яд в облатке, поданной во время причастия.

Евсевия

Flavia Eusebia

Вторая жена императора Констанция II, правившего в 337-361 гг.

Умерла не позднее 361 г.

Не оставила потомства.

Евсевия родилась в Фессалонике (современные Салоники). Отец ее, вероятнее всего, в 347 г. дослужился до должности консула, а братья побывали на этой должности в 359 г. Император Констанций II женился на Евсевии зимой 352/353 г. Он тогда находился в Италии, воюя против самозванца Магненция. Туда же с великолепной свитой привезли из Македонии Евсевию вместе с матерью, там же состоялась и свадебная церемония.

Почему недавно овдовевший император обратил внимание именно на эту девушку? Ее семья, насколько известно, не была связана родственными узами с семьей императора, не отличалась она также ни знатностью происхождения, ни размерами своего состояния. Разумеется, мы никогда не узнаем, по какой именно причине Евсевия попала в поле зрения императора и его советников, но следует заметить, что выбор их оказался на редкость удачным. Практически все современники в один голос утверждают, что Евсевия отличалась красотой и благонравием, а благодаря стараниям матери (отец ее к тому времени уже умер) получила прекрасное образование.

Историк Аммиан Марцеллин, который вполне мог быть знаком с Евсевией лично, пишет: «Красотой и нравственностью она превосходила всех окружающих, и хотя судьба вознесла ее на такую высоту, отличалась простотой в общении». Однако автор труда Epitome de Caesaribus («Эпитомы о цезарях»), писавший свое произведение несколько позже Марцеллина, характеризует ее несколько иначе. Признавая, что Констанций II любил Евсевию больше, чем кого-либо другого, и что она отличалась незаурядной красотой, он все же добавляет: «Вредила она доброму имени мужа своего всеми своими Адаманциями, Горгониями и прочими служанками более, чем это дозволено скромной женщине». Несомненно, эти упомянутые автором Адаманция и Горгония – влиятельные придворные дамы Евсевии. Затем историк высокопарно замечает: «Советы жен нередко помогают мужьям. Помпея Плотина приумножала славу своего мужа в столь значительной степени, что этому даже трудно поверить, не говоря уже об иных примерах». Возможно, эти критические замечания

были вызваны тем, что императрица открыто пользовалась своим влиянием на мужа во благо своих родственников и друзей. Как уже говорилось, в 357 г. братья Евсевии стали консулами, а собственность ее родственников была освобождена от уплаты налогов.

Евсевия, так же как и ее муж, и Константин Великий, поддерживала ариан. Причиной этого называли влияние при дворе одного из арианских священников, но дело было вовсе не в этом. Констанций II поддерживал эту доктрину еще при жизни отца, а Евсевия, как и пристало лояльной жене, разделяла его взгляды. Однако известно, что она также пыталась помочь епископу Рима Либерию, приговоренному к изгнанию во Фракию за его непримиримую позицию по отношению к арианству.

Он, однако, отказался принять у нее деньги, зловредно добавив при этом, что лучше пусть она отдаст их арианским епископам.

Во время одного из епископальных синодов, которые во времена правления Констанция II проводились очень часто, произошло достаточно характерное для придворного церемониала тех времен событие, которое свидетельствовало о нарастании конфликта между светской и церковной властью. Епископы оказывали свое почтение императрице, принимавшей их, как и всех прочих подданных. Не явился на аудиенцию лишь Леонций, епископ одного из городов Малой Азии – кстати, тоже арианин, как и большинство в то время на Востоке. Евсевия дала понять, что она ожидает также и его появления, если он хочет получить ее финансовую поддержку на строительство храма. Епископ в ответ на это поручил передать ей, что все, что императрица делает для епископов, она делает не для них, а для себя самой. Далее он отметил, что готов прибыть к ней на аудиенцию, если она примет его с почестями, приличествующими епископу. То есть она должна встать с трона, когда он войдет в зал, и глубоко ему поклониться, чтобы получить от него благословение, и стоять покорно, пока он займет свое место, сев лишь тогда, когда он даст ей на то разрешение, подав знак. Оскорбленная этим императрица пожаловалась мужу, но тот, как говорили, лишь похвалил епископа за смелость, позволил себе подшутить над ее типично женской реакцией и посоветовал жене заниматься своими женскими делами. Известный церковный историк Наин де Тиллемон, живший в XVII веке, склонявшийся к янсенизму, которому было свойственно особое внимание к простоте и скромности в жизни христианина, пересказывает в своем труде эту историю и при случае слегка упрекает – косвенным образом, однако достаточно явно, – вовсе не Евсевию,

а Леонция. Он делает такое замечание: «Представителю церкви не стоит бороться с чужой гордыней, демонстрируя еще большую собственную». Стоит ли после этого удивляться, что официальная церковь осудила янсенизм?

Важнейшую роль, действительно имевшую большое историческое значение, Евсевия сыграла, оказав решающую помощь молодому человеку из императорской семьи в тот момент, когда решалась его судьба. Этим молодым человеком был Юлиан, впоследствии ставший императором. Его отец, сводный брат Константина Великого, пал жертвой бойни, устроенной в 337 г. Юлиана и его сводного брата Галла, который был чуть старше него, пощадили тогда лишь потому, что они были совсем еще малы. Галл, которого Констанций II впоследствии сделал цезарем и правителем Востока, в 354 г. был обвинен в жестокости и организации заговора, а затем казнен в Пули. Его судьбу мог разделить и Юлиан, хотя он занимался только учебой и держался в стороне от политики. Но он был ближайшим к Констанцию оставшимся в живых мужским представителем правящего семейства и поэтому оказался под строжайшим надзором: император все еще сомневался. Сам Юлиан впоследствии так описывал этот период 355 г.: «В течение целых семи месяцев Констанций таскал меня (за собой) по разным местам, и все это время я постоянно был под стражей. Приказ освободить меня он дал очень неохотно. Я бы не вышел живым из его рук, если бы кто-то из богов не смилостивился надо мной.

И эта милость богов подарила мне благосклонность красивой и доброй императрицы Евсевии».

Почему же Евсевия проявила такую благосклонность к юноше, которого она тогда даже не знала? Возможно, это случилось в результате хитросплетения придворных интриг. Дело в том, что против Юлиана выступал влиятельный придворный – препозит императорской спальни – который был враждебно настроен по отношению к Евсевии, поэтому она сочла своим долгом окружить своей опекой находившегося под угрозой молодого человека.

И, таким образом, благодаря ее заступничеству Юлиан был освобожден из-под домашнего ареста, а впоследствии даже получил разрешение на учебу в Афинах. «Евсевия знала, как сильно я хотел учиться, и понимала, что те места, куда я отправлялся, благоприятствуют серьезным занятиям. И я молился, чтобы бог дал полное благополучие ей, а прежде всего императору, в награду за то, что дали мне возможность увидеть настоящую родину».

В своих любимых Афинах Юлиан, однако, пробыл всего лишь три месяца. Ранней осенью 355 г. он был срочно вызван в Милан, в резиденцию императора. Решался вопрос: как противостоять нашествиям германских племен, от которых страдала Галлия. И здесь опять свою роль сыграла Евсевия, убедив мужа послать туда Юлиана. Зачем она это сделала? Одни утверждали, что она просто боялась путешествия в столь дальние края. Другие считали, что она сознательно продвигала Юлиана, считая, что родственникам всегда следует покровительствовать в первую очередь, предпочитая их посторонним людям. Евсевия считала, что если Юлиан успешно справится с германцами, все скажут, что это заслуга императора, сумевшего совершить правильный выбор. Если же он потерпит поражение и погибнет, то Констанций останется единственной опорой империи и не останется больше никого, кто мог бы претендовать на трон.

Юлиан так вспоминал эти дни: «Приехав в Милан, я поселился на окраине города. Евсевия часто туда ко мне присылала посыльных, заверяя в своем ко мне расположении и призывая смело писать обо всем, что мне только понадобится».

В конце концов, Юлиан вынужден был согласиться принять цезарский пурпур. Церемония состоялась в Милане 6 ноября 355 г. В жизни недавнего студента начался новый период – период дворцового заключения. Больше всего раздражало его отсутствие книг: «У меня их с собой почти не было, поскольку, уезжая из Афин, я думал, что мне очень скоро удастся туда вернуться. И тогда Евсевия прислала мне множество книг разного содержания. Это были и труды философов, и произведения разных писателей, риторов, поэтов. Таким образом, императрица полностью удовлетворила мои желания, хотя я просто ненасытен, когда речь идет об этой разновидности интеллектуального общения. Благодаря ее книгам Галлия превратилась для меня в храм эллинских муз». И эти слова, конечно же, являются самым прекрасным памятником интеллекту самой Евсевии.

В ноябре все того же 355 г. молодому цезарю пришлось исполнить еще один семейно-политический долг: он женился – разумеется, по повелению императорской четы, – на сестре Констанция Елене, которая была по крайней мере на несколько лет старше Юлиана.

В начале декабря Юлиан покинул Милан всего лишь с несколькими сотнями воинов, которые, как он сам позднее писал, молиться умели куда лучше, чем воевать. Одним из них был человек, ставший впоследствии святым Мартином Турским. И, несмотря на это, Юлиан никогда не забывал о расположении к нему Евсевии. Наиболее ярко это выразилось в двух его речах.

Первая из них, произнесенная в 357 г., была прямо-таки панегириком Евсевии, а вторая, адресованная народу Афин, также содержала немало теплых слов об императрице.

Весной 357 г. Констанций и Евсевия находились в Риме. Туда же приехала и жена Юлиана, Елена. Обе высокопоставленные дамы, одна из которых была замужем уже пять лет, а вторая два года, детей не имели. Ходили слухи, что именно тогда, в Риме, Евзевия тайком подсыпала в питье Елены зелье, вызывающее выкидыши, опасаясь, как бы та не родила возможного наследника трона. Сама Евсевия никак не могла забеременеть, и как поговаривали, воспользовалась услугами знахарки, но снадобья, которыми та пыталась ее лечить, стали причиной тяжелой болезни детородных органов, и Евсевия страдала от страшных болей. Пытаясь найти средство, способное облегчить мучения, она пригласила известного в то время терапевта. Им был епископ Теофил. Он родился у границ Индии, а в то время, о котором идет речь, пребывал в изгнании, поскольку навлек на себя немилость императора. Он лечил Евсевию наложением рук, что, конечно же, приносило лишь временное облегчение.

Неизвестно, когда и где умерла Евсевия. Это наверняка случилось не позднее начала 361 г., поскольку именно тогда Констанций женился в третий раз. Евсевия не дожила и до тридцати лет – она умерла слишком рано, как, впрочем, и подавляющее большинство императриц.

Фаустина

Faustina

Третья и последняя жена императора Констанция II, правившего в 337-361 гг.

Имела дочь.

Констанций женился на Фаустине в сирийской Антиохии в конце 360 г. или в самом начале 361 г., вскоре после смерти своей второй жены Евсевии. О семье невесты нам ничего не известно. Фаустина была беременна, когда Констанций внезапно умер естественной смертью в начале ноября 361 г. поблизости от города Таре в Малой Азии. Смерть подстерегла его в тот момент, когда он спешил на запад, чтобы сдержать наступление Юлиана, который в Галлии провозгласил себя императором и уже захватывал балканские провинции.

Таким образом, дочь – единственный ребенок Констанция II – родилась уже после смерти отца. Она получила имя отца – Констанция, и обе они вместе с матерью сразу же оказались в ситуации, когда их жизнь и судьба полностью зависели от милости Юлиана, который после смерти Констанция II стал полновластным правителем империи. Однако Юлиан не предпринял против них никаких мер. Но спустя несколько лет, уже после смерти Юлиана, Фаустина с дочерью оказались в самом центре драматических событий.

В 365 г. в Константинополе объявился самозванец Прокопий – возможно, он был родственником матери Юлиана. Фаустина вместе с дочерью в это время находилась либо в самом городе на берегах

Босфора, либо в его ближайших окрестностях. И узурпатор этим воспользовался. Малолетнюю девочку он носил на руках перед толпами солдат, объявляя себя, на правах ближайшего родственника, опекуном ребенка – дело в том, что Констанция была единственным отпрыском великой династии, имевшим законные права на трон. Прокопий призывал сохранять верность памяти Константина Великого и Констанция И, которая в армии все еще была жива. Он также отобрал у Фаустины хранившиеся у нее регалии императорской власти. Было ли это сделано при ее согласии или под давлением – неизвестно.

Чуть позже, когда в Малой Азии дело дошло до первых столкновений армии Прокопия с войсками императора Валента, нового правителя восточных провинций, по приказу самозванца среди его войск появилась лектика с Фаустиной и ее дочерью, что должно было показать воинам, за кого они сражаются. Первые

сражения были выиграны Прокопием, однако, в конце концов, в мае 366 г. он потерпел поражение и был казнен. И снова, как и в прошлый раз, смена правителя практически не отразилась на судьбе обеих женщин. По всей вероятности, новый император принял к сведению, что у Фаустины просто не было выбора и ей пришлось покориться воле узурпатора. Наверняка он также должен был считаться и с общественным мнением, для которого имена отца, деда и прадеда Констанции все еще имели огромное значение. Наилучшим доказательством этого может служить тот факт, что спустя каких-то десять лет император Грациан женился на Констанции, чтобы узаконить свои права на трон.

Дожила ли до этого момента Фаустина, нам не известно.

Елена Младшая

Flavia Helena

Первая и единственная жена императора Юлиана, правившего в 360-363 гг.

Потомства не оставила.

Елена была дочерью (видимо, самой младшей) императора Константина Великого и Фаусты. Имя она получила в честь бабки, которая была то ли женой, то ли многолетней любовницей императора Констанция I. Поскольку Фауста умерла уже в 326 г., Елена родилась никак не позднее этого года. А это значит, что в ноябре 355 г. в Милане, когда она выходила замуж за своего двоюродного брата Юлиана, ей было уже почти тридцать. Для невесты в те времена это было слишком много. Тем более что жених был младше ее, по крайней мере, на семь лет, поскольку он родился в 332 г. Конечно, эту необычную ситуацию объясняет то, что брак был заключен скоропостижно и исключительно по политическим причинам. Дело в том, что император Констанций II, назначая Юлиана цезарем и доверяя ему защиту Галлии от германских набегов, решил, что этот брак обеспечит ему лояльность младшего соправителя. На редкость наивная иллюзия, тем более что сам Констанций прекрасно знал, что ни один династический брак в те времена не оправдал возлагаемых на него ожиданий и не помог предотвратить войну между правителями, которых связывали родственные узы. И союз Юлиана с Еленой очень быстро подтвердил все то же правило.

Современник событий историк Аммиан Марцеллин отмечает, что, выходя за Юлиана замуж, Елена все еще была девицей. И возникает вопрос: почему ее не выдали замуж раньше? Скорее всего, ее брат Констанций Второй, человек болезненно подозрительный и высокомерный, не видел кандидата, достойного стать его зятем.

Почти сразу же после свадьбы Елена вместе с мужем отправилась в Галлию, где молодой цезарь тут же занялся подготовкой к отражению германских набегов. Однако он не пренебрегал своим супружеским долгом, поскольку уже в 356 г. Елена родила сына. Ребенок, однако, умер сразу же после родов – как говорили, по вине акушерки. Как пишет Аммиан Марцеллин, она слишком близко отрезала пуповину, вызвав этим смерть новорожденного. По мнению историка, она совершила это преступление, будучи заранее подкупленной. «Сколько же стараний было приложено, чтобы на свет не появился потомок столь отважного мужа, каким был Юлиан!» – восклицает историк.

Каждый читающий эти слова должен, естественно, догадываться, что истинным виновником смерти ребенка был Констанций II. Но он ли и только ли он один? Тот же самый историк в другом месте направляет все подозрения в сторону жены императора, Евевии. Как утверждает Аммиан, в 357 г. Евсевия, демонстрируя свою благосклонность, пригласила Елену в Рим на торжества по случаю двадцатилетия правления Констанция II. Однако, как замечает историк, с ее стороны это был коварный ход: Евсевия, будучи сама бесплодной, напоила Елену отравой, которая должна была вызывать выкидыши при последующих беременностях.

Все эти слухи и обвинения, передаваемые разумным и интеллигентным писателем, каким, несомненно, был Аммиан, прекрасно характеризуют атмосферу взаимной подозрительности и клеветы при дворе императора, а также всеобщую уверенность в том, что члены этой семьи всегда готовы на любое преступление. А настоящая причина выкидышей у Елены могла быть вполне прозаична и в наши дни хорошо известна: конфликт крови супругов.

В феврале 360 г. Юлиан и Елена находились в местечке под названием Лютеция Паризиорум – сегодня этот город носит имя Париж. Это было первое достоверно подтвержденное посещение этого города императорской четой, хотя известно, что император особенно любил это место и даже оставил полное теплых слов его описание – самое древнее сохранившееся до наших дней описание Парижа. И тогда же в этом месте произошло первое событие, имевшее большое историческое значение – именно в Лютеции армия Юлиана провозгласила его императором. Сам он впоследствии утверждал, что произошло это помимо его воли.

Поскольку Констанций категорически отказал Юлиану в подтверждении этого титула, гражданская война казалась неизбежной. Вновь оказалось, что все родственные связи не имеют никакого значения. Елена оказалась в трудной ситуации. Кому она должна была сохранять верность – мужу или брату? Есть лишь один, и то лишь косвенный, намек на то, что она предпочла Юлиана. Он сам подтверждает, что в те критические дни в Лютеции один из вельмож ее двора выступил против тех воинов, которые оставались верны Констанцию.

А это никак не могло произойти без ведома и согласия самой Елены.

Однако дальнейшего развития событий Елена уже не дождалась – она умерла в 360 г. или в самом начале следующего года. По воле Юлиана тело ее было доставлено в Рим и похоронено в гробнице у дороги Via Nomentana, где уже

покоилась ее сестра Константина. Гробница в форме ротонды, украшенной прекрасными мозаиками, – одна из самых интересных архитектурных достопримечательностей Рима, сохранившихся с тех времен до наших дней. Сегодня она известна нам как собор Св. Констанции – так часто называли Константину, путая ее с ее родственниками Констанциями.

Аммиан Марцеллин с глубоким уважением замечает, что после смерти супруги Юлиан даже не приблизился ни к одной женщине. Однако возникает вопрос, как сложились бы их взаимоотношения, если бы она осталась жива. Елена была христианкой, а Юлиан вскоре проявил себя как ревностный язычник, приверженец многобожия.

Харито

Charito

Жена, скорее всего первая и единственная, императора Иовиана, правившего в 363-364 гг. Вышла замуж за Иовиана до того, как он пришел к власти.

Имела двоих сыновей.

Отец Харито, Луцилиан, родился неподалеку от города Сирмия на реке Саве. Во время правления Констанция II он дослужился до командира конницы Иллирии – части балканских провинций, но в 361 г. вышел в отставку и поселился у себя на родине. Видимо, именно тогда он выдал замуж дочь, выбрав ей в мужья своего земляка. Мужем Харито стал Иовиан, родившийся в соседнем Сингидунуме – нынешнем Белграде. Скорее всего, его предки издавна жили в этих местах, во всяком случае, известно, что там родился отец Иовиана, Варрониан. Он был начальником личной охраны императора Констанция II и приблизительно в то же время, что и Луцилиан, также вышел в отставку, чтобы спокойно жить в своем имении. А его место в корпусе личной охраны императора, которым в то время уже был Юлиан, занял сын Иовиан.

Так что это был типичный брак, заключенный между земляками, представителями одной и той же общественной группы, детьми профессиональных военных. Сын землевладельца из Паннонии, бывшего офицера элитарного корпуса, женился на дочери такого же помещика, тоже осевшего в Паннонии, такого же бывшего гвардейского офицера.

Подобная ситуация обычна и для многих современных стран, более всего, пожалуй, для Англии. Брак был заключен около 361 г., поскольку старший сын Иовиана и Харито, названный в честь деда Варрониано́м, в 363 г. был еще младенцем.

Редкое имя Харито, конечно же, имеет греческое происхождение. Девочку назвали в честь харит – богинь очарования. Родители ее отца, Луцилиана, были римлянами, как и все жители тогдашней Паннонии, но видимо либо сам Луцилиан, либо кто-то из его предков взял себе в жены девушку-гречанку и та как бы в приданое принесла в семью это имя.

В конце июня 363 г. в суматохе военного времени, во время отступления римской армии из Персии, император Юлиан получил смертельное ранение. Солдаты провозгласили императором командира гвардейцев Иовиана – не только за его личные качества, но и за памятные многим заслуги его отца Варрониана. Новый император быстро заключил мир с персами –

впрочем, довольно невыгодный, – и через Месопотамию и Малую Азию двинулся на запад. Его отец успел получить известие о приходе своего сына к власти, но вскоре умер – он так никогда и не увидел Иовиана императором. Отец же Харито, Луцилиан, был сразу же назначен главнокомандующим пехоты и конницы. По приказу Иовиана армия под руководством его тестя отправилась в Галлию, где Луцилиан и погиб во время мятежа в нынешнем Реймсе. Таким образом, ни отец, ни тесть так и не увидели императора Иовиана. Если верить одному из источников, то же самое можно сказать и о его жене Харито, хотя она и поспешила навстречу возвращавшемуся из похода мужу в сопровождении пышной свиты.

Однако одна из более поздних хроник дает повод предполагать, что в случае с Харито дело обстояло иначе. Так вот, 1 января 364 г. император торжественно вступил в должность консула в Ан- цире – современной Анкаре. В вице-консулы он назначил себе своего старшего сына Варрониана. Свидетель этих событий, Аммиан Марцеллин, пишет, что мальчик, совсем еще маленький и перепуганный тем, что творится вокруг него, жалобно плакал, когда его везли на традиционном стуле римского чиновника – так называемом курульном кресле. Впоследствии, как сообщает Аммиан, его детские всхлипывания сочли предвестьем будущего несчастья. Трудно представить себе, чтобы мать не сопровождала такого маленького ребенка во время его путешествия к отцу. А если Варрониан успел приехать в Анциру, значит, должна была успеть и Харито.

Сохранились еще и надписи, датированные по римскому обычаю именами консулов 364 г., то есть Иовиана и Варрониана, который назван в ней nobilissimus puer. Неизвестно, получила ли также и Харито титул nobilissima femina или титул августы.

Спустя всего лишь два месяца, в феврале 364 г., Иовиан, продвигаясь все дальше на запад, остановился на постоялом дворе у границы провинции Вифинии. После обильного ужина он удалился на отдых в только что побеленную комнату. Помещение было хорошо прогрето, поскольку зима была на редкость сурова. Утром императора обнаружили мертвым. Он правил всего лишь семь месяцев. Когда он умер, ему было 33 года.

Похоронили Иовиана в саркофаге в соборе Святых Апостолов в Константинополе. Много лет спустя рядом с ним упокоилась и Харито, что говорит о том, что оба они были христианами. Нам ничего не известно о жизни Харито и ее сыновей после смерти Иовиана, кроме одной короткой информации о том, что она жила в постоянном беспокойстве за судьбу свою и своих потомков. Семь месяцев славы – и многие годы постоянной неуверенности,

опасений и страха!

Марина Севера

Marina Seuera

Первая жена императора Валентиниана I, правившего в 364-375 гг. Брак был заключен до прихода Валентиниана к власти.

Имела сына.

Валентиниана, офицера высокого ранга, военные провозгласили императором в малоазиатском городке Никея через несколько дней после внезапной смерти Юлиана. Он был женат уже, по меньшей мере, шесть лет, поскольку его сын Грациан родился в апреле 359 г. Двойное имя его жены стало причиной некоторых недоразумений уже в древних источниках, поскольку одни из них упоминают ее как Марину, иные – как Северу, как будто это были две разные женщины. Валентиниан и его отец были уроженцами Паннонии, сын его и Марины Северы был рожден в той же провинции, в городе Сирмии, поэтому можно почти наверняка утверждать, что и она происходила из тех же краев.

Валентиниан, которого впоследствии назвали Первым, правил в западной части империи, сражаясь с германскими племенами на Рейне и на Дунае. Восток он оставил брату. Марина Севера сопровождала мужа в Галлию, во всяком случае, точно известно, что в 367 г. она была с ним в сегодняшнем Амьене. Там Валентиниан пережил очень тяжелую, едва не оказавшуюся смертельной болезнь, а когда он буквально чудом выздоровел, провозгласил августом своего сына Грациана, которому едва исполнилось восемь лет. Как свидетельствует один из источников, сделал он это под давлением жены и тещи. Однако вскоре после этого, наверняка еще до 370 г., Валентиниан развелся с матерью Грациана и отослал ее со двора, чтобы вторично жениться на Юстине.

Через несколько десятков лет после этого события христианский историк Сократ так представляет причину этого развода: Марина Севера познакомилась с красивой молодой девушкой Юстиной, которая после смерти отца осталась сиротой. И так ее полюбила, что они даже купались вместе. Очарованная красотой Юстины, она описала ее Валентиниану, утверждая, что даже она как женщина совершенно покорена красотой девушки. И это стало причиной того, что Валентиниан отстранил от себя Марину Северу, а в жены взял Юстину. И, как утверждает Сократ, тут же издал закон, позволяющий иметь две жены одновременно.

Рассказанная Сократом история настолько абсурдна, что даже не нуждается в комментариях. Юстина, выходя замуж за

Валентиниана, была не девушкой, а молодой вдовой. И император, вне всякого сомнения, не издавал никаких законов, позволяющих двоеженство. Ни о каком таком законе не сохранилось никакого упоминания, тем более что он полностью противоречил бы извечным принципам римского права, и провозглашение чего-то подобного стало бы громом с ясного неба. Не будем даже говорить и о психологической нереальности всей этой истории: маловероятно, чтобы жена расхваливала перед мужем исключительную красоту какой-то девушки.

Однако этим почти юмористическим россказням Сократа имеется вполне определенное обоснование. Дело в том, что, будучи христианином, Валентиниан не имел права разводиться. Однако было хорошо известно, что у императора было поочередно две жены, причем с обеими он вступил в законный брак. В этой ситуации набожный христианский историк, чтобы не подавать дурного примера малым мира сего, предпочел предположить, что развода с Мариной Северой не было, а значит, должен был существовать закон, разрешавший двоеженство.

Однако истинная причина расставания с первой женой была весьма прозаична. Об этом пишет на редкость достоверная хроника византийских времен, которая носит название Chronicon paschal. Так вот, все дело было в том, что императрица была виновна в злоупотреблении: воспользовавшись своим положением, она вынудила одну женщину продать ей за бесценок пригородное имение. Валентиниан, узнав об этом, собрал своих присяжных экспертов, которые оценили имение по рыночной стоимости. Земля была возвращена предыдущей владелице, а императрице пришлось расстаться и с мужем, и с императорским двором. Хотя, конечно, можно предположить, что эта история лишь послужила императору подходящим поводом для развода с Мариной Северой, который давал ему возможность взять более молодую и красивую жену.

После смерти Валентиниана Грациан позволил своей матери вернуться ко двору. Нам неизвестно, когда она умерла. Похоронена Марина Севера в Константинополе, в соборе Св. Апостолов, рядом с саркофагом мужа.

Юстина

Iustina

Вторая жена императора Валентиниана I, правившего в 364-375 гг. До брака с Валентинианом Юстина была женой, императора-самозванца Магненция. Брак с Валентинианом был заключен не позднее 370 г.

От этого брака имела сына и трех дочерей.

Дедом Юстины был, по всей вероятности, Ветий Юст, консул 328 г. Отец ее был наместником области Пицена в Италии. Эту должность он наверняка получил от императора-самозванца Магненция, который правил западной частью империи в 350-353 гг. Тогда же, вне всякого сомнения, он удостоился и чести стать тестем самозванца, выдав за него свою дочь Юстину. Однако самозванец, поверженный, в конце концов, императором Констанцием II, покончил жизнь самоубийством, и Юстина в возрасте не более 15 лет уже осталась вдовой. Сразу же после этого император приговорил к смерти ее отца, избавляясь от сторонников Магненция в Италии. Поводом к этому послужил сон о том, что Юст якобы метит на место императора. А к снам в то время относились очень серьезно. Снам, особенно снам лиц высокопоставленных, часто придавалось политическое значение.

К счастью для Юстины, детей от брака с Магненцием она не имела. Видимо, именно поэтому ей и ее братьям сохранили жизнь. Одного из братьев звали Констанцианом, а самого младшего – Цереалисом. Первый из них служил в армии и принимал участие в персидской кампании во времена правления Юлиана, а затем стал конюшим при дворе Валентиниана I. Он погиб в 369 г., попав в засаду разбойников, которые в те времена бушевали по всей стране. Вспоминая об этом, Аммиан Марцеллин называет его свойственником императора Валентиниана и родным братом Юстины и Цереалиса. Из этого замечания можно сделать вывод, что к тому времени Юстина уже была женой императора.

Историк Сократ утверждает, как уже говорилось, что невольным инициатором этого брака была первая жена Валентиниана, Марина Севера, нахваливавшая мужу необыкновенную красоту Юстины. И за эту свою опрометчивую болтовню она поплатилась потерей мужа, разводом и отстранением от двора. Вероятнее всего, мы никогда не узнаем, почему именно и при каких обстоятельствах император обратил свое внимание на Юстину. Возможно, что ее брат Констанциан, занимавший высокую должность при дворе, представил сестру Ва-

лентиниану, но все могло быть и совершенно иначе – что именно Констанциан был обязан сестре своей высокой должностью, которую он получил, когда Юстина стала императрицей. А может быть, Валентиниан сам захотел увидеть юную вдову Магненция и был очарован ее красотой?

Император умер осенью 375 г. В течение шести лет брака Юстина подарила ему четверых детей. Сын, родившийся в 371 г., был назван в честь отца и правил впоследствии под именем Валентиниана И. Родились также три дочери: Юста, Грата и Галла. Если среди детей не было близнецов, это означает, что Юстина рожала каждые полтора года.

Валентиниан I умер скоропостижно, от кровоизлияния в мозг. Это случилось в придунайском городке Бригецио. Императрица вместе с сыном в это время находилась на императорской вилле, расположенной за сто миль от места, где с мужем случился удар. Брат Юстины, Цереалис, не мешкая, перевез четырехлетнего мальчика в военный лагерь в Аквинкуме (нынешнем Будапеште), где его провозгласили императором. Империей с этого момента правили три императора: Востоком – Валент, брат умершего императора Валентиниана I, Западом – Грациан, сын все того же Валентиниана, а центральной частью, то есть Италией, балканскими и альпийскими провинциями, а также, по всей видимости, Африкой, – малолетний Валентиниан II. Политическую опеку над племянником осуществлял Грациан, а воспитанием мальчика занималась сама вдовствующая императрица Юстина. Она вместе с сыном большую часть времени пребывала в Сирмии или Медиолане (Милан).

Юстина была ревностной арианкой и открыто проявляла свои религиозные предпочтения в самых разных ситуациях. Таким же образом она формировала и религиозные взгляды своего сына. Не раз дело доходило до неприкрытых конфликтов Юстины с ортодоксальными христианами, и прежде всего с епископом миланским Амвросием, на защиту которого вставала его городская паства.

Тем временем ситуация в империи осложнялась и становилась все опаснее. В августе 378 г. император Валент погиб в битве с готами под Адрианополем. Его место на троне правителя Востока в следующем году занял Феодосий, покровительствовавший христианам. А на Западе в 383 г. самозванец Максим завладел Британией и перебросил свои войска в Галлию. Грациан пытался сдержать его продвижение, но был убит. О лютой ненависти, царившей между арианами и ортодоксальными христианами, свидетельствует пущенный впоследствии христианами слух о том, что Грациан якобы был

убит по наущению арианки Юстины, когда в Константинополе (где Грациан, скорее всего, никогда в жизни даже не бывал) он шел в свою ложу в цирке. Таким образом, из всей семьи Валентиниана его малолетний сын остался единственным представителем мужского пола. К счастью, у него была энергичная мать, которая отважно боролась за его права.

Когда в 387 г. нависла угроза вторжения Максима в Италию, Юстина вместе с детьми отправилась морем в Фессалонику. Там она сумела убедить Феодосия оказать им военную помощь для борьбы с узурпатором. Взамен недавно овдовевший Феодосий получил руку ее красавицы-дочери Галлы, укрепив тем самым свои права на трон. Император вместе с армией двинулся в Италию, преодолевая по пути Восточные Альпы, а Юстина вместе с сыном вернулась туда опять морем. Она отправилась прямиком в Рим, где сумела получить поддержку жителей города.

Летом 388 г. Максим был схвачен и казнен в Аквилее, а Феодосий триумфально въехал в Рим. Юстина, вероятнее всего, умерла еще до того, как закончились военные действия, но уже с полной уверенностью в своей победе. Если бы ей суждено было прожить дольше, она наверняка не допустила бы до того, что окружение ее сына признало его недееспособным, что довело его до самоубийства в 392 г. Юстина, вероятнее всего, умерла в начале лета 388 г., не дожив до 50 лет. Похоронили ее в Медиолане.

Домника

Albia Domnica

По всей вероятности первая и единственная жена императора Валента, правившего в 364-378 гг.

Имела сына и двух дочерей.

Когда в марте 364 г. Валентиниан I сделал своего младшего брата Валента августом и доверил ему управление восточными провинциями, тот, вероятнее всего, уже был женат на Домнике, поскольку уже в следующем месяце, то есть в апреле, отец Домники Петроний, командир одного из отборных легионов, был срочно возведен в звание патриция. Петроний пользовался своим влиянием, беззастенчиво занимаясь совершенно немыслимым вымогательством. Поговаривали, что он умудрялся собирать недоимки еще времен Аврелиана, то есть почти за сто прошедших с той поры лет. Вызванные этим грабежом народные волнения были одной из основных причин появления в 375 г. узурпатора Прокопия. Восстание удалось подавить лишь весной следующего года.

Единственный сын Валента и Домники родился в январе 366 г. Он получил имя Валентиниан – в честь брата отца и прозвище Галатский – вероятно, потому, что он появился на свет в Галатии – центральной части Малой Азии. Когда ему было всего лишь три года, отец назначил его консулом – должность эта давно уже стала лишь почетным званием. Чуть позже, но еще до наступления 373 г., Галат тяжело заболел и умер. Одни источники сообщают, что это случилось в Антиохии, другие – что в Каппадокийской Кесарии. Именно в это время между епископом той же Цезареи, непримиримым католиком Василием Великим, и императорской четой, не менее ревностными приверженцами арианства, произошел серьезный конфликт. Поговаривали, что это именно Домника оказывала влияние на взгляды мужа, склоняя его к арианству. Католические писатели в один голос утверждают, что во время болезни мальчика Бог посылал Домнике кошмарные сны, а смерть любимого сына стала карой обоим супругам за неправильные религиозные взгляды. Так трактовалось в те времена милосердие господне. Ариане же, что нетрудно предположить, приписывали произошедшую трагедию гнусным происка католиков и насланным ими злым чарам. Тон этих взаимных обвинений удивительно похож на пышущие ненавистью заявления протестантов и их противников периода религиозных войн XVI-XVII веков.

Домника, по всей вероятности, была очень религиозна,

поскольку воспитание своих дочерей Анастасии и Каросы доверила монаху по имени Марциан. Он принадлежал к схизматикам, которых называли новацианами, отличавшимся исключительной строгостью нравов.

Важную роль сыграла Домника в трагические дни после смерти мужа, который в августе 378 г. погиб под Адрианополем в битве с готами. Орды захватчиков добрались тогда до стен Константинополя. Жители столицы пытались отражать наступление, вооружаясь всем, что только под руку попало. И тогда вдовствующая императрица распорядилась выплачивать им вознаграждение из императорской казны, как воинам регулярной армии. О дальнейшей судьбе Домники нам ничего не известно.

Констанция

Flavia Constantia

Первая жена императора Грациана, правившего в 367-383 гг.

Констанция родилась в конце 361 или в начале 362 г., уже после смерти своего отца Констанция II, умершего в ноябре 361 г. Первые годы своей жизни она вместе с матерью Фаустиной жила в Константинополе или в его окрестностях. И там они в 365 г. попали в руки самозванца Прокопия, который воспользовался ими для достижения своих политических целей. Держа девочку на руках, он демонстрировал ее отрядам своих солдат или же приказывал носить ее вместе с матерью в лектике перед готовыми к бою отрядами. Этим он стремился доказать, что является защитником прав покойного мужа одной и отца второй. Прокопий был разбит и казнен в мае 366 г. императором Валентом. Однако Констанцию и ее мать оставили в живых, поскольку было совершенно очевидно, что они просто вынуждены были подчиняться узурпатору. К тому же память о великой династии все еще была жива среди армии и народа, и эти две последние оставшиеся в живых ее представительницы пользовались огромным уважением.

Именно поэтому правивший западной частью империи Грациан решил жениться на Констанции. Шел 374 г., и девочке было всего тринадцать лет, а ему – чуть больше четырнадцати. Констанция отправилась в дальнюю дорогу на запад. Часть пути проходила по берегу реки Савы. И всем было совершенно невдомек, в какой опасности окажется там дочь римского императора, будущая императрица. Случилось так, что именно в эти дни отряды германского племени квадов неожиданно нарушили границу и ворвались на территорию провинции. Они жаждали отомстить за смерть одного из своих вождей, предательски убитого римлянами. Все это происходило в период сбора урожая, и крестьяне работали в поле. Германцы убивали всех, кто пытался оказать им сопротивление, а остальных вместе со скотом уводили с собой.

Аммиан Марцеллин пишет: «Дело дошло тогда до непростительного преступления, которое следовало бы отнести к числу самых позорных поражений римлян. Дочь императора Констанция, остановившаяся на отдых в одном из имений, чуть было не была захвачена в плен. Однако благодаря счастливому божественному провидению наместник провинции Мессала спешно отвез ее на телеге в город Сирмий, расположенный на расстоянии 26 миль от имения. Так что девушка из

императорского рода чудом избежала горестного плена. Ведь если бы ее не удалось выкупить, государство ждали бы дальнейшие страшные несчастья».

В браке с Грацианом Констанция родила сына, который, однако, умер в раннем возрасте. Нам не известно даже его имя. Однако известно, что сама Констанция умерла весной 383 г., прожив всего лишь 22 года. Останки ее были перевезены в Константинополь – видимо, таково было желание ее матери. Хроники сообщают, что гроб с телом привезли в город 31 августа, а похороны состоялись лишь 1 декабря.

Столь длительный срок между смертью, перевозкой тела в столицу и похоронами в те времена был достаточно частым явлением, особенно в высокопоставленных семьях. Когда через девять лет после этого в мае в Галлии умер молодой император Валентиниан II, его тело было перевезено в Милан, где в течение нескольких недель оставалось незахороненным. Епископ Медиолана Амвросий в письме к императору Феодосию, написанном в конце июня, призывает того дать согласие на погребение, чтобы тело покойного окончательно не разложилось из-за летней жары.

Констанция – последняя известная нам представительница династии, основатель которой, Констанций I, надел императорский пурпур в 293 г., то есть ровно за 90 лет до смерти молодой жены Гра- циана. Как же так получилось, что сыгравший такую важную роль в истории империи род (хотя бы потому, что он был первой христианской династией) так быстро исчез с лица земли – всего лишь через три или четыре поколения? Основной причиной этого, несомненно, стали внутрисемейные убийства. Самыми страшными преступлениями запятнали себя Константин Великий и Констанций II, тогда как Констанций I и Юлиан не были отмечены этим пороком. Бывали в семье и случаи гомосексуализма – по крайней мере, один из них подтвержден совершенно бесспорно. В некоторых брачных союзах, похоже, имел место конфликт крови супругов, и потому они остались бездетными либо потомство умирало еще в младенчестве.

Лета

Laeta

Вторая и последняя жена Грациана, правившего в 367-383 гг. Потомства не оставила.

Первая жена Грациана, Констанция, умерла по- видимому в конце весны 383 г., а сам он умер в конце того же года, успев перед этим жениться вторично. Значит, второй брак он заключил практически сразу же после смерти Констанции, задолго до окончания срока траура, когда ее тело было еще на пути в Константинополь! Поспешность, с которой он женился на Лете, просто поражает. Чем же это можно объяснить?

Мы можем лишь предполагать, поскольку не знаем ничего ни о семье невесты, ни о самой избраннице. Однако некоторые обстоятельства трагической смерти Грациана и источники, близкие к тем временам, позволяют догадаться, что Грациан был влюблен в Лету. Возможно, чувство это зародилось еще при жизни Констанции, а узаконили роман лишь после ее смерти.

Когда Грациан, армия которого была разбита у побережья Галлии, бежал на юг со своей личной охраной, его преследователи устроили ему засаду поблизости от Лугдуна (нынешнего Лиона). Император уже готов был к переправе через реку, когда на другом берегу появилась женская лектика или карета. Грациан был уверен, что это прибыла Лета. Поэтому, как пишет Соземон, «он тут же без всяких колебаний ринулся через реку, поскольку совсем недавно женился. Он был молод и очень сильно влюблен в эту женщину и страшно по ней тосковал». И таким образом из-за своей неосторожности и любви к жене Грациан попал в руки Максима. По одним сведениям, его тут же и убили, по другим – его отвезли в Лугдун и убили там на пиру. Произошло это 24 августа. Процессия с телом его покойной первой жены в это время лишь приближалась к Константинополю. Такое вот странное стечение обстоятельств!

Лета и ее мать Тизамена остались живы. Император Феодосий предоставил им опеку и поддержку. Последняя и единственная информация о их дальнейшей судьбе гласит, что когда в 408 г. Аларих осадил Рим и в городе воцарился страшный голод, они, имея гарантированные поставки продовольствия из государственного запаса, спасли многих от голодной смерти. Лете в то время должно было быть уже около сорока лет.

Флацилла

***Aelia Flavia Flaccilla**, которую греки называли также Плакиллой или Плакидией*

Первая жена императора Феодосия Великого, правившего в 379-395 гг. Брак был заключен до прихода Феодосия к власти.

Получила титул августы.

Имела двоих сыновей и дочь.

Когда в 376 г. Феодосий женился на Флацилле, ему было тридцать лет, а ей – около пятнадцати. Несмотря на молодость, Феодосий был уже опытным военным, офицером высокого ранга. Служил он сначала под командованием своего отца в Британии, а затем командовал войсками придунайской провинции Мезии. Однако в 375 г. его отец, бывший в то время наместником провинции Африки, пал жертвой коварных политических интриг и был казнен в Карфагене. Феодосий бросил службу и поселился в родовом имении в Испании – скорее всего, в местечке Каука, поблизости от нынешней Саламанки. Возможно, что именно там он и женился на Флацилле, которая также родилась в Саламанке. В 377 г. у них родился сын Аркадий, а скорее всего год спустя – дочь Пульхерия.

Однако поражение римлян в битве с готами под Адрианополем и смерть императора Валента заставили Феодосия вернуться на службу. Уже в 378 г. он разгромил часть варварских орд в балканских провинциях, а в январе 379 г. он с согласия императора Грациана был провозглашен цезарем. В качестве соправителя он вместе с Грацианом управлял востоком и балканскими провинциями. Семья переселилась в Константинополь, который фактически был второй столицей империи.

Феодосий и Флацилла были ревностными католиками, и это означало серьезные изменения во взаимоотношениях между церковью и государством, особенно в восточной части империи, где более полувека императоры поддерживали ариан. Их современники и писатели более позднего времени прославляли Флациллу как женщину чрезвычайной набожности, укреплявшую мужа в его антиарианских взглядах и всячески поддерживавшую католиков. Как утверждают ее современники, она также была щедра на пожертвования для бедных, навещала больных, заступалась перед императором за приговоренных. В 384 г. она родила второго сына, Гонория. Феодосий относился к жене с огромным, даже несколько нарочитым уважением. Он построил в Константинополе дворец и назвал его ее именем, ее статуи

стояли в залах заседаний столичного сената и городского совета Антиохии. Он пожаловал жене титул августы, чего давно уже не делали его предшественники.

В 385 г. или в начале следующего года умерла малолетняя Пульхерия. Это был страшный удар для всей семьи. Покойной устроили пышные похороны, а речь над гробом произнес Григорий из малоазиатского города Ниссы, впоследствии ставший святым. Больная, сломленная страданием, Флацилла выехала на воды в один из фракийских городков. Там она вскоре и умерла в возрасте двадцати с небольшим лет. С искренней болью прощались с ней огромные толпы народа, а речь, прославляющую веру и достоинства императрицы, произнес над гробом все тот же Григорий из Ниссы. Смерть Флациллы (или ее похороны) пришлась на 14 сентября, поскольку в православной церкви в этот день ее вспоминают как святую.

Галла

Galla

Вторая и последняя жена Феодосия Великого, правившего в 379-395 гг. Брак был заключен в 387 г.

Умерла в 394 г.

Родила дочь.

Осенью 387 г. в порт Фессалоники вошел корабль, доставивший несколько высокопоставленных особ. Среди них была и императрица Юстина, вдова умершего за двенадцать лет до этого императора Валентиниана I. Был там и ее 17-летний сын, император Валентиниан II, а также три дочери – Галла, Юста и Грата. Ни одна из них к этому моменту не достигла 15 лет.

Императорская семья прибыла сюда из Италии, которой угрожало нападение армии узурпатора Максима. Он уже с 383 г. владел сначала Британией, а потом Галлией и Испанией. Находившийся в Константинополе Феодосий оказался в трудной ситуации. Он не жаждал войны с Максимом, однако побаивался его растущей мощи. Не мог он напрямую и отказать в своем покровительстве Валентиниану II, поскольку формально они были соправителями. Феодосий подумывал о заключении компромиссного договора с Максимом, и неизвестно, как бы все повернулось, если бы не энергичность Юстины и не красота ее дочери Галлы.

Историк Зосима пишет, что Феодосий отправился в Фессалонику, чтобы лично убедить высоких гостей из Италии согласиться с его планом.

Однако во время этой встречи он был совершенно очарован необыкновенной красотой Галлы, а Юстина, с плачем упав на колени, умоляла его отомстить за смерть Грациана и не оставить беженок без поддержки. Судьба Галлы полностью зависела от Феодосия.

В действительности встреча и переговоры, скорее всего, проходили не столь драматично и театрально, ведь речь шла о семейно-политической сделке. Феодосий, уже год как овдовевший, получил руку Галлы – дочери и сестры императора. Таким образом он укрепил свои права на трон и связал с собой Валентиниана II. Со своей стороны Феодосий потребовал, чтобы все семейство Юстины прекратило поддерживать ариан.

Максим был разбит уже в следующем году и за свое честолюбие заплатил жизнью. Валентиниан II вернулся в Италию вместе с матерью, которая, однако, в том же году умерла. Сопровождали его в Рим и две сестры, поскольку резиденцией

Галлы и ее мужа была вторая столица – Константинополь. Феодосий явно потворствовал всем капризам молодой и красивой жены, что вызвало страшную ревность к ней Аркадия – старшего сына императора от первого брака. В 390 г. дело дошло до резкого публичного столкновения, когда в отсутствие императора в столице Аркадий осмелился выгнать мачеху из дворца. Это событие наделало много шума, и о нем писали во всех хрониках.

Через два года после этого молодую женщину, потерявшую уже и отца, и мать, настиг еще один тяжелый удар. Ее любимый брат Валентиниан II был то ли убит в Южной Галлии, то ли вынужден был совершить самоубийство. Императрица, как пишет Зосима, наполнила весь дворец плачем и страданием. Наверняка дело не обошлось без уговоров мужа отомстить за смерть молодого императора.

Галла родила трех детей. Один ребенок умер прямо во время родов или вскоре после этого. Второй, дочь по имени Галла Плацидия, выжила и впоследствии сыграла важную роль в истории. Третьи роды в мае 394 г. оказались для Галлы роковыми. Умерла и она сама, и новорожденный. Муж оплакивал жену и ребенка всего один день – он отправлялся с армией в поход, чтобы расправиться с убийцами Валентиниана II – вождем Арбогастом и самозванцем Евгением.

Галла умерла, дожив всего лишь до 22 или 23 лет. Она была последней императрицей единой, еще официально не разделенной на две части, Римской империи.

Примечания

[1] Особы священной и достойной обоготворения (Словарь классических древностей).

[2] Сенека, «Утешение к Марции».

[3] Сапожок – лат.

[4] **Меднобородый – лат.**

[5] **К. Тацит. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Анналы. Л., 1969. С. 279-280. Пер. А. Бобовича.**

[6] **Эквиты (equites) – представители сословия всадников.**

[7] **Квесторы (лат. quaestores от quaero – ищу, разыскиваю, веду следствие) – в Древнем Риме разновидность**

должностных лиц (магистратов), которые имели разнообразную компетенцию: одни ведали некоторыми уголовными делами, другие хранили казну

[8] Наилучший принцепс – лат.

[9] **Территория в Восточной Европе, одно время входившая в Австро-Венгерскую империю.**

Примечания

Комментарии